Жорж Сименон

Колебания Мегрэ

Мегрэ и его мертвец

Время Анаис

Мегрэ и его мертвец
Жорж Сименон

Аннотация
Мегрэ и его мертвец
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая

Аннотация

Комиссару Мегрэ звонит человек, утверждающий, что его преследуют, чтобы убить. Комиссар отнёсся с доверием к полученной информации, отправил инспектора в заведение, откуда был звонок, но тот никого не застал. Звонки от преследуемого продолжались, к вечеру прекратились, а ночью обнаружили его труп. Теперь Мегрэ считает делом чести найти убийц…

Мегрэ и его мертвец

Жорж Сименон
Maigret et son mort

Глава первая

— Прошу прощения, мадам… — наконец-то прервал свою словоохотливую посетительницу комиссар Мегрэ. — Теперь вы говорите, что дочь пытается вас отравить.

— Сущая правда.

— Но минуту назад вы столь же категорично заявили, будто ваш зять незаметно подошел к горничной и влил яд не то в кофе, не то в настой ромашки, предназначенный для вас…

— Сущая правда.

— А между тем… — Мегрэ взглянул или сделал вид, что разглядывает записи, сделанные во время беседы, продолжавшейся больше часа. — Между тем вначале вы утверждали, что ваша дочь и ее муж терпеть друга не могут.

— И это правда, господин комиссар.

— И все же сговорились вас убить?

— Да нет же! Видите ли… Они независимо друг от друга пытаются отравить меня. Понимаете?

— И ваша племянница Рита?

— Она тоже. Независимо от остальных.

На дворе стоял февраль. Погода выдалась ясная,

солнечная. Порой проливались дождем плывущие в небе пушистые облака. Однако со времени появления гостьи в кабинете Мегрэ трижды подкладывал дрова в камин, последний камин в полицейском управлении. С каким трудом удалось отстоять его комиссару, когда в доме на набережной Орфевр устанавливали центральное отопление!

В норковой шубе, черном шелковом платье, вся в брильянтах — драгоценности сверкали в мочках ушей, на груди, шее, запястьях, как у цыганки, — гостья, видно, обливалась потом. Она и впрямь походила скорее на цыганку, чем на светскую даму. Яркий грим шелушился и местами осыпался.

— Словом, вас пытаются отравить сразу трое.

— Не просто пытаются, а уже принялись за дело.

— И вы предполагаете, что делают они это без ведома друг друга?

— Не только предполагаю. Я в этом уверена, — дама говорила с тем же румынским акцентом, какой был у знаменитой актрисы, выступавшей в театрах на Бульварах, и взрывалась такой же страстностью, не раз заставлявшей Мегрэ вздрагивать.

— Я в своем уме… Вот, прочтите… Полагаю, вы знаете профессора Тушара? Всякий раз, как идет какой-нибудь важный процесс, его приглашают экспертом.

Она все предусмотрела, даже не забыла проконсультироваться у самого известного в Париже специалиста по душевным болезням и получить у него записку, подтверждающую ее вменяемость!

Оставалось лишь одно — терпеливо ждать да время от времени записывать в блокнот несколько слов, чтобы ублажить посетительницу. У нее была рекомендация министра, тот лично позвонил начальнику уголовной полиции. Муж дамы, умерший несколько недель назад, был государственным советником. Жила она на улице Пресбур, в одной из каменных громад, выходящих фасадом на площадь Звезды.

— Что касается зятя, дело обстоит следующим образом… Я изучала этот вопрос… Вот уже несколько месяцев я наблюдаю за ним…

— Выходит, он принялся за дело, когда еще жив был ваш муж?

Дама показала аккуратно вычерченный план второго этажа своего дома.

— Буквой «А» обозначена моя комната. Комната моей дочери и ее мужа — буквой «Б»… Но уже

некоторое время Гастон там не спит.

Телефон. Наконец-то Мегрэ получил какую-то передышку.

— Алло… Кто говорит?

Обычно диспетчер соединял с ним лишь в экстренных случаях.

— Простите, господин комиссар… Некто, не желающий назваться, хочет непременно поговорить с вами… Он говорит: это вопрос жизни и смерти.

— И ему нужно поговорить именно со мной?

— Да… Соединить его?

Тут Мегрэ услышал взволнованный голос:

— Алло… Это вы?

— Да, я комиссар Мегрэ.

— Простите… Моя фамилия для вас ничего не значит, но вы знали мою жену Нину… Вы слушаете? Мне надо рассказать вам все как можно быстрее. Он может появиться здесь каждую минуту…

«Ну и ну! — подумал было Мегрэ. — Еще один чокнутый. Вот денек выдался».

Он заметил, что тронутые попадаются пачками, словно находясь под воздействием определенных фаз луны. Надо будет заглянуть в календарь.

— Сначала я хотел прийти к вам… Прошел по

набережной Орфевр, но во Дворец правосудия войти побоялся. Он преследовал меня по пятам. По-моему, ему ничего б не стоило выстрелить…

— О ком вы говорите?

— Минуточку… Я недалеко… Напротив вашего управления. Недавно окно ваше видел… Набережная Гран-Огюстен… Небольшое кафе под названием «Подвалы Божоле» знаете?.. Я вошел в телефонную будку… Алло… Вы слушаете?

Часы показывали десять минут двенадцатого. Мегрэ по привычке отметил на листке время, записал название кафе.

— Я продумал все возможные варианты… Обратился к полицейскому на площади Шатле.

— Когда?

— Полчаса назад… Один из этих людей шел за мной по пятам… Невысокий такой, темноволосый… Их несколько, они меняют друг друга… Не уверен, что сумею опознать их всех… Знаю только, что низенький брюнет из их шайки.

Молчание.

— Алло! — произнес Мегрэ.

Молчание продолжалось еще несколько мгновений, затем голос стал слышен вновь.

— Извините… Кто-то вошел в кафе. Я открыл дверь телефонной кабины, чтоб посмотреть. Ока-

залось, это просто рассыльный…

— Что вы сказали полицейскому?

— Сказал, что со вчерашнего вечера меня преследуют несколько человек… Точнее, со второй половины дня… Что они явно пытаются убить меня… Просил его арестовать типа, который шел за мной.

— Полицейский отказался?

— Он велел показать того человека. Я попытался это сделать, но опознать его не смог… Поэтому полицейский мне не поверил… Улучив момент, я спустился в метро… Выскочил из вагона, как только поезд тронулся… Петлял по переходам… Вышел напротив большого универмага возле ратуши. Прошел по всем галереям…

Бедняга, видно, шел быстро, если не бежал: голос у него был хриплый и отрывистый.

— Вот о чем я вас прошу. Поскорей отправьте детектива в штатском… В кафе «Подвалы Божоле»… Он не должен со мной разговаривать… И вообще обращать внимание… Я выйду из кафе… Тогда тот малый наверняка последует за мной… Как только вы его арестуете, я приду к вам и все выложу начистоту.

— Алло!

— Я говорю, что…

Молчание. Какая-то возня.

— Алло!.. Алло!..

Связь оборвалась.

— Я вам говорила, — как ни в чем не бывало продолжала пожилая дама, увидев, что инспектор повесил трубку.

— Одну минуту, с вашего позволения. — Мегрэ открыл дверь, ведущую в дежурное помещение.

— Жанвье. Надень шляпу и бегом на набережную Гран-Огюстен. Там есть небольшое кафе «Подвалы Божоле». Узнай, там ли еще тот малый, который только что звонил.

Комиссар снова снял трубку:

— Соедините меня с кафе «Подвалы Божоле».

Он посмотрел в окно и на другом берегу Сены, где к набережной Гран-Огюстен примыкает парапет моста Сен-Мишель, увидел узкий фасад неказистого бистро, куда иногда захаживал, чтобы выпить у стойки стаканчик вина. Вспомнил, что надо спуститься на ступеньку вниз, что в помещении прохладно и что на владельце черный фартук.

Вход в кафе загораживал грузовик. Прохожие обходили его по мостовой.

— Видите ли, господин комиссар…

— Прошу прощения, мадам! — По-прежнему

глядя в окно, Мегрэ стал старательно набивать трубку.

Эта старуха со своими россказнями отнимет у него все утро, если не больше. Принесла с собой груду бумаг, планов, свидетельств, даже анализы продуктов.

— У меня всегда были подозрения, вы понимаете?

От посетительницы исходил густой, удушливый аромат духов, наполнявший помещение и перебивавший запах трубочного табака.

— Алло! Вам еще не удалось связаться?

— Пытаюсь, господин комиссар… Но номер постоянно занят… Может, трубка снята?

В одной рубашке, без пиджака, Жанвье развязной походкой перешел мост и сразу направился в бистро. Грузовик отъехал, но внутри кафе все равно было слишком темно. Прошло еще несколько минут. Затем зазвонил телефон.

— Все в порядке, господин комиссар. Телефон работает.

— Алло!.. Кто говорит? Это ты, Жанвье? Трубка была снята?.. Ну?..

— Действительно, по телефону говорил невысокий мужчина.

— Ты его видел?

— Нет. Когда я пришел, его уже не было. Видно, он все время глядел в окно кабины и открывал дверь.

— А потом?

— Вошел какой-то тип, посмотрел на телефонную кабину, подойдя к стойке, заказал стакан аперитива. Как только первый заметил его, то сразу же оборвал разговор.

— Они оба вышли из кафе?

— Да, один за другим.

— Пусть кабатчик как можно подробнее опишет их обоих... Алло!.. Возвращайся через площадь Шатле... Расспроси постовых полицейских... Выясни, не обращался ли к кому-нибудь из них минут сорок назад этот малый с просьбой арестовать его преследователя.

Когда Мегрэ повесил трубку, старуха, одобрительно поглядев на него, произнесла, словно ставя хорошую отметку:

— Вот как надо вести расследование. Вы время зря не тратите. Ничего не упускаете из виду.

Мегрэ со вздохом сел. Он хотел было открыть окно: в натопленной комнате становилось душно, но решил все-таки спровадить министерскую протеже.

Обен-Васконселос. Эта фамилия надолго вреза-

лась ему в память, хотя Мегрэ больше не видел эту даму. Уж не умерла ли она вскоре? Вряд ли. Он бы узнал об этом. Может, ее отправили в лечебницу? А может, не найдя поддержки со стороны полиции, она обратилась в какое-нибудь частное агентство? Вероятно, на другой день у нее появилась какая-то другая мания.

Битый час пришлось комиссару слушать россказни о всех обитателях того мрачного дома на улице Пресбур, которые только и думали с утра до вечера, как бы отравить старуху.

В двенадцать часов Мегрэ наконец открыл окно и с трубкой в зубах вошел в кабинет начальника управления.

— Отделались от нее деликатно?

— По возможности.

— В свое время она была одной из красивейших женщин Европы. Я знал ее мужа. Это был самый мягкий, самый бестолковый и самый нудный человек, какого только можно представить. Вы идете, Мегрэ?

Тот заколебался. На улицах чувствовалось чуть слышное дыхание весны. В кафе «Дофина» столы уже были вынесены на террасу, и замечание шефа Мегрэ воспринял как приглашение пропустить рюмку аперитива.

— Пожалуй, я останусь. Утром мне звонили. Странный это был разговор.

Он хотел было рассказать подробнее, но тут задребезжал телефон. Начальник снял трубку, потом протянул Мегрэ.

— Это вас, Мегрэ.

Инспектор сразу же узнал голос. В нем было еще больше отчаяния, чем утром.

— Алло!.. Нас прервали… Он вошел… Он мог услышать через дверь кабины. Я испугался…

— Где вы?

— В кафе «Таба де Вож» на углу площади Вож и улицы Фран-Буржуа… Я попытался оторваться от него… Не знаю, удалось ли… Клянусь, он постарается убить меня… Объяснять слишком долго… Другие, верно, подняли бы меня на смех, но вы…

— Алло!

— Он здесь… Я… Извините…

Начальник уголовной полиции посмотрел на Мегрэ. Тот насупился.

— Что-нибудь случилось?

— Право, не знаю… Какая-то нелепая история… Не возражаете?..

Мегрэ снял трубку другого аппарата.

— Соедините меня с «Таба де Вож»… Да, владельца… — Обратившись к начальнику, комиссар

добавил:

— Только бы он не забыл повесить трубку!

Телефон зазвонил почти тотчас.

— Алло! «Таба де Вож»? Я разговариваю с владельцем?.. Посетитель, который только что звонил, все еще у вас?.. Что такое?.. Да, сходите и выясните… Алло!.. Только что ушел?.. Он расплатился?.. Скажите, входил ли кто-нибудь еще, когда он разговаривал по телефону? Нет… На террасу?.. Посмотрите, там ли он еще?.. Тоже ушел?.. Не дождавшись выпивки, которую заказал?.. Благодарю… Нет… Кто интересуется, вы говорите?.. Полиция… Нет, не беспокойтесь…

И тут Мегрэ решил не идти с шефом в кафе «Дофина». Когда он открыл дверь дежурной комнаты, то увидел Жанвье. Тот успел вернуться и ждал его.

— Зайди ко мне. Рассказывай.

— Довольно странный тип… Невысокий, в плаще, серая шляпа, черные туфли… Влетел в кафе «Подвалы Божоле» и кинулся к телефонной будке. Мимоходом крикнул хозяину: «Плесните чего-нибудь…» В окно кабины кабатчик видел, как тот возбужденно размахивал руками. Потом, когда вошел другой, он выскочил как пробка, не успев ничего ни выпить, ни сказать, и кинулся в

сторону площади Сен-Мишель.

— А второй?

— Тоже низенький… То есть не очень высокого роста, плотный такой, чернявый…

— А кто с полицейским на площади Шатле?

— Так все и было. Малый в плаще подходил к нему, запыхавшийся и крайне возбужденный. Отчаянно жестикулировал, просил арестовать человека, который его преследует, но в толпе опознать его не смог.

— Ступай на площадь Вож, в табачную лавку на углу улицы Фран-Буржуа.

Невысокий человек в бежевом плаще и серой шляпе, у которого привычка размахивать руками. Вот почти все, что о нем известно. Оставалось лишь одно: стоять у окна и разглядывать толпу, хлынувшую из учреждений, заполняя кафе, террасы, рестораны. Париж выглядел оживленным и веселым. Весна не за горами. Скоро все газеты сообщат, что расцвел знаменитый каштан на бульваре Сен-Жермен.

Мегрэ позвонил в кафе «Дофина».

— Алло, Жозеф? Это Мегрэ. Не пришлешь ли мне кружку пива и бутербродов? Да, для одного.

Прежде чем успели принести бутерброды, ему снова позвонили. Мегрэ тотчас узнал голос; ко-

миссар распорядился, чтобы диспетчер соединял, ни секунды не мешкая.

— Алло!.. На этот раз я от него вроде отделался…

— Кто вы?

— Муж Нины… Да это неважно… Их по крайней мере четверо, не считая женщины… Пусть кто-нибудь сию же минуту придет и…

На сей раз собеседник не успел сообщить, откуда он звонит. Мегрэ связался с телефонисткой. На это ушло несколько минут. Звонили из «Четырех сержантов из Ля Рошели», ресторанчика на бульваре Бомарше, неподалеку от площади Бастилии.

Это было также недалеко и от площади Вож. По существу, можно было проследить зигзаг, которым двигался по району этот невысокий человек в плаще.

— Алло, это ты, Жанвье?.. Я так и подумал, что ты еще здесь…

Мегрэ звонил ему на площадь Вож.

— Живо ступай в кафе «Четыре сержанта из Ля Рошели»… Да, такси не отпускай…

Прошел час. Ни звонка, ни вестей от «Нининого мужа». Зазвонил телефон, но это был официант из кафе.

— Алло! Я разговариваю с комиссаром Мегрэ? С самим Мегрэ? Я официант кафе «Бираг» на улице Бираг. Я по поручению одного клиента, он просил меня позвонить вам…

— Давно?

— Примерно четверть часа назад. Мне следовало бы позвонить сразу, но у нас такой наплыв посетителей…

— Невысокий человек в плаще?

— Да… Значит, это правда. А то я боялся: меня разыгрывают. Похоже, он очень спешил. Все время глядел на улицу. Минутку, сейчас точно припомню. Он велел передать, что попробует привести своего спутника в «Пушку Бастилии». Знаете, где это? Это пивная на углу бульвара Генриха Четвертого… Он просил прислать кого-нибудь как можно скорее… Минутку… Было еще что-то… Вы, наверное, поймете, о чем речь… Вот его точные слова: «Человека сменили… теперь это здоровенный, рыжий, самый опасный из всех».

Мегрэ отправился в кафе сам. До площади Бастилии добрался на такси меньше чем за десять минут. Это было просторное, тихое заведение. Посещали его чаще всего завсегдатаи, которые заказывали дежурное блюдо или холодное мясо. Поискав взглядом человека в плаще, посмотрел

на вешалку, надеясь увидеть бежевый плащ.

— Послушайте, гарсон…

Официантов было шестеро. Не считая кассира и хозяина. Он опросил их всех. Интересующее его лицо никто из них не заметил. Тогда комиссар устроился в уголке возле двери. Заказал кружку пива, в ожидании потягивая трубку. Полчаса спустя, хотя и съел свои бутерброды, заказал еще порцию капусты и принялся разглядывать прохожих. Всякий раз, заметив плащ, Мегрэ вздрагивал. А в плащах были многие. Уже третий раз за день шел дождь,

мелкий грибной дождь, не мешавший светить солнцу.

— Алло!.. Уголовная полиция?.. Говорит Мегрэ. Жанвье вернулся? Соедините меня с ним. Это ты, Жанвье? Хватай такси и живо в «Пушку Бастилии». Как ты выражаешься, сегодня выдался ресторанный день. Буду ждать. Нет, ничего нового…

Если человечек, размахивающий руками, их разыгрывает, дело худо. Оставив Жанвье в «Пушке Бастилии», Мегрэ на том же таксомоторе вернулся к себе.

Маловероятно, чтобы мужа Нины убили после половины первого. Туда, где нет народу, он,

похоже, не забирался. Наоборот, он выбирал оживленные улицы и людные кварталы. Но на всякий случай комиссар связался с оперативниками, которые занимались чрезвычайными происшествиями и постоянно находились в курсе всего, что происходит в городе.

— Если вам станет известно, что с человеком в плаще произошло какое-нибудь несчастье, что он оказался замешанным в драку или вроде этого, дайте мне знать.

Мегрэ также позаботился, чтобы в его распоряжении оставили автомобиль. Возможно, все это ни к чему, но он решил не пренебрегать ни одной мелочью.

Он принимал посетителей, выкуривая одну трубку за другой. Окно оставалось открытым. Мегрэ с укоризной поглядывал на телефон, продолжавший молчать.

«Вы встречали мою жену…» — говорил тот человек.

Мегрэ машинально попытался вспомнить женщину по имени Нина. Должно быть, ему попадалась не одна. Несколько лет назад он знавал некую Нину, содержавшую небольшое бистро в Канне, но та была в летах и наверняка умерла. У жены есть племянница по имени Алина, которую

все зовут Ниной.

— Алло!.. Комиссар Мегрэ?

Было четыре часа дня, но Мегрэ успел включить настольную лампу с зеленым абажуром.

— Говорит почтмейстер 28-го почтового отделения на улице предместья Сен-Дени. Простите за беспокойство. Возможно, это просто розыгрыш. Несколько минут назад к окошку приема заказных бандеролей подошел клиент. Алло! Он, похоже, очень торопился. Выглядел испуганным. Так сказала мне служащая, мадемуазель Данфер… То и дело оглядывался. Сунул ей листок. И сказал: «Не старайтесь ничего понять. Срочно позвоните комиссару Мегрэ и передайте вот это сообщение». А потом исчез в толпе. Служащая обратилась ко мне. Этот листок лежит передо мной. Написано карандашом, корявым почерком. Человек, видно, царапал на ходу… Вот текст: «Я не смог пойти в «Пушку»… Вы понимаете, что это значит? Я — нет… но это неважно. Потом… одно слово я не могу разобрать… «Теперь их двое, чернявый вернулся». Я не уверен, что написано «чернявый»… Что вы сказали? Хорошо, раз вы считаете, что так и должно быть… Тут еще что-то написано… «Я уверен: они решили меня прикончить сегодня. Иду к набережной… Но это дошлый народ. Преду-

предите полицию».

Это все. Если угодно, я пришлю вам записку с посыльным. На такси? Ладно. При условии, что оплачиваете вы…

— Алло! Жанвье? Можешь возвращаться, старина…

Полчаса спустя оба сидели и курили в кабинете Мегрэ. В камине тускло алел уголек.

— Пообедать-то хоть успел?

— Съел порцию капусты в «Пушке».

Точь-в-точь как сам Мегрэ! Комиссар успел заменить своими людьми всех патрульных велосипедистов и постовых полицейских. Парижане, которые валом валили, заполняя универмаги, толкались, врываясь в кинотеатры и станции метро, ничего не заметили. А между тем сотни глаз внимательно изучали толпу, вглядываясь в каждое бежевое пальто, каждую серую шляпу.

Часов в пять, когда в районе Шатле народу было особенно много, снова пошел дождь. Мостовые блестели. Вокруг фонарей возник ореол. Каждые десять минут прохожие останавливали такси.

— По словам хозяина «Подвалов Божоле», ему лет тридцать пять — сорок… Владелец табачной лавки «Вож» считает — около тридцати… У него бритое лицо, румяные щеки, светлые глаза. А что

за человек, выяснить не сумел… Мне сказали: «Такие, как он, попадаются на каждом шагу».

В шесть позвонила мадам Мегрэ, пригласившая на ужин сестру. Она желала удостовериться, что муж не задержится, и попросила зайти по пути в кондитерскую.

— До девяти подежуришь? Я попрошу Люка сменить тебя.

Жанвье охотно согласился. Оставалось одно — ждать.

— Если что, звякни мне домой.

Мегрэ не забыл заглянуть в кондитерскую на авеню де ля Репюблик, единственное, по мнению мадам Мегрэ, заведение, где можно достать хорошие пирожные. Поцеловал свояченицу, от которой всегда пахло лавандой. Поужинали втроем. Выпил рюмку яблочной водки. Прежде чем проводить Одетту до метро, позвонил в управление.

— Люка? Что новенького? Ты еще у меня в кабинете?

Люка, должно быть, читал, забравшись в кресло Мегрэ, положив ноги на стол.

— Продолжай, старина… Доброй ночи.

Когда Мегрэ возвращался от станции метро, на бульваре Ришар-Ленуар было безлюдно. Тишину

нарушали лишь его собственные шаги. Послышался стук каблуков. Комиссар вздрогнул и невольно оглянутся. Он подумал о том человеке, который, возможно в эту самую минуту мечется по улицам, сторонясь темных закоулков и в поисках хоть какой-то защиты забегая в бары и кафе.

Уснул Мегрэ раньше жены. По крайней мере, так она утверждала, как утверждала также, будто он храпит. Когда зазвонил телефон, будильник на прикроватной тумбочке показывал двадцать минут третьего. На проводе был Люка.

— Возможно, зря вас беспокою, шеф. Мне самому пока мало что известно. Только что звонил дежурный из оперативного отдела. На площади Согласия обнаружен убитый… Неподалеку от набережной Тюльери. Делом занимается Первый округ. Я попросил ребят из комиссариата оставить все как было. То есть как? Хорошо. Если вам угодно. Пришлю за вами такси…

Мадам Мегрэ вздохнула, увидев, что муж натягивает брюки и ищет сорочку.

— Как думаешь, это надолго?

— Не могу сказать.

— Неужели нельзя было послать какого-нибудь инспектора?

Когда муж открыл буфет, стоявший в столовой,

мадам Мегрэ поняла: тот собирается налить себе рюмку кальвадоса. Комиссар вернулся еще раз: забыл свои трубки.

Такси уже стояло у подъезда. Большие Бульвары были почти пустынны. Над зеленоватым куполом Оперы плыла огромная, ярче обыкновенного, луна.

На площади Согласия, возле сада Тюльери, у тротуара стояли два автомобиля. Рядом двигались какие-то фигуры.

Едва Мегрэ вышел из такси, как тотчас увидел бежевый плащ, темным пятном выделявшийся на серебристой мостовой.

Расступились облаченные в пелерины полицейские, навстречу комиссару вышел инспектор из Первого округа.

— Это был не розыгрыш. Доконали-таки они его! — проворчал Мегрэ.

Со стороны Сены, протекавшей поблизости, доносился прохладный плеск воды, от улицы Руайяль к Елисейским полям бесшумно мчались машины. В ночной тьме над рестораном Максима горели алые буквы вывески.

— Заколот ножом, господин комиссар, — констатировал инспектор Лекё, старинный знакомец Мегрэ. — Мы не вынимали, ждали вас.

Отчего же у Мегрэ тотчас возникло чувство, будто тут что-то не так?

Площадь Согласия, над которой вознесся белый Обелиск, слишком обширна, слишком заносчива, слишком на виду. Все это не увязывалось с утренними телефонными звонками, с кабачком «Подвалы Божоле», лавкой «Таба де Вож» и кафе «Четыре сержанта», что на бульваре Бомарше.

До самого последнего зова о помощи, записки, сунутой в окошечко почтовой конторы в предместье Сен-Дени, человек этот держался района с узкими людными улочками.

Мог ли бы человек, которого преследуют, который знает, что по пятам за ним движется убийца, и каждую минуту ожидает удара, мог ли бы такой человек очутиться на широком, открытом пространстве площади Согласия?

— Вот увидите, выяснится, что убит он был не здесь

Слова Мегрэ подтвердились час спустя, когда принес свой рапорт сержант Пьебеф, дежуривший у ночного кабаре на улице Дуэ.

Перед кабаре остановился автомобиль, в котором находились двое мужчин в смокингах и две женщины в вечерних платьях. Все четверо были в веселом расположении духа, особенно один из

мужчин. Когда его спутники ушли, он вернулся.

— Послушайте, сержант. Не знаю, разумно ли я делаю, что рассказываю это вам. Я не хочу, чтобы нам испортили вечер. Да уж куда ни шло! Поступайте, как знаете. Когда мы проезжали площадь Согласия, впереди нас остановился автомобиль. Я сидел за рулем и притормозил, решив, что у того поломка. Из автомобиля что-то вытащили и положили на мостовую. По-моему, это был труп…

Желтый «ситроэн» с парижским номером. Две последние цифры «3» и «8».

Глава вторая

Когда же именно в управлении уголовной полиции Нининого мужа стали называть «мертвецом комиссара Мегрэ»? Пожалуй, с первой же их встречи в ту ночь на площади Согласия, если только это можно назвать встречей. Инспектора Лекё поразило необычное отношение комиссара к убитому. Трудно сказать определенно, почему оно было необычным, это отношение. Насильственная смерть, самые неестественные позы трупов — для полицейских зрелище привычное. Все это воспринимается ими с профессиональным равнодушием, если не сказать цинизмом. Так ведут себя студенты-медики, очутившись в больничной палате. Более того, Мегрэ, похоже, не был поражен в обычном смысле слова.

Почему он, против обыкновения, не начал с осмотра трупа? Комиссар, стоявший среди полицейских в форме, сперва сделал несколько затяжек. Разговаривая с Лекё, он время от времени поглядывал на молодую даму в мохеровом платье и норковой шубке, вышедшую из автомобиля в сопровождении двух мужчин.

Вцепившись в руку одного из спутников, дама словно чего-то ждала.

Лишь спустя некоторое время комиссар медленно подошел к распростертому телу в плаще, так же медленно склонился над ним. Словно то был его друг или родственник, рассказывал позднее Лекё.

Когда Мегрэ выпрямился, лицо у него было хмурое, сердитое. Словно обвиняя в чем-то присутствующих, он произнес:

— Кто это сделал?

Определить, чем были нанесены удары — кулаками или ногами, — было невозможно. Однако не то до того, как несчастный был заколот, не то после его жестоко избили: губа рассечена, лицо распухло, став почти неузнаваемым.

— Жду труповозную машину, — объяснил Лекё.

До того как беднягу изувечили, лицо его было вполне обыкновенным, моложавым и, вероятно, довольно жизнерадостным. Даже мертвое, оно сохранило выражение какой-то наивной простоватости.

Почему же женщину в норковом манто особенно потрясло зрелище ноги в сиреневом носке? Рядом с другой ногой в черной замшевой туфле

нога выглядела нелепой, точно голой. В зрелище было что-то интимное, как бы принадлежавшее вовсе не мертвецу. В шести-семи метрах Мегрэ нашел и вторую туфлю.

После этого он не проронил больше ни слова. Лишь ждал и курил. Шепотом переговариваясь, подошло еще несколько любопытных. Потом у тротуара остановился труповозный фургон, двое работников погрузили тело убитого. На мостовой не оказалось ни единого пятна крови.

— Пришлите мне протокол осмотра, Лекё.

Тогда-то, верно, Мегрэ, забравшийся на переднее сиденье фургона, и решил заняться трупом.

Работа продолжалась всю ночь и все утро. Можно было подумать, что тело было его собственностью, что убитый принадлежал лишь одному комиссару.

Мерсу, одному из специалистов технического отдела, Мегрэ велел приехать в институт судебно-медицинской экспертизы. Мерс был молод, худощав, высок и неулыбчив. Под толстыми стеклами очков прятались застенчивые глаза.

— За работу, мой мальчик…

Послали и за доктором Полем. Его приезда ждали с минуты на минуту. Если не считать сторожа и замороженных трупов неизвестных, обнару-

женных в Париже за последние несколько дней, они тут были одни.

При свете дня все казалось кричаще грубым. Работали без лишних слов и движений, похожие на прилежных рабочих из ночной смены, занятых особенно сложным делом.

В карманах обнаружили лишь пачку крепкого табака, папиросную бумагу, коробок спичек, дешевый перочинный нож, допотопный ключ, карандаш, платок без инициалов. В кармане брюк немного мелочи. Ни бумажника, ни удостоверения личности.

Предметы одежды — сорочку, а потом туфли, носки — Мерс аккуратно сложил в пакет из пергаментной бумаги. Вещи среднего качества. На пиджаке этикетка магазина готового платья, что на Севастопольском бульваре. Брюки поновее и другого цвета.

Когда появился доктор Поль — борода аккуратно расчесана, глаза ясные, хотя его среди ночи подняли с постели, — труп был раздет донага.

— Ну, Мегрэ, что-то расскажет нам этот бедолага?

И действительно, задача заключалась в том, чтобы заставить мертвеца заговорить. Такова обычная процедура. Комиссару можно было бы

поехать домой и лечь спать: результаты всевозможных анализов доставят ему утром в кабинет.

Однако он остался наблюдать за работой эксперта, с задумчивым видом посасывая трубку и засунув руки в карманы.

Доктору пришлось ждать: фотографы мешкали. Воспользовавшись паузой, Мерс занялся ногтями убитого — на руках и на ногах. Материал для исследования он складывал в два мешочка, на которых начертал какие-то кабаллистические знаки.

— Не так-то просто будет навести на него марафет, — рассмотрев лицо убитого, заключил фотограф.

По инструкции полагалось сделать сначала снимки тела и раны. Затем — лица: надо раздать фотографии представителям прессы с целью опознания личности. Надо добиться того, чтобы лицо убитого как можно точнее походило на лицо живого человека. Вот почему технический эксперт гримировал труп, в холодном свете ламп казавшийся особенно бледным, зато щеки и губы были раскрашены словно у уличной женщины.

— Теперь дело за вами, доктор.

— Вы останетесь, Мегрэ?

Комиссар остался. До самого конца. А затем

вместе с доктором Полем отправился выпить кофе с ликером в небольшом бистро, только что распахнувшем ставни.

— Вы, верно, не захотите ждать, пока я напишу свое заключение? Скажите, дело важное?

— Пока не знаю…

Рядом ели свои круассаны рабочие. Глаза у них были еще сонные. На пальто осели капельки утреннего тумана. Было свежо, у прохожих изо ртов вырывались облачка пара. Одно за другим на разных этажах освещались окна домов.

— Для начала скажу, что человек этот скромного достатка. Судя по костяку и состоянию зубов, детство его прошло в бедности, заботились о нем плохо. Руки не указывают на принадлежность к какой-либо определенной профессии… Сильные, но довольно холеные… Рабочим он быть не мог. Служащим тоже: на пальцах отсутствуют характерные деформации от продолжительного письма или работы на машинке… У него налицо плоскостопие — им страдают люди, привыкшие весь день стоять на ногах…

Записей Мегрэ не делал: услышанное врезалось ему в память.

— Теперь важный вопрос: время совершения преступления… Могу с уверенностью сказать, что

убийство случилось между восемью и десятью часами вечера…

Мегрэ уже сообщили о показаниях ночных гуляк и о желтом «ситроэне», замеченном на площади Согласия сразу после часа ночи.

— Послушайте, доктор, неужели вы ничего больше не заметили?

— Что вы имеете в виду?

Доктор Поль, обладатель знаменитой бороды, тридцать пять лет работал медицинским экспертом и в уголовных делах разбирался лучше многих полицейских.

— Убийство не было совершено на площади Согласия.

— Очевидно.

— Вероятно, это произошло в каком-нибудь закоулке.

— Возможно.

— Когда в таком городе, как Париж, идут на риск и тело убитого перевозят с одного места в другое, делают это обычно с целью скрыть его, чтобы труп обнаружили как можно позднее.

— Вы совершенно правы, Мегрэ. Об этом я не подумал.

— На этот раз мы имеем дело с лицами, которые рискуют. Их могут схватить. Во всяком случае,

они могут навести на свой след. Ведь делается это в самом сердце Парижа, в людном месте, где даже глубокой ночью труп и десяти минут не пролежал бы незамеченным…

— Иными словами, убийцы хотели, чтобы тело обнаружили. Так я вас понимаю?

— Не вполне. Да и не в этом дело.

— И все-таки они постарались, чтобы труп нелегко было опознать. Удары по лицу наносились не голыми кулаками, а каким-то тяжелым предметом… Каким именно, сказать затрудняюсь…

— До смерти?

— После. Спустя несколько минут…

— Вы уверены, что это произошло всего несколько минут спустя?

— Пожалуй, не позднее чем через полчаса… Потом, Мегрэ, есть еще одна деталь. По-видимому, я опущу ее в своем заключении, поскольку не уверен в ней. Кроме того, не хочу, чтоб мои выводы оспаривал адвокат, когда дойдет до суда… Я тщательно обследовал рану, сами видели. За свою практику мне довелось видеть сотни ножевых ран. Готов поклясться, что этот удар нанесен чересчур уж расчетливо.

Представьте себе: стоя лицом друг к другу, ссо-

рятся два человека. Один из них наносит удар… Так вот, рану, которую я осматривал, никак нельзя было нанести таким вот образом. На удар сзади тоже не похоже.

Но представьте, человек садится или даже встает, поглощенный каким-то делом. Убийца подкрадывается сзади, обхватывает жертву рукой и наносит сильный точный удар. Более того, у меня такое впечатление, будто жертву во время убийства связали или держали за руки и буквально прооперировали. Улавливаете?

— Улавливаю…

Однако Мегрэ хорошо знал: мужа Нины не могли застать врасплох, ведь все последние сутки он бегал от своих убийц.

Вопрос, который для доктора Поля представлял чисто теоретический интерес, по-человечески волновал Мегрэ.

Комиссар слышал голос этого человека. Следуя за ним шаг за шагом из одного бистро в другое во время его лихорадочного бега по улицам все одних и тех же кварталов района Шатле-Бастилия, Мегрэ почти видел его наяву.

Оба шли по набережной. Мегрэ сосал свою трубку, доктор Поль выкуривал сигарету за сигаретой. Во время вскрытий он тоже безостановочно

курил, утверждая, что табак — лучшее антисептическое средство. Забрезжил рассвет. Одно за другим плыли по Сене суда. С трудом передвигая окоченевшие ноги, вылезали на свет божий бродяги, проведшие ночь под мостами.

— Человека этого убили вскоре после последней его трапезы, возможно, даже тотчас же.

— А что он ел, не скажете?

— Гороховый суп, соленую треску с кремом и яблоко. Выпил белого вина. В желудке у него я также обнаружил остатки водки.

В этот момент оба проходили мимо кафе «Подвалы Божоле», только что открывшего деревянные ставни. Внутри, откуда доносился запах дешевого вина, царил полумрак.

— Вы домой? — спросил доктор, намереваясь остановить такси.

— Зайду в научно-технический отдел.

В массивном здании на набережной Орфевр почти никого не было, если не считать уборщиков, работавших в коридорах и на лестницах, еще отдающих зимней сыростью.

Войдя в кабинет, Мегрэ увидел Люка, задремавшего у него в кресле.

— Что новенького?

— Редакции уже получили фотографии, но

поместят в утренний выпуск лишь некоторые газеты: снимок поздно размножили.

— А автомобиль?

— Обнаружен уже третий желтый «ситроэн», но пока не тот.

— Жанвье ты звонил?

— В восемь он меня сменит.

— Если кто-нибудь спросит, буду наверху… Пусть диспетчер соединит.

Спать Мегрэ не хотелось, но он чувствовал себя отяжелевшим, движения стали замедленными. По узкой лестнице поднялся на чердачный этаж Дворца правосудия, куда публику не пускали. Приоткрыв дверь с матовым стеклом, увидел Мерса, склонившегося над каким-то прибором, пошел дальше и добрался до дактилоскопической картотеки.

Не успел он и рта раскрыть, как эксперт-дактилоскопист покачал головой:

— Ничего не обнаружено, господин комиссар.

Иными словами, «Нинин муж» ни разу не преступал французских законов.

Выйдя из помещения, Метра направился к Мерсу. Сняв пальто, после некоторого колебания развязал душивший его галстук.

Мертвеца здесь не было, но он, казалось, нахо-

дится тут, а не в секции, куда поместил его сторож института судебной медицины.

Говорили мало. Оба продолжали работать, не заметив, что в окно мансарды проник солнечный луч. Стоявший в углу манекен на шарнирах пригодился Мегрэ и на этот раз.

Выколотив одежду убитого, Мерс исследовал пыль.

Теперь этой одеждой занялся Мегрэ. Осторожно, словно художник-декоратор, принялся надевать на манекен (он был примерно того же роста, что и убитый) сорочку и брюки.

Едва комиссар успел надеть на манекен пиджак, вошел Жанвье, бодрый и веселый: ведь он спал в собственной постели и поднялся с рассветом.

— Они-таки замочили его, а, шеф?

Взглянув на Мерса, Жанвье подмигнул: шеф, видно, сегодня не расположен к разговорам.

— Нам только что сообщили еще об одном желтом автомобиле. Люка его осмотрел. Это не тот, что нам нужен. И потом, номер оканчивается на девятку, а не на восьмерку.

Мегрэ отступил на шаг, чтобы полюбоваться своей работой.

— Ничего не замечаешь? — спросил он детек-

тива.

— Минутку. Нет. Никак не пойму… Тот человек был не такой высокий. Пиджак вроде коротковат…

— Это все?

— Разрез от удара ножа не широк…

— Больше ничего?

— На нем жилета не было.

— Что меня поражает, так это то, что пиджак из иного материала, чем брюки. И иного цвета.

— Бывает и так.

— Одну минуту… Хорошенько взгляни на брюки. Они почти новые. А пиджак от другого костюма и куплен года два назад, не позже.

— Похоже, так оно и есть.

— А ведь человек этот, судя по носкам, сорочке и галстуку, очень заботился о своей внешности. Свяжись с «Подвалами Божоле» и другими бистро… Попробуй выяснить, были ли на нем пиджак и брюки разного цвета.

Пристроясь в уголке, Жанвье принялся обзванивать все кафе по порядку. Голос его создавал в комнате как бы фоновый шум.

— Говорят из уголовной полиции, — монотонно повторял он. — Я инспектор, с которым вы вчера разговаривали… Не могли бы вы сказать…

К сожалению, тот человек нигде не снимал пальто. Возможно, он его расстегивал, но никто не заметил, каков был цвет его пиджака.

— Что ты делаешь, когда приходишь домой?

Жанвье, женатый всего год, улыбнулся.

— Жену целую…

— А потом?

— Усаживаюсь, она мне домашние туфли несет.

— Потом?

Поразмыслив немного, сыщик хлопнул себя по лбу.

— Понял! Пиджак снимаю…

— Дома ты носишь какой-то особенный пиджак?

— Да нет… Просто надеваю какой-нибудь старый, в нем как-то удобнее себя чувствуешь.

После этих слов убитый незнакомец стал им вроде бы ближе. Вот он пришел домой, возможно, поцеловал жену, как Жанвье. Снял новый пиджак и надел поношенный… Закусил.

— Какой сегодня день?

— Четверг.

— Выходит, вчера была среда. Ты часто ешь в ресторанах? В дешевых ресторанах, вроде тех, где наш знакомый был, видно, завсегдатаем?

С этими словами Мегрэ натянул бежевый плат плечи манекена. Накануне, примерно в то же время или чуть позже, когда владелец его вошел в «Подвалы Божоле», вон там, чуть не на глазах у них, стоило лишь посмотреть в слуховое окно на противоположный берег Сены, плащ этот был на плечах живого человека.

И человек этот обратился к Мегрэ. Не просто комиссару или детективу или же, наподобие тех людей, что считают свое дело особо важным, к самому начальнику уголовной полиции.

Ему нужен был именно Мегрэ.

«Вы меня не знаете», — признался он, правда, прибавив: — «Вы встречали мою жену Нину…»

Жанвье никак не мог взять в толк, к чему клонит комиссар, толкуя насчет ресторанов.

— Ты любишь «брандад»?

— Обожаю. Блюдо это тяжеловато для пищеварения, но все равно ем его, как только представляется такая возможность…

— Вот-вот!.. И часто жена готовит его тебе?

— Нет. Возни слишком много. Такое кушанье дома не часто отведаешь.

— Выходит, ты ешь его в ресторане, когда оно имеется в меню?

— Да.

— И часто его подают?

— Не знаю. Дайте подумать. Иногда по пятницам…

— А вчера была среда… Позвони доктору Полю и передай мне трубку. — Доктор, составлявший протокол вскрытия, не удивился вопросу Мегрэ.

— Скажите, не было ли в треске трюфелей?

— Конечно, нет… Иначе бы я обнаружил.

— Спасибо… Вот так-то, Жанвье! В блюде этом трюфелей не было. Их обычно кладут в дорогих ресторанах. Выходит, дорогие отпадают. Сходи к детективам. Пусть Торранс и еще двое-трое парней помогут тебе. На коммутаторе не будут в восторге: на некоторое время тебе придется занять все линии связи. Обзвони один за другим все рестораны, начиная с района, где ты вчера работал. Выясни, не было ли у них вечером в меню соленой трески с кремом… Погоди минуту… Начни с заведений, носящих южные названия. Именно там тебе скорее всего может повезти.

Не слишком польщенный или обрадованный возложенным на него поручением, Жанвье вышел.

— Мерс, нож у тебя есть?

Близилось к полудню, а Мегрэ все еще возился со своим мертвецом

— Вставь кончик в разрез на плаще. Хорошо. Теперь не шевелись…

Слегка приподняв ткань, он посмотрел на пиджак, находившийся под ней.

— Разрезы на плаще и пиджаке не совпадают. Теперь ударь иначе. Встань слева. Справа. Ударь сверху. Снизу.

— Понимаю…

Эксперты и ассистенты, работавшие в огромном помещении лаборатории, искоса посматривали на обоих, насмешливо переглядываясь.

— И опять не совпадают. Между отверстиями в плаще и пиджаке целых пять сантиметров. Принеси стул. Помоги…

Оба с чрезвычайной осторожностью усадили манекен.

— Хорошо. Когда человек садится, к примеру, за стол, пальто у него может задраться. Попробуй…

Напрасно пытались они совместить оба разреза, которые по логике должны были очутиться один поверх другого.

— Так вот в чем дело! — воскликнул Мегрэ, словно решив трудное уравнение.

— Хотите сказать, что в момент убийства он был без плаща?

— Почти наверняка.

— Однако в верхней одежде есть разрез от удара ножом…

— Разрез был сделан позднее, чтоб создалось такое впечатление. Ведь в помещении — дома или в ресторане — человек плащ не надевает. Когда эти люди решили испортить плащ, они хотели внушить нам, будто убийство произошло на улице. И раз они не поленились это сделать…

— …то выходит, что преступление было совершено в помещении, — закончил Мерс.

— По той же самой причине они не побоялись доставить труп на площадь Согласия, туда, где никакого убийства и не происходило.

Выколотив о каблук трубку, Мегрэ надел галстук. Еще раз взглянул на манекен: тот теперь еще больше походил на живого человека. Если же смотреть сбоку, когда не видно было лишенное черт лицо, сходство становилось особенно разительным.

— За что-нибудь зацепился?

— Да зацепки-то нет никакой. Правда, в углублении подошвы обнаружил следы довольно специфической грязи. Земля, пропитанная вином. Как в деревенском подвале, где только что раскупорили бочонок.

— Продолжай работать. Позвони, я буду у себя

в кабинете.

Когда комиссар вошел в кабинет начальника уголовной полиции, тот встретил его словами:

— Ну, что известно о вашем мертвеце, Мегрэ?

Так впервые была произнесена эта сакраментальная фраза. Кто-то, видно, известил начальника о том, что с двух часов утра комиссар Мегрэ пытается выяснить личность незнакомца.

— Все-таки они его прикончили? Должен признаться, вчера я был склонен полагать, что вы имеете дело с шутником иди сумасшедшим.

— Я так не думал. Я поверил ему, после первого же его звонка…

Почему? Он бы и сам не сумел объяснить. Но уж наверняка не потому, что человек этот обратился к нему лично. Разговаривая с шефом, Мегрэ невольно поглядывал на залитую светом набережную на противоположном берегу Сены.

— Руководить расследованием прокурор поручил судебному следователю Комелио. Утром они отправляются в институт судебной медицины. Не хотите составить им компанию?

— Какой смысл?

— Вам все же надо бы повидаться с Комелио. Или позвонить. Он довольно обидчив.

Мегрэ это знал.

— Не кажется ли вам, что с убитым свела счеты какая-то банда?

— Не могу сказать. Проработаю эту версию, хотя такого впечатления у меня и не складывается.

В преступном мире не принято выставлять напоказ свои жертвы на площади Согласия.

— Что ж, делайте, что считаете необходимым. Наверняка кто-нибудь скоро опознает его…

— Это бы меня удивило…

Мегрэ испытывал какое-то странное чувство, которое вряд ли бы сумел объяснить. Все как-то увязывалось одно к одному, но стоило попытаться четко сформулировать свои предположения, получалась путаница.

Вновь и вновь мысли его возвращались к жуткой находке на площади Согласия. Выходит, кто-то хотел, чтобы труп обнаружили, причем обнаружили быстро. Гораздо проще и менее опасно было бы, к примеру, бросить тело в Сену, где его смогли бы отыскать лишь спустя несколько дней, а то и недель.

Убитый не был ни богачом и ни общественным деятелем. Заурядный обыватель.

Но если кто-то хотел, чтобы полиция заинтересовалась жертвой, почему он изувечил ей лицо и вынул из карманов все, что могло бы способство-

вать опознанию?

А этикетку с пиджака не сняли. Очевидно, по той причине, что пиджак из магазина готового платья, такие носят тысячи.

— У вас озабоченный вид, Мегрэ.

— Все как-то не увязывается между собой, — единственное, что мог ответить Мегрэ.

Слишком много деталей противоречило друг другу. И еще одно обстоятельство озадачивало Мегрэ, если не сказать, досаждало. По существу, последней весточкой от него была записка, оставленная в почтовой конторе предместья Сен-Дени. В этой записке бедняк настойчивее всего взывал о помощи. Даже просил Мегрэ предупредить дежурных полицейских, чтобы любой из них смог прийти ему на выручку.

И вот в промежуток от восьми до десяти вечера его убили.

Что же он делал с четырех до восьми? Данными на этот счет комиссар не располагал. Он вспомнил историю с потерпевшей аварию подводной лодкой. Благодаря радио свидетелем ее оказался целый мир. Все явственно слышали сигналы, подаваемые людьми, очутившимися в западне. Перед мысленным взором у всех возникали спасательные суда, снующие взад-вперед над местом

трагедии. Затем сигналы стали слышаться все реже и реже. И неожиданно воцарилась тишина.

У неизвестного не было уважительных причин молчать. На многолюдных улицах Парижа, средь бела дня, похитить его не могли. Ранее восьми часов его не убили.

Все указывало на то, что человек этот сходил домой, тем более что надел другой пиджак. Пообедал дома или в ресторане. Причем не торопясь, спокойно, раз успел съесть суп, блюдо из трески и яблоко. Яблоко — оно-то и указывало на то, что он был тогда спокоен!

— Но почему он не меньше четырех часов не давал о себе знать?

Не колеблясь, неоднократно обращался к комиссару за помощью, умолял немедленно пустить в ход полицейский аппарат. Но после четырех часов словно бы изменил свои намерения, решив, видно, не связываться с полицией.

Это встревожило Мегрэ. Его мертвец словно бы оказался не верен ему.

— Ну как, Жанвье?

В дежурке было накурено. Четверо детективов е унылым видом сидели у телефонов.

— Блюда из трески не обнаружено, шеф! — комически вздохнул Жанвье. — Мы обследовали

этот район. Осталось еще связаться с Монмартром. Торранс занимается площадью Клиши…

Мегрэ тоже позвонил из своего кабинета, но его объектом был небольшой трактир на улице Лепик.

— Да, на такси. Сию же минуту…

На письменном столе лежали фотографии убитого, сделанные ночью. Утренние газеты, отчеты, записка от судебного следователя Комелио.

— Это ты, мадам Мегрэ? Не так чтоб очень плохо. Успею ли домой к обеду, не знаю. Нет, побриться даже некогда было. Попробую сходить к парикмахеру. Да, поел.

Попросив курьера, старого Жозефа, задержать возможного посетителя, Мегрэ все-таки сходил побриться. Следовало лишь мост перейти. Зайдя в первую же парикмахерскую на бульваре Сен-Мишель, с недовольным видом посмотрел в зеркало на мешки под глазами.

Уходя из кабинета, Мегрэ знал, что не устоит перед искушением заглянуть в «Подвалы Божоле» пропустить стаканчик. Во-первых, потому, что ему нравилась атмосфера таких вот бистро, где никогда не бывает много народу и где владелец беседует с вами, как со старым знакомым. Кроме того, нравилось божоле, особенно когда

его, как здесь, подают в глиняных кувшинчиках. Была и еще одна причина. Он искал следы своего мертвеца.

— Странное у меня было чувство, господин комиссар, когда газету утром читал. Вы знаете, видел я его мельком. Но он мне понравился. Как сейчас вижу: входит, руками размахивает. Верно, он был расстроен, но лицо у него славное. Готов биться об заклад, когда у него все было в порядке, он был веселым парнем… Вы подымете меня на смех, но вот чем больше я думаю об этом, тем чаще приходит мне в голову: чем-то он смахивает на клоуна. Кого-то мне напоминает. Вот уже несколько часов ломаю голову.

— Кто-то похож на него?

— Да. То есть нет. Все гораздо сложней. Напоминать напоминает, а кого, не скажу. Разве его еще не опознали?

Это тоже было странно (ведь газеты вышли), хотя вряд ли неестественно. Правда, лицо изуродовано, но не настолько, чтобы не мог узнать человек, хорошо знавший убитого, — к примеру, жена или мать.

Был же у него дом, хотя бы номер в дешевой гостинице. И дома он отсутствовал всю ночь.

По логике, за последние несколько часов кто-

нибудь должен был узнать фотографию или же известить полицию о его исчезновении.

И все-таки Мегрэ на это не рассчитывал. Очутившись по эту сторону моста, он направился к себе в кабинет, все еще ощущая во рту приятный, чуть терпкий привкус божоле. Поднимаясь по обшарпанной лестнице, комиссар невольно ловил взоры, исполненные почтения и страха.

Взгляд в окно приемной. Человек стоял, непринужденно потягивая сигарету.

— Проходи…

Проведя посетителя в кабинет и усадив его в кресло, снял пальто и шляпу, краешком глаза наблюдая при этом за гостем. Тот издали смотрел на фотографии убитого.

— Ну, Фред…

— Я к вашим услугам, господин комиссар. Не ждал, что вам понадоблюсь.

Посетитель, худой и очень бледный, был одет с женственной элегантностью. Вздрагивающие порой ноздри выдавали в нем наркомана.

— Не знаешь его?

— Когда я увидел снимки, то сразу смекнул, что произошло. Видно, здорово его отделали.

— Никогда его не встречал?

Было ясно: информатор добросовестно старает-

ся выполнить свои обязанности. Он внимательно изучил фотографии, подошел даже к окну, чтобы получше разглядеть.

— Нет… И все-таки…

Мегрэ ждал, набивая трубку.

— Нет! Точно, никогда не видел… Но кого-то он мне напоминает… Не могу только понять, кого именно. Во всяком случае, он не из нашего круга… Будь он даже новичком, я б его приметил…

— Кого же он тебе напоминает?

— Сам ломаю голову… Не знаете, чем он занимался? А в каком районе жил?

— Тоже не знаю.

— Он не провинциал, сразу видно.

— Я в этом уверен.

Накануне Мегрэ отметил явно парижское произношение незнакомца — так говорят рабочие, простые люди, каких встречаешь в метро, в бистро на окраинах города, на поднимающихся ярусами скамьях Зимнего велодрома.

В сущности… В голову комиссару пришла идея. Надо будет проработать этот вариант.

— А женщину по имени Нина тоже не знаешь?

— Погодите, погодите. Есть одна в Марселе, вторая заправляет борделем на улице Сен-Ферреоль.

— Это не то, я ее знаю… Ей по крайней мере

пятьдесят.

Посмотрев на фотографию убитого, которому можно было дать лет тридцать, Фред изрек:

— Это еще ничего не значит!

— Захвати одну фотографию. Пошарь хорошенько. Показывай повсюду.

— Можете на меня рассчитывать… Думаю, через несколько дней я кое-что разнюхаю. Не насчет жмурика. Я имею в виду одного крупного спекулянта наркотиками. Пока мне только известно, что его зовут мсье Жан. Я его ни разу не видел. Знаю только: он заправляет целой шайкой. Сам у них все время достаю наркотики. Влетает в копеечку… Так что капуста мне б не помешала…

Жанвье, находившийся в соседней комнате, все еще занимался «брандад», блюдом из трески.

— Вы были совершенно правы, шеф. Все отвечают, что подают это блюдо только по пятницам. И то не часто. На Пасху, бывает, готовят и в среду, но ведь до Пасхи еще далеко…

— Пусть этим займется Торранс. Что сегодня на Зимнем велодроме?

— Позвольте, в газету загляну.

В тот день были велогонки за лидером.

— Возьми с собой фото. Зайди в кассы, потолкуй с разносчиками, которые апельсинами и земля-

ными орехами торгуют. Обойди соседние бистро. Потом можешь обследовать кафе поблизости от Порт-Дофин.

— Думаете, он был болельщиком?

Мегрэ этого не знал. Как и у других — у хозяина кафе, у информатора Фреда, — у него тоже было какое-то странное, смутное чувство.

Не мог он себе представить того человека в конторе или в лавке. По словам Фреда, не принадлежал он и к преступному миру.

Зато как-то вписывался в маленькие кафе, посещаемые рабочим людом. У него была жена по имени Нина. И Мегрэ когда-то знал ее.

В какой связи? Неужели кто-то стал бы хвастаться, если бы комиссару пришлось столкнуться с его женой по профессиональной линии?

— Дюбонне, свяжись с полицией нравов. Просмотри списки зарегистрированных проституток за последние несколько лет. Запиши адреса всех Нин. Повидайся с ними. Смекнул, что от тебя требуется?

Дюбонне, молодой детектив, только что закончивший училище, был несколько чопорен, всегда безупречно одет и изысканно вежлив со всеми, и, возможно, такого рода поручение он воспринял, как щелчок по носу.

Второму детективу комиссар велел побывать во всех бистро вокруг Шатле, площади Вож и Бастилии.

Месье Комелио, руководивший расследованием, не выходя из своего кабинета, в это время нетерпеливо ждал Мегрэ, силясь понять, почему тот до сих пор не удосужился с ним связаться.

— Что с желтыми «ситроэнами»?

— Этим занимается Эрио.

Все шло по заведенному порядку. Даже если бы не дало никаких результатов. На всех дорогах Франции жандармы останавливали желтые «ситроэны».

Надо еще послать кого-то в магазин на Севастопольском бульваре, где куплен пиджак мертвеца, потом еще в один, на бульваре Сен-Мартен, где приобретен плащ.

И все это время приходили и уходили, звонили по телефону, выстукивали на машинке свои рапорты детективы, занятые десятками других расследований. В коридорах ждали посетители. Из отдела, наблюдающего за столами, в полицию нравов, а оттуда в уголовную полицию носились посыльные.

— Послушайте, господин комиссар… — послышался в трубке голос Мерса. — Деталь второсте-

пенная. Возможно, не имеет никакого значения. Я так мало узнал, что решил сообщить вам на всякий случай. Взял, как обычно, волосы на анализ и обнаружил следы губной помады…

Это звучало почти комично, но никто не засмеялся. Какая-то женщина поцеловала в волосы мертвеца комиссара Мегрэ. Женщина, которая красит губы.

— Губная помада дешевого сорта, женщина, скорее всего, брюнетка. Цвет помады темно-красный…

Не вчера ли вечером поцеловала женщина незнакомца? И не дома ли, когда он пришел и сменил пиджак?

А если он не переодевался, то, выходит, и не намеревался снова выходить на улицу. Человек, забежавший домой всего на час, не станет тратить время на переодевание. Значит, его вызвали неожиданно. Но мог ли преследуемый, перепуганный до того, что, размахивая руками, носился по улицам Парижа, то и дело звонил в полицию, мог ли человек этот оставить свое жилище с наступлением темноты?

Женщина поцеловала его в волосы или прижалась лицом к щеке. Разве это не знак привязанности?

Мегрэ вздохнул, снова набивая трубку, и взглянул на циферблат. Шел первый час.

Еще вчера примерно в это же время под журчанье фонтанов его знакомец шел по площади Вож.

Комиссар открыл небольшую дверь, соединявшую полицейское управление с Дворцом правосудия. Похожие на черных птиц, проплывали по коридорам облаченные в мантии адвокаты.

— Сходим навестим старую обезьяну, — вздохнул Мегрэ: Комелио он терпеть не мог.

Представил себе, как тот встретит его, цедя с язвительной укоризной: «Я жду вас, господин комиссар».

Такой вполне способен, уподобляясь Людовику XIV, сказать и почище: «Мне едва не пришлось ждать…»

Но Мегрэ было наплевать.

С двух часов ночи комиссара интересовал лишь его мертвец.

Глава третья

— Чрезвычайно рад, господин комиссар, что могу наконец побеседовать с вами.

— Поверьте, господин судебный следователь, это я польщен такой возможностью…

Мадам Мегрэ подняла глаза. Всякий раз, как в голосе мужа появлялись эти сугубо спокойные и вежливые интонации, ей становилось не по себе. Когда он говорил с ней таким образом, хотелось расплакаться — настолько это ее обескураживало.

— Я пять раз звонил вам…

— А меня не было на месте! — вздохнул с деланным испугом Мегрэ.

Она принялась подавать мужу знаки, чтобы тот не забывался; ведь он говорит с лицом, чей шурин два или три раза входил в состав правительства.

— Меня только что уведомили, что вы больны…

— Не столь уж опасно, господин Комелио! Люди так склонны преувеличивать! Всего-навсего сильная простуда. Да и не уверен, что такая уж сильная!

Это веселое расположение духа, возможно, было вызвано тем обстоятельством, что Мегрэ сидел у себя дома в кресле, облачившись в удобный халат и мягкие туфли.

— Меня удивляет, что вы не известили меня, кто вас замещает.

— Где замещает?

Комелио говорил сухо, отрывисто, нарочито спокойно, между тем как голос комиссара Мегрэ становился все более добродушным.

— Я по поводу преступления на площади Согласия. Полагаю, вы не забыли об этом деле?

— Только о нем и думаю день-деньской. Я как раз говорил жене…

Мадам Мегрэ еще отчаяннее замахала руками, умоляя не упоминать ее имени.

Квартирка их была небольшой и уютной. Мебель в гостиной — мореного дуба — была приобретена еще к свадьбе.

На белой стене соседнего дома четко выделялись черные буквы «Лост и Пепэн, точные инструменты». Утром, днем и вечером вот уже в течение тридцати лет видел Мегрэ эту надпись над воротами огромного склада и рядом — два-три грузовика с выведенными на них теми же буквами, но зрелище это до сих пор ему не

надоело.

Напротив! Надпись ему даже нравилась. Он чуть ли не с нежностью скользнул по ней взглядом. Потом по привычке посмотрел на дом, стоящий в отдалении; на окнах сушилось белье, на одном из подоконников по случаю потепления погоды снова появилась алая герань.

Наверняка это была другая герань. Мегрэ же готов был поклясться, что цветочный горшок, как и он сам, находится тут постоянно в течение последних тридцати лет. За все это время Мегрэ ни разу не видел, чтобы кто-нибудь выглядывал из окна или поливал цветы. Кто-то, видно, жил в этой комнате, но распорядок дня у него был иной, чем у комиссара.

— Как полагаете, господин комиссар, ваши подчиненные в ваше отсутствие ведут расследование столь же старательно, как вам хотелось бы?

— Убежден, господин Комелио. Больше того, вполне уверен. Вообразите, до чего же удобно вести такого рода расследование, сидя дома в кресле в теплом, уютном кабинете вдали от шума и суеты. Под рукой лишь телефон да чашка лекарственного отвара. Хочу задать вам пустяковый вопрос. Любопытно, заболел ли б я, если бы не это расследование. Очевидно, нет, ведь я

простудился именно на площади Согласия. Причем в ту самую ночь, когда там был обнаружен труп. А может быть, утром, на рассвете, когда мы вместе с доктором Полем шли после вскрытия по набережной. Но дело не в этом. Если бы не расследование убийства, вас моя простуда не очень-то беспокоила бы. Вы меня понимаете?

У Комелио, восседавшего в своем кабинете, лицо, должно быть, аж позеленело от подобной дерзости. Бедная мадам Мегрэ места себе не находила, ведь она так почитала всякое начальство, всякую власть!

— Скажем так. У себя дома под присмотром жены я могу как следует обдумать, как вести расследование. Здесь мне никто или почти никто не мешает…

— Мегрэ! — оборвала его жена.

— Тсс!

— И вы считаете нормальным, что спустя три дня убитый все еще не опознан? — возмущался судебный следователь. — Фотография его появилась во всех газетах. Судя по вашим словам, у него есть жена…

— Да, он мне говорил.

— Позвольте мне докончить. У него есть жена и, наверное, друзья. Есть также соседи и, возможно,

домохозяин. Кто-то привык видеть его в определенное время на улице. Но никто почему-то не явился опознать его или сообщить об исчезновении. Правда, дорогу на бульвар Ришар-Ленуар знают не все.

Бедный бульвар Ришар-Ленуар! Дался он им! Действительно, вокруг теснятся людные улочки. А в районе, примыкающем к нему, полно различных мастерских и складов. Но сам бульвар широк, по середине его проходит полоска газона. Трава растет над тоннелями метро, откуда через вентиляционные шахты выходит наружу теплый воздух и запах хлорированной воды. Каждые две минуты грохочет поезд подземки, и близлежащие дома тотчас судорожно вздрагивают.

Дело привычки. В течение последних тридцати лет друзья и сослуживцы раз сто подбирали для Мегрэ квартиру в более пристойных, по их словам, кварталах. Мегрэ осматривал их, но затем отвечал:

— Конечно, тут очень мило…

— А какой вид, Мегрэ!

— Да…

— Комнаты просторные, светлые.

— Да. Превосходная квартира. Я б с удовольствием тут поселился. Только…

Помолчав, Мегрэ со вздохом качал головой:

— Знаете… Эти переезды!..

Тем хуже для тех, кому не нравится бульвар Ришар-Ленуар. Тем хуже для господина судебного следователя.

— Скажите, господин Комелио, вам когда-нибудь случалось засовывать себе в нос горошину?

— Что, что?

— Я говорю: горошину. Помню, была у нас такая забава в детстве. Испробуйте на себе. А потом в зеркало взгляните. Вы будете поражены. Бьюсь об заклад: в таком виде, с горошиной в ноздре, вы пройдете мимо людей, которые вас часто видят, и они вас не узнают. Ничто так не меняет выражение лица. Малейшая перемена во внешности смущает именно тех, кто более других привык к нам. А лицо нашего подопечного, как вам известно, изуродовано гораздо значительнее. Это вам не горошина, засунутая в ноздрю.

Есть и другая причина. Людям трудно себе представить, чтобы их сосед, сослуживец или официант, который каждый день подает им обед, оказался вдруг убийцей или его жертвой. Они читают в газетах о преступлениях и полагают, что все это происходит где-то в ином мире, в другой обстановке. Но только не у них на улице,

не у них в доме.

— Короче говоря, вы считаете естественным, что никто еще не опознал убитого?

— Меня это не очень удивляет. Помню случай, когда одну утопленницу опознали лишь полгода спустя. Причем это было в ту пору, когда в морге не было холодильника и лишь струйка холодной воды стекала на каждый труп!

Мадам Мегрэ вздохнула, оставив всякую надежду урезонить мужа.

— Короче говоря, вы спокойны. Убит человек, но спустя три дня мы не только не напали на след преступника, но даже ничего не знаем о жертве.

— Мне известно много мелких деталей, господин судебный следователь.

— Несомненно, настолько мелких, что о них не стоит сообщать, хотя именно я возглавляю расследование.

— Вот, к примеру, одна из них. Убитый был немного щеголем. Возможно, особым вкусом он не отличался, но за своей внешностью следил, как можно заключить по его носкам и галстуку. Потом, он носил серые брюки, габардиновый плащ и очень легкие туфли из черной замши.

— Действительно, очень интересно!

— Да, очень интересно. Тем более что на нем

была еще и белая сорочка. Разве не следовало бы ожидать, что человек, которому нравятся сиреневые носки и цветастые галстуки, предпочел бы яркую, по крайней мере полосатую или пеструю рубашку? Сходите в бистро вроде тех, куда он нас звал. Похоже, это были привычные ему заведения. Там вы не заметите гладких белых рубашек.

— Из чего вы заключаете…

— Подождите минутку. По крайней мере в двух таких бистро — Торранс это установил — он по привычке заказал «сюз-ситрон».

— Значит, нам известен его излюбленный аперитив!

— Вы когда-нибудь пробовали «сюз», господин Комелио? Это горький и не слишком крепкий напиток. Не самый распространенный аперитив. Люди, которые его пьют, обычно посещают кафе не затем, чтобы налакаться. Такой народ бывает там по профессиональной необходимости. Например, коммивояжеры, которым приходится принимать угощение.

— Отсюда вы заключаете, что убитый был коммивояжером?

— Нет.

— Ну, так какой же вывод?

— Погодите. Его видели пять или шесть чело-

век, у нас есть их показания. Но никто не может дать точный его портрет. Большинство заявляет, что это был невысокий человек, имевший привычку размахивать руками. Чуть не забыл деталь, которую обнаружил утром Мерс. Мерс дотошный малый. Он никогда не бывает доволен тем, что сделал, и по собственной инициативе проверяет полученные результаты. Так вот! Мерс установил, что убитый страдал плоскостопием.

— Что вы хотите сказать?

— У него были плоские вывернутые ступни, если вам угодно. — Комиссар дал знак мадам Мегрэ, чтобы та набила ему трубку, и, краешком глаза наблюдая за операцией, показал жестом, чтобы она не слишком мяла табак.

— Я толковал об описаниях, какими мы располагаем. Они довольно нечетки, и все-таки у двух человек из пяти осталось одинаковое впечатление. «Я не вполне уверен, — сказал мне хозяин «Подвалов Божоле». — Но он мне кого-то напоминает…» А ведь убитый не киноактер и даже не статист. Я посылал детектива навести справки в киностудиях. Он также не политик или судебный деятель.

— Мегрэ! — воскликнула жена.

Комиссар раскурил трубку и, попыхивая, про-

должал:

— Прикиньте, мсье Комелио, к какой профессии подошли бы эти подробности?

— Я не любитель развлечений в гостиной.

— Когда не высовываешь носа из дому, остается время на размышления. Все забываю о главном. Разумеется, мы произвели поиски в ряде кругов, например среди любителей футбола и велогонок. Правда, безрезультатно. Я также распорядился опросить всех арендаторов П. М. Ю.

— Как вы сказали?

— «Пари-Мютюэль-Юрбэн». Букмекерские конторы. Знаете, есть такие кафе, где вы можете сделать ставки, не ходя при этом на скачки. Почему-то мне кажется, что наш знакомец был завсегдатаем такого рода заведений. Но и эта версия ничего не дала.

Комиссар Мегрэ был ангельски терпелив. Он словно намеренно затягивал телефонный разговор.

— А вот детективу Люка, который отправился на скачки, повезло. На это ушло много времени. Да и вряд ли это можно официально назвать опознанием. Разумеется, из-за повреждений лица. Потом, не забывайте, что нам привычнее видеть людей живыми, а не мертвыми. Учтите и то

обстоятельство, что человек, став трупом, значительно изменяется внешне. И все-таки несколько человек вспомнили его. Он обычно сидел на трибунах для публики, не в ложе… По словам «жучка», скачки посещал довольно часто…

— И все-таки этих сведений оказалось недостаточно, чтобы опознать убитого?

— Да. Однако вместе с другими данными, о которых я вам рассказывал, эти сведения позволяют мне почти с полной уверенностью заявить, что убитый работал по части лимонада.

— Как это понять?

— Так у нас принято называть официантов, судомоек, барменов, даже владельцев кафе. Это профессиональный термин, относящийся к лицам, занятым обслуживанием клиентов спиртным в отличие от съестного. Заметьте, все гарсоны кафе кажутся похожими. Я не хочу сказать, что они действительно похожи, но между ними существует какое-то семейное сходство. Часто вы узнаете официанта, которого никогда прежде и не встречали.

У большинства из них больные ноги, что вполне понятно. Они носят мягкие, легкие туфли, чуть ли не шлепанцы. Вы никогда не увидите на кельнере или метрдотеле спортивные туфли на

толстой подошве. Они привыкли носить белые рубашки. Кроме того, хотя я не утверждаю, что это обязательно, многие их страдают плоскостопием.

И еще. По какой-то непонятной причине официанты кафе обожают конские бега. Многие из тех, кто занят лишь рано утром или вечером, постоянно бывают на скачках.

— Короче говоря, вы заключаете, что убитый был официантом.

— Нет. В том-то и загвоздка.

— Тогда я вас не понимаю.

— Он работал по части лимонада, но официантом не был. Я несколько часов обдумывал все это от нечего делать.

Должно быть, подобные фразы ужасно шокировали Комелио. Лицо его застыло, словно высеченное из куска льда.

— Все, что я вам говорил насчет официантов, касается и владельцев бистро. Не судите за самомнение, но у меня все время было такое чувство, что мой мертвец был не служащим, а имел свое дело. Вот почему в одиннадцать утра я позвонил Мерсу. Рубашка убитого все еще в техническом отделе. Не помню точно, в каком она состоянии. Мерс осмотрел ее заново. Заметьте, нам повезло:

рубашка могла оказаться новой. Ведь всякий иногда вправе надеть новую рубашку. На этот раз получилось иначе. Более того, у нее вытерт ворот.

— Полагаю, у владельцев кафе тоже бывает вытертый ворот?

— Нет, господин судебный следователь. Не больше, чем у других людей. Но они не изнашивают обшлагов. Я имею в виду небольшие кафе, посещаемые рабочим людом, а не американские бары, расположенные на площади Оперы или Елисейских полях. Владелец бара, который то и дело погружает руки в воду со льдом, вынужден засучивать рукава. И вот Мерс подтвердил, что рубашка, у которой ворот протерт почти насквозь, на обшлагах следов износа не имеет.

К ужасу мадам Мегрэ муж ее говорил теперь с выражением полной убежденности в своей правоте.

— Прибавьте к этому «брандад», блюдо из трески.

— Это что, особое лакомство у владельцев небольших кафе?

— Да нет, господин Комелио. Просто в Париже уйма забегаловок, где бывает совсем немного посетителей. Столы без скатертей. Стряпает

зачастую жена самого владельца. Подают одно дежурное блюдо. В так барах временами бывает безлюдно, и у хозяина во второй половине дня появляется досуг. Вот почему с самого утра два детектива обследуют все районы Парижа, начиная с тех, что примыкают к ратуше и площади Бастилии. Вспомните, наш подопечный все время находился именно в этом районе. Парижанин фанатично цепляется за свой район, словно это единственное место, где он в безопасности.

— Вы надеетесь быстро найти разгадку?

— Я надеюсь найти ее рано или поздно. Все ли я вам рассказал? Надо еще упомянуть пятно от краски.

— Что за пятно?

— На задней части брюк. Его тоже обнаружил Мерс, хотя оно едва заметно. Он уверяет, будто краска свежая. По его словам, эта краска была нанесена на мебель дня три-четыре назад. Я велел навести справки на разных вокзалах, начиная с Лионского.

— Почему именно с Лионского?

— Потому, что он примыкает к району площади Бастилии.

— А при чем тут вокзалы?

Мегрэ вздохнул. И без того столько времени

убито на объяснения. Ни малейшего представления о действительности у этого судейского крючка. Как может человек, ни разу не заглянувший в дешевое кафе, брокерскую или на трибуну для зрителей на скачках и не знающий, что такое работать «по части лимонада», утверждать, будто он в силах понять психологию преступника?

— Мой рапорт должен быть у вас на столе. Когда бедняга позвонил мне в самый первый раз (произошло это в среду в одиннадцать утра), его уже преследовали. Погоня началась, видно, накануне. Вначале он не хотел обращаться к полиции, рассчитывал сам выкарабкаться. Однако он был уже напуган. Знал, что жизни его грозит опасность. Поэтому вынужден был избегать безлюдных улиц. Толпа как бы служила ему защитой. Домой он не решался вернуться, опасаясь, что его выследят. Даже в Париже не так много заведений, открытых всю ночь напролет. Кроме кабаре на Монмартре, это железнодорожные вокзалы. Они хорошо освещены, а в залах ожидания всегда народ. Так вот! В зале ожидания третьего класса на Лионском вокзале в понедельник были выкрашены скамьи. Мерс утверждает, что краска идентична той, что была обнаружена на брюках убитого.

— Вокзальная прислуга опрошена?

— Да. Опрос продолжается.

— Короче говоря, несмотря ни на что, вы добились определенных результатов.

— Да, несмотря ни на что. Я также знаю, когда этот человек переменил свои намерения.

— Какие еще такие намерения?

Налив в чашку лечебный отвар, мадам Мегрэ жестом предложила мужу выпить, пока настой не остыл.

— Как я уже объяснял, он вначале попытался выкарабкаться из затруднительного положения самостоятельно. Но в среду утром ему пришло в голову обратиться ко мне. Он продолжал звонить мне до четырех дня или около того. Что произошло потом? Не знаю. Возможно, послав напоследок записку с почты в предместье Сен-Дени, он в конце концов решил, что все это бесполезно. Так или иначе, примерно час спустя, часов в пять, он зашел в пивную на улице Сен-Антуан.

— Выходит, наконец-то объявился хоть какой-то свидетель?

— Нет, месье Комелио. Это Жанвье его откопал. Показывал фотографию в каждом кафе, расспрашивал всех официантов. Короче, человек этот заказал «сюз-ситрон» — это определенно

указывает на несомненность его личности — и попросил принести ему конверт. Потом, сунув его в карман, взял у кассира жетон и кинулся к телефонной будке. Позвонил. Кассир слышал щелчок аппарата.

— Но не вам?

— Да, — выдавил Мегрэ. — Не нам. Он пытался связаться еще с кем-то, неужели вам не понятно? Что же касается желтого автомобиля…

— Есть о нем какие-нибудь сведения?

— Нечеткие, но полезные. Вы знаете набережную Генриха IV?

— Где она примыкает к району площади Бастилии?

— Именно. Вы видите, все происходит в одном и том же районе. Создается такое впечатление, что вы движетесь по кругу. Набережная Генриха IV одна из самых безлюдных, самых тихих во всем Париже. Там нет ни магазинов, ни баров, лишь дома буржуа. Желтый автомобиль мальчик-рассыльный заметил в среду точно в восемь десять. Заметил потому, что он сломался напротив дома № 63, куда мальчуган нес телеграмму. Капот был открыт, двое мужчин копались в моторе.

— Он их описал?

— Нет. Было темно.

— А номер заметил?

— Тоже нет. Людям редко приходит в голову запоминать номера автомобилей, которые им попадаются. Важно то, что автомобиль направлялся в сторону моста Аустерлиц. И что было десять минут девятого, а ведь вскрытие показало, что преступление совершено между восемью и десятью часами вечера.

— Скоро ли здоровье позволит вам выходить из дому, как вы считаете?

Комелио несколько поостыл, но, видно, позиций сдавать не желал.

— Не знаю.

— Какую версию сейчас отрабатываете?

— Никакой. Я жду. Это единственное, что нам остается, не правда ли? Мы зашли в тупик. Мы, вернее, мои люди, сделали все, что могли. Теперь надо ждать, и только.

— Ждать чего?

— Чего угодно! Что подвернется. Возможно, это будет свидетель. Возможно, какой-то новый факт.

— Вы полагаете, он появится, этот факт?

— Будем надеяться.

— Благодарю вас. Я доложу о нашем разговоре прокурору.

— Передайте ему мое почтение.

— Надеюсь на ваше выздоровление, господин комиссар.

— Премного благодарен, господин судебный следователь.

Когда Мегрэ повесил трубку, вид у него был мрачный, как у совы. Наблюдая уголком глаза за женой, которая вновь принялась за вязание, он почувствовал в ней какую-то напряженность.

— Тебе не кажется, что ты зашел слишком далеко?

— В каком смысле?

— Признайся, ты его разыгрывал?

— Ничуть.

— Ты все время потешался над ним.

— Ты полагаешь?

Мегрэ, казалось, был искренне удивлен. Ведь он вел разговор со всей серьезностью. Все, что он сказал, было правдой, в том числе и его сомнения относительно собственного недомогания. Порой, когда расследование не ладилось, он ложился в постель или просто оставался дома. Жена за ним ухаживала. Ходила на цыпочках. Не было шума и суеты полицейского управления, не было бесконечных расспросов и будничных забот. Коллеги навещали его или же звонили. Все были очень

внимательны. Справлялись о здоровье. А за то, что, морщась, выпивал несколько чашек лекарственного отвара, жена готовила ему пунш.

А ведь, действительно, что-то роднило Мегрэ с «его мертвецом». Комиссар и сам страшился не столько переезда, сколько смены привычной обстановки. Не видеть, по пробуждении, надписи «Лост и Пепэн», не совершать каждое утро то же путешествие, обычно пешком…

Они оба были привязаны к своему окружению — «клиент» комиссара и сам комиссар. И открытие это Мегрэ было приятно. Вытряхнув трубку, он набил ее свежим табаком.

— Ты действительно считаешь, что человек этот был владельцем кафе?

— Возможно. Говоря, что уверен, я чуть преувеличивал, но раз уж я это сказал, то хочу, чтобы так оно и вышло. Видишь ли, тут все совпадает.

— Что совпадает?

— Я же сказал: все. Не думал, что так разболтаюсь. Принялся импровизировать. Потом понял, что я на верном пути. И стал продолжать.

— А что, если он сапожник или портной?

— Доктор Поль так бы мне и сказал. И Мерс тоже.

— Как бы они узнали?

— Доктор установил бы это по рукам, характеру мозолей, деформации пальцев. А Мерс — по пыли, которую он нашел бы в одежде убитого.

— Ну а если он все-таки окажется вовсе не барменом?

— Было бы худо! Передай мне книгу.

У Мегрэ была еще одна привычка — с головой погружаться в чтение какого-нибудь романа Дюма. Дома у него было полное собрание сочинений этого писателя — старинное общедоступное издание с пожелтевшими страницами и романтическими иллюстрациями. Вдыхая запах этих книг, он сразу же вспоминал все недомогания, какие у него бывали.

Слышно было, как мурлыкает печь и клацают, задевая друг о друга, вязальные спицы. Подняв глаза на часы в темном дубовом футляре, комиссар стал смотреть, как раскачивается взад-вперед медный маятник.

— Принял бы еще таблетку аспирина.

— Хорошо.

— Почему ты уверен, что он звонил кому-то еще?

Добрейшей мадам Мегрэ очень хотелось помочь мужу. Обычно она не осмеливалась расспрашивать его и лишь выясняла, когда муж вернется

домой и придет ли к обеду или ужину. Но когда комиссар был нездоров, но продолжал работать, она тревожилась. В глубине души она считала, что муж недостаточно серьезно относится к себе.

В полицейском управлении он, несомненно, вел себя совсем иначе: действовал и разговаривал как настоящий полицейский комиссар!

Разговор с судебным следователем — с кем! подумать только! — встревожил ее. Молча считая петли своего вязанья, она невольно вспоминала тот разговор.

— Послушай, Мегрэ…

Комиссар с трудом оторвался от книги.

— Вот чего я не понимаю. Когда вы говорили про Лионский вокзал, ты сказал, будто этот человек не решился пойти домой, потому что тогда бандит узнал бы, где он живет.

— Да, вероятно, я так и сказал.

— А вчера ты говорил, что он, по-видимому, сменил пиджак.

— Да. Ну и что из того?

— А Комелио ты сейчас сообщил, что он, похоже, ел «брандад» в своем собственном кафе. Значит, он-таки вернулся туда. Выходит, он больше не опасался, что его выследят.

Действительно ли Мегрэ думал об этом рань-

ше? Или же ответил экспромтом?

— Одно вполне связано с другим.

— В самом деле?

— На вокзале он был во вторник вечером. Он мне еще не звонил. Надеялся, что оторвется от преследователей.

— А на другой день? Полагаешь, его больше не преследовали?

— Возможно. Даже вероятно. Только я еще прибавлю, что часов в пять он изменил свое решение. Не забудь: он кому-то звонил и попросил у кельнера конверт.

— Конечно…

Хотя мадам Мегрэ и не была убеждена в этом, она со вздохом произнесла:

— Наверно, ты прав.

Молчание. Время от времени переворачивалась страница, да носок, лежавший в подоле жены, становился чуть длиннее.

Мадам Мегрэ открыла было рот, но промолчала. Не поднимая головы, комиссар произнес:

— Ну, выкладывай! Что ты хочешь сказать?

— Да так, пустяки… Просто я подумала, что он, видно, совершил промах, раз его все-таки убили.

— И в чем был его промах?

— А в том, что пошел домой. Извини, что поме-

шала читать.

Но комиссар больше не читал. Во всяком случае, внимательно. Первым вскинул глаза.

— Ты забываешь про поломку машины!

Вдруг Мегрэ почудилось, будто завеса над тайной приподнимается, и вот-вот ему откроется истина,

— Нужно выяснить, сколько времени ремонтировали желтый автомобиль.

Теперь Мегрэ разговаривал не с женой, а с самим собой. Та это поняла и старалась не прерывать мужа.

— Поломка — событие непредвиденное, случайное. Это нечто такое, что расстраивает заранее намеченные планы. Выходит, все сложилось иначе, чем следовало.

Мегрэ пристально посмотрел на жену. Ведь именно она в конечном счете направила его на верный путь.

— Уж не погиб ли он из-за поломки этой машины?

Не убирая книги с коленей, Мегрэ захлопнул ее. Сняв телефонную трубку, набрал номер управления уголовной полиции.

— Дайте мне Люка, дружище. Если его нет у себя, он в моем кабинете… Это ты, Люка? Как дела?..

Опять? Одну минуту…

Из опасения, как бы ему не сообщили то, до чего он сам докопался, комиссар продолжал:

— Пошли кого-нибудь на набережную Генриха IV. Эрио или Дюбонне, если они на месте. Пусть опросят всех консьержей и жильцов. И не только в шестьдесят третьем доме и в соседних строениях, а во всем квартале. Набережная не так уж велика. Кто-нибудь должен был заметить желтый автомобиль. Мне надо знать как можно точнее, когда он поломался и в котором часу уехал. Погоди! Вот еще что. Возможно, водителю понадобилась какая-нибудь запчасть. Наверняка поблизости есть гаражи. Пусть заглянут и туда. Пока все. Дело за тобой!

— Минуту, шеф. Пройду в другую комнату.

Это означало, что Люка в кабинете не одни и не хочет говорить при постороннем.

— Алло!.. Все в порядке! Мне не хотелось, чтобы она меня слышала. Я по поводу автомобиля. С полчаса назад появилась одна старушенция. Я видел ее у вас в кабинете. Только вот беда: она немножко с «пыльцой»…

Что делать? Любое расследование, получавшее хоть какую-то огласку, привлекало в полицейское управление полоумных со всего Парижа.

— Живет на набережной Шарантон, за складами Берси.

Наименование напомнило Мегрэ о другом расследовании, которое несколько лет назад он проводил в одном подозрительном домишке. Вспомнилась набережная Берси, слева — железная решетка пакгауза, справа — высокие деревья и каменный парапет. Дальше, за мостом (название его он забыл), набережная расширялась. По одну ее сторону тянулся ряд двух-трехэтажных вилл. Район напоминал, скорее, предместье, чем город. На приколе стояла целая флотилия барж; повсюду, куда доставал взгляд, тянулись ряды бочек.

— Чем она занимается, твоя старушенция?

— В том-то и заковыка. Она гадалка и прорицательница.

— Гм!

— Да, я тоже так подумал. Вовсю трещит, уставясь прямо в глаза, так что не по себе становится. Сначала божилась, что вовсе не читает газет, и пыталась убедить меня, будто ей это ни к чему. Ей, мол, достаточно погрузиться в транс, чтоб узнать обо всем, что происходит вокруг нее.

— И ты поднажал на нее.

— Да. В конце концов призналась, что, возможно, заглянула в газету, оставленную у нее кем-то

из клиентов.

— А потом?

— Прочитала описание желтого авто. Старуха заявляет, будто видела эту тачку в среду вечером меньше чем в ста метрах от своего дома.

— В какое время?

— Около девяти.

— А тех, кто сидел в ней?

— Заметила, как двое вошли в здание.

— Она может указать этот дом?

— Это небольшое кафе на углу набережной и какой-то улицы. Называется «У маленького Альбера».

Мегрэ стиснул в зубах трубку, стараясь не глядеть в сторону жены, чтобы та не заметила вспыхнувшего у него в глазах огонька.

— Это все?

— Почти все, что представляет какой-то интерес. Говорила целых полчаса и с жуткой быстротой. Хотите повидать ее?

— А то как же!

— Привезти ее к вам?

— Минутку. Ей известно, сколько времени автомобиль стоял возле кафе?

— С полчаса.

— И уехал в сторону центра?

— Нет. В сторону Шарантона.

— Не выносили ли из дома поклажу? Понимаешь, что я имею в виду?

— Нет. Старуха утверждает, будто люди эти ничего не несли. Это-то меня и озадачивает. Опять же вопрос времени. Что, интересно, эти типы могли делать с трупом с девяти вечера до часа ночи? Не на пикник же они ездили. Так везти мне эту старую курицу?

— Давай. Найми такси и придержи. Захвати с собой инспектора. Он может подождать со старухой внизу.

— Вы из дому выйдете?

— Да.

— А как ваш бронхит? — тактично спросил Люка. Он не сказал «простуда». «Бронхит» звучит куда серьезнее.

— За меня не беспокойся.

Мадам Мегрэ начала крутиться на стуле, беззвучно открывая рот.

— Предупреди полицейского, пусть не даст старухе удрать, пока будешь подниматься наверх. Есть такие люди, которые неожиданно меняют свое решение.

— Не тот случай. Ей не терпится увидеть в газете свое фото, все свои титулы и таланты. Уже

спрашивала, где фотографы.

— Пусть ее снимут перед уходом. Это осчастливит старушку, — повесив трубку, комиссар с мягкой усмешкой посмотрел на жену, затем перевел взор на томик Дюма, который придется отложить до следующей болезни. С отвращением взглянул на чашку с лекарственным отваром.

— Ну, я пошел! — заявил он, подходя к буфету, и достал оттуда бутылку кальвадоса и рюмку с золотым ободком.

— Незачем было пичкать тебя аспирином!

Глава четвертая

Всем, кто впервые попадает в управление уголовной полиции, приходится выслушивать множество баек об испытаниях на выдержку и выносливость. Одна такая история случилась, к примеру, с Мегрэ лет пятнадцать назад. Дело было поздней осенью. Это худшее время года, особенно в Нормандии. Оттого, что над головой нависло свинцовое небо, день там кажется еще короче. Комиссар выслеживал преступника. Пришлось трое суток точно прикованному торчать у ворот сада, расположенного на заброшенной дороге в окрестностях Фекана. Поблизости ни одного дома, кругом только поля. Даже коров пастухи загнали в хлев. Чтобы добраться до ближайшего телефона и попросить выслать смену, пришлось бы пройти километра четыре. Где комиссар, не знал никто. Он сам не предполагал, что окажется тут.

Три дня и две ночи шел проливной дождь, холодный осенний дождь. Даже табак в трубке намок. Встретились лишь трое крестьян в деревянных сабо. Подозрительно поглядев на незнакомца, они поспешно скрылись. У Мегрэ

не было ни еды, ни питья. Хуже того, к концу второго дня не осталось ни спички, чтобы трубку раскурить.

Героем другой истории, которая называлась «Повесть о придурковатом калеке», был Люка. Чтобы вести наблюдение за небольшим частным домом (он находился на углу улицы Бираг неподалеку от площади Вож), под видом парализованного старика с окладистой бородой его поместили в комнате напротив. Каждое утро сиделка подкатывала его в кресле-коляске к окну и в таком положении оставляла на целый день. Кормили его с ложки. Так продолжалось десять дней, и под конец Люка по-настоящему разучился ходить.

В ту ночь Мегрэ все это вспомнил. У него было такое предчувствие, что байка, которую будет рассказывать, станет не менее знаменитой. Во всяком случае, с его точки зрения.

Затея смахивала на игру. Но к игре этой Мегрэ относился со всей серьезностью. К примеру, когда Люка в семь часов собрался уходить, комиссар совершенно естественно спросил того:

— На посошок?

Ставни в кафе комиссар оставил открытыми. Лампы не погасил. Как в любой маленькой та-

верне перед закрытием, столы выровнены, пол посыпан опилками.

— Что будешь пить? Пикон-гренадин? Эспоркасси? — стал выяснять Мегрэ, доставая из буфета рюмки.

— Эспор.

И, чтобы еще больше походить на владельца, Мегрэ налил себе аперитива «Сюз».

— Нет ли у тебя на примете человека, который подошел бы для такой работенки?

— Шеврье. Его родители держали гостиницу в Мор-сюр-Луэн. Он им помогал до самого призыва в армию.

— Живо с ним свяжись. Пусть собирается. Твое здоровье. Да, пусть подыщет женщину, умеющую готовить.

— Для него это не проблема.

— Рюмочку вермута?

— Благодарю. Надо идти.

— Пришли ко мне Мерса, да поживей. Пусть прихватит свои причиндалы.

Проводив Люка до двери, Мегрэ постоял, разглядывая пустынную набережную, ряды бочек, сонные баржи, ошвартованные у стенки.

Это было небольшое кафе, какие попадаются на каждом шагу, правда, не в самом Париже, а на его

окраинах. Не кафе, а картинка. Дом — в нем было всего два этажа — стоял на углу улицы. Красная черепичная крыша, покрашенные желтой краской стены, по которым коричневыми буквами выведено: «У маленького Альбера». По обеим сторонам наивные завитушки: «Напитки-закуски в любое время».

На заднем дворе под навесом комиссар обнаружил зеленого цвета кадки с кустами. Очевидно, летом их выносили на тротуар; получалось нечто вроде террасы, куда выставляли два-три столика.

Теперь пустой дом находился в распоряжении комиссара. Несколько дней тут не топили. Было холодно и сыро. Мегрэ посмотрел на стоявший посередине комнаты очаг. Вверх поднимался закопченный дымоход, исчезавший в стене.

В самом деле, почему бы и нет? Угля в ящике достаточно. В том же самом сарае отыскал дрова, топор и чурбан для колки дров. В углу на кухне нашел старые газеты.

Спустя несколько минут в очаге плясало пламя. Сложив, по обыкновению, руки за спиной, комиссар остановился перед огнем.

Старуха, которую откопал Люка, оказалась не такой уж полоумной. Они побывали у нее в доме.

В такси она болтала без умолку, время от времени искоса поглядывая на своих спутников, чтобы выяснить, какое произвела на них впечатление.

Дом, ее двухэтажный коттедж с небольшим садиком, находился метрах в ста от кафе. Любопытно, каким это образом она сумела разглядеть с такого расстояния, да еще в темноте, что происходит на мостовой.

— Ведь вас все это время на улице не было?

— Нет.

— И вы не стояли в дверях своего дома?

— Я была у себя.

Оказалось, что в необыкновенно опрятной комнате со стороны кафе «У маленького Альбера» имелось еще одно окно, откуда просматривался изрядный кусок улицы. Жалюзи в комнате не было, и вполне естественно, что стоявший с включенными габаритными огнями автомобиль привлек внимание старой женщины.

— Вы были одни?

— У меня сидела мадам Шоффье.

Акушерка, которая живет в соседнем квартале. Факт проверен и подтвержден. Дом старухи, вопреки тому, что можно было бы предположить по внешности ее обитательницы, ничем не отличался от любого жилища одинокой женщины.

Побрякушек и амулетов, какими любят окружать себя гадалки, тут не было. Светлого цвета мебель приобретена в известном магазине на бульваре Барбес, пол покрыт желтым линолеумом.

— Это должно было случиться, — проговорила старуха. — Читали, что у него написано на кафе? Если он не посвященный, значит, он совершил кощунство.

Хозяйка поставила на огонь воду. Ей хотелось непременно угостить комиссара Мегрэ чашкой кофе. Она объяснила, что «Albertus Parvus[1]» — это название книги по магии, что книга эта написана не то в четырнадцатом, не то в пятнадцатом веке.

— А что, если его действительно звали Альбер? И он действительно был маленького роста?

— Знаю, он маленький. Я часто его видела. Но это все равно не причина. Есть вещи, с которыми шутки плохи.

О жене Альбера старуха отозвалась так:

— Рослая брюнетка, довольно неряшливая. Я б ее стряпню есть не стала. Потом, от нее всегда несло чесноком.

— Ставни долго были закрыты?

---

[1] Примечания: 1
«Маленький Альберт» (лат.)

— Не знаю. На другой день после того, как я видела автомобиль, я заболела гриппом. Когда поправилась, кафе было закрыто. Ну и слава Богу, подумала я.

— В кафе было шумно?

— Да нет. Туда почти никто не заглядывал. Хотя, пожалуй, не совсем так. Кафе посещали рабочие. Они работают вон на том кране на набережной. Приходили бармен из Сесса, виноторговцы… Матросы с барж приходили промочить горло.

Старухе не терпелось узнать, в каких газетах поместят ее фотографию.

— Только пусть не вздумают написать, что я гадалка. Это все равно, что сыщика назвать полицейским.

— Я бы лично не обиделся.

— Но моей репутации это повредит.

Со старухой было покончено. Кофе ее Мегрэ выпил. Потом вместе с Люка отправился в дом на углу. Люка повернул ручку, и дверь отворилась.

Странное дело. Бистро самое малое четыре дня оставалось незапертым, однако никто сюда, похоже, не заходил: бутылки на буфете и деньги в кассе оказались нетронутыми.

Стены до метровой высоты выкрашены коричневой, а выше — салатного цвета краской.

Повсюду развешаны календари, издаваемые фирмами-поставщиками.

Выходит, «маленький Альбер» не был коренным парижанином; вернее, подобно большинству жителей Парижа, он сохранил некоторые провинциальные замашки. Кафе он явно обставил на свой вкус; оно ничем не отличалось от любого деревенского.

Спальные комнаты на втором этаже были в таком же стиле; засунув руки в карманы, Мегрэ осмотрел весь дом. Люка с улыбкой наблюдал за комиссаром. Сняв пальто и шляпу, тот держался совсем как владелец здешнего заведения. За какие-то полчаса Мегрэ вполне тут освоился. Время от времени он подходил к стойке и вставал в позу кабатчика.

— Одно ясно: Нины здесь нет.

В поисках ее вдвоем обшарили здание с чердака до подвала, обыскали двор и небольшой садик, где валялись старые ящики и пустые бутылки.

— Что на это скажешь, Люка?

— Не знаю, шеф.

В кафе было всего восемь столиков: четыре возле одной стены, два возле другой и еще два посередине, около самого очага. На один из них детективы обратили особое внимание: опилки

возле ножек стула были аккуратно заметены. Уж не затем ли, чтоб скрыть следы крови?

Но кто убрал остатки трапезы жертвы, вымыл тарелки и стаканы?

— Может, они еще раз сюда наведались? — предположил Люка.

Во всяком случае, налицо была одна любопытная деталь. Все в доме было опрятно, но на стойке стояла неубранная раскупоренная бутылка. Мегрэ постарался не прикоснуться к ней хотя бы случайно. В бутылке был коньяк. Похоже на то, что лицо или лица, которые пили его, обошлись без стаканов, отхлебывая прямо из горлышка.

Неизвестные побывали и наверху. Обшарили ящики комодов, затем задвинули их, разворошив белье и остальное содержимое.

Самое странное: из двух рамок, висевших на стене, были вынуты фотографии.

Незнакомцам, видно, нужен был вовсе не портрет маленького Альбера, поскольку он стоял на комоде — округлое веселое лицо, на лоб спадает прядь волос. В нем действительно было что-то от клоуна, что подметил и владелец «Подвалов Божоле».

Подъехало такси. Послышались шаги. Мегрэ отодвинул засов.

— Входи, — сказал он, обращаясь к Мерсу, который нес довольно увесистый чемодан. — Ужинал? Нет? Рюмку аперитива?

Вечер и ночь, которые они здесь провели, были совершенно необычными. Время от времени Мегрэ наблюдал за Мерсом, который был занят трудоемкой и кропотливой работой, повсюду отыскивая едва заметные отпечатки пальцев — сначала в кафе, потом на кухне, в спальной, в других помещениях.

— Тот, кто первым взял эту бутылку, был в перчатках, — с уверенностью заявил эксперт.

Кроме всего, Мерс взял образцы опилок с пола возле стола, поставленного у очага. А в мусорном ведре Мегрэ обнаружил остатки соленой трески.

Еще несколько часов назад комиссару не было известно имя убитого, да и облик его он представлял себе неясно. Теперь же в распоряжении у Мегрэ была не только фотография кабатчика. Комиссар жил у него в доме, рассматривал его одежду, прикасался к его личным вещам.

Едва они с Люка вошли, комиссар указал помощнику на пиджак на вешалке в спальной. Пиджак был из той же ткани, что и брюки убитого.

Выходит, комиссар оказался прав: Альбер при-

шел домой и по обыкновению переоделся.

— Мерс, дружище, как по-твоему, когда сюда приходили в последний раз?

— Полагаю, кто-то побывал тут сегодня, — ответил эксперт, изучив следы коньяка на стойке возле распечатанной бутылки.

Вполне возможно. Дом открыт, и войти мог любой. Только прохожие не знали, что дверь не заперта. Видя закрытые ставни, не всякий решится проверить, не заперта ли дверь.

— Посетители, видно, что-то искали.

— Я тоже так считаю.

По-видимому, какой-то небольшой предмет, скорее всего, листок бумаги, поскольку открыли даже коробочку, где хранились серьги.

Ужин у Мерса и Мегрэ получился довольно своеобразный. Мегрэ был за кельнера. В кладовой он нашел колбасу, несколько банок сардин и голландский сыр. Спустившись в подвал, нацедил вина — густого, с синеватым отливом. Тут же стояли закупоренные бутылки, но он их не тронул.

— Вы остаетесь, господин комиссар?

— Ну, конечно. Не думаю, что кто-нибудь сюда вечером, но домой неохота ехать.

— Хотите, я останусь с вами?

— Не надо, спасибо, Мерс. Лучше отправляйся

сразу к себе, сделай анализы.

Мерс ничего не упустил из виду. Даже клок женских волос в гребне на туалетном столике исследовал. Снаружи в кафе проникало немного звуков. Прохожие были немногочисленны. Время от времени, особенно после полуночи, слышался грохот грузовика, ехавшего к Центральному рынку.

Мегрэ позвонил жене.

— А ты снова не простудишься?

— Не беспокойся. Я очаг затопил. Скоро грог приготовлю.

— Ты там не выспишься.

— Высплюсь. У меня есть выбор — кровать или шезлонг.

— А простыни чистые?

— В комоде есть чистые.

Поначалу Мегрэ хотел лечь в кровать, но затем передумал и устроился в шезлонге.

Мерс ушел около часа ночи. Комиссар подкинул дров, налил себе крепкого грогу, удостоверился, что все в порядке. Запер входную дверь, скрипя ступенями, поднялся по винтовой лестнице наверх.

В шкафу отыскал домашний халат — из голубой фланели с отворотами из искусственного шелка,

но тот оказался слишком короток и узок. Выяснилось, что и шлепанцы, стоявшие у кровати, ему тоже не по ноге.

Разувшись, Мегрэ завернулся в одеяло; положив под голову подушку, устроился в шезлонге. Ставней на втором этаже не было. Свет газового рожка, проникавший с улицы через узорчатые гардины, вычерчивал на стене замысловатые арабески.

Попыхивая трубкой, Мегрэ из-под полузакрытых век наблюдал за их игрой. Он понемногу привыкал к обстановке. Дом он как бы примерял. Так примеряют одежду. Он уже привыкал к его запаху — кисловато-сладкому запаху, напомнившему ему жизнь в деревне.

Почему же исчезли фотографии Нины? Почему исчезла она сама, бросив дом и даже не взяв в кассе деньги? Правда, там было не больше сотни франков. Возможно, маленький Альбер хранил свои сбережения в другом месте, и кто-то забрал их вместе с бумагами.

Обыск пришельцы производили довольно аккуратно, не нанося ущерба. Одежду осмотрели, но оставили на вешалках. Фотографии вынуты, а рамки снова повешены на крючки.

Мегрэ уснул. Услышав стук в ставни, он готов

был поклясться, что едва успел сомкнуть глаза. Между тем пробило уже семь утра. Над Сеной светило солнце, гудели буксиры, таща за собой баржи.

Не зашнуровав туфли, спустился вниз — лохматый, в рубашке с расстегнутым воротом, мятом пиджаке.

Пришел Шеврье с миловидной молодой женщиной в темно-синем костюме, на взбитых волосах — красная шляпка.

— Вот и мы, господин комиссар.

В полицейском управлении Шеврье работал всего три-четыре года. Вопреки своей фамилии он больше походил на овцу, чем на козла, — так округлы и мягки были черты его лица и фигуры. Спутница дергала его за рукав.

— Прошу прощенья, — спохватился Шеврье. — Господин комиссар, разрешите представить мою жену.

— Вы не беспокойтесь! — храбро заявила мадам Шеврье. — Работу я знаю. Моя мама была хозяйкой деревенского трактира. Бывало, взяв в помощницы пару женщин, мы с ней умудрялись приготовить свадебный обед на полсотни гостей, а то и больше.

Подойдя к кофеварке, она обратилась к мужу:

— Дай спички.

Вспыхнуло пламя газа, и спустя несколько минут дом наполнился ароматом кофе.

Шеврье догадался облачиться в черные брюки и белую сорочку, одевшись для роли, которую ему предстояло сыграть. Встав за стойку, начал все приводить в порядок.

— Открывать?

— Конечно. Пора, наверно.

— Кто будет делать покупки? — осведомилась мадам Шеврье.

— Выберите время, возьмите такси и съездите в ближайшую лавку.

— Телячье фрикандо со щавелем вас устроит?

Молодая женщина захватила с собой даже белый фартук. Она была весела и жизнерадостна. Все походило на игру или пикник.

— Можете открыть ставни, — посоветовал комиссар. — Если клиенты будут задавать вопросы, скажите, что подменяете хозяев.

Поднявшись в спальню, Мегрэ отыскал бритву, крем для бритья и кисточку. Почему бы и нет, в конце-то концов? Маленький Альбер, похоже, был чистоплотен и здоров.

Неспешно закончив туалет, спустился вниз. Мадам Шеврье уже отправилась за покупками.

Двое клиентов — речники — пили у стойки кофе с коньяком. Кто владелец заведения, их ничуть не интересовало. Возможно, то были случайные посетители. Они толковали о каком-то шлюзе, который едва не развоpотил накануне буксир.

— Чего вам налить, шеф?

Но Мегрэ уже позаботился о себе. Ему впервые доводилось стоять за стойкой и наливать ром из бутылки. Комиссар фыркнул.

— Я подумал о господине Комелио, — объяснил он.

Мегрэ попытался представить себе такую картину: в кафе «Маленький Альбер» входит судебный следователь и обнаруживает за стойкой комиссара и с ним одного из его сыщиков.

И все-таки это единственный способ что-то узнать. Увидев, что бар открыт, как обычно, те, кто убил владельца, будут наверняка озадачены. И Нина тоже. Если она только жива.

Часов девять с продуктовой сумкой в руках несколько раз мимо кафе прошла старуха-прорицательница. Она даже прижалась лицом к оконному стеклу. Под конец удалилась, бормоча что-то под нос.

Позвонила мадам Мегрэ, справляясь о муже.

— Тебе что-нибудь привезти? Например, зуб-

ную щетку?

— Нет, спасибо. Я уже послал за щеткой.

— Звонил Комелио.

— Надеюсь, ты не сообщила ему номер телефона?

— Нет. Только сказала, что тебя нет дома со вчерашнего дня.

Вышла из такси мадам Шеврье, неся корзины с овощами и какими-то кульками. Когда Мегрэ назвал ее «мадам», она запротестовала:

— Зовите меня Ирмой. Тогда и посетители будут меня так звать, вот увидите. Ты ведь не против, Эмиль?

Клиентов было немного. Зашли перекусить три подручных каменщика, работавшие на соседней улице. Хлеб и колбасу они принесли с собой и заказали два литра красного.

— Хорошо, что вы опять открыты! А то минут десять приходилось топать, чтобы пропустить стаканчик!

Появление новых лиц их ничуть не удивило.

— А старый хозяин больше не работает?

— Хороший он был малый! — заявил один из рабочих.

— Давно вы с ним познакомились?

— Недели две, как начали тут рядом вкалывать.

Понимаете, мы обедаем везде, где придется.

Их, правда, немного заинтриговал Мегрэ, расхаживавший повсюду.

— Кто это? Вроде не здешний.

— Тсс! Это мой тесть... — с простодушным видом отвечал Шеврье.

На плите шипели кастрюли. Заведение оживало. Сквозь широкие, в глубоких проемах окна внутрь помещения стали проникать скупые лучи солнца. Засучив рукава, Шеврье смел опилки.

Телефонный звонок.

— Вас, шеф. Это Мерс.

Бедняга Мерс не сомкнул глаз. Данные дактилоскопической экспертизы не слишком обнадеживали. Обнаруженные на мебели, на бутылках отпечатки оказались старыми, затертыми. Самые отчетливые он передал в антропометрический отдел, но владельца их в картотеке не оказалось.

— Они работали в резиновых перчатках. Единственное, что дало положительный результат, это опилки: анализ показал следы крови.

— Человеческой?

— Через час станет известно наверняка. Но я почти уверен, что это так.

Люка, который в ту ночь тоже внес свою лепту, приехал около одиннадцати, очень оживленный.

Мегрэ заметил на нем яркий галстук.

— Один эспор-касси, — воскликнул он, подмигнув Шеврье.

Ирма успела нацепить на двери грифельную доску, на которой мелом было выведено: «Сегодня в меню: телячье фрикандо с приправой из щавеля».

Молодая женщина вся была в хлопотах. Казалось, места своего она теперь не уступит ни за какие коврижки.

— Поднимемся наверх, — предложил Люка комиссар. Расположились возле приоткрытого окна спальной, благо погода выдалась теплая. Извлекая из чрева баржи бочки, на берегу грохотал кран. Свистели гудки, скрежетали цепи, по кипящей от ударов винтов воде сновали, запыхавшись, буксиры.

— Его звали Альбер Рошен. Я был в налоговом управлении. Разрешение на право торговли он получил четыре года назад.

— Фамилию его жены узнал?

— Нет. Разрешение на его имя. Я справлялся в ратуше, но там мне ничего сказать не смогли. Должно быть, он женился до того, как сюда переехал.

— А что сообщили в полицейском участке?

— Ничего. По их словам, заведение приличное. Полиции ни разу не приходилось наводить тут порядок.

Мегрэ то и дело поглядывал на улыбавшийся ему с комода портрет своего мертвеца.

— От клиентов Шеврье узнает остальное.

— Вы останетесь здесь?

— Мы можем пообедать внизу, будто зашли случайно. От Торранса и Жанвье никаких новостей?

— Они все еще возятся с букмекерами.

— Если сумеешь связаться с ними до телефону, скажи, пусть как следует проработают район Венсен.

Логика была прежней: Венсенский ипподром находился, так сказать, в нужном направлении. А маленький Альбер, как и сам Мегрэ, был человеком привычки.

— Неужели посетители не удивлены, что кафе снова открыто?

— Не слишком. Кое-кто из соседей заглядывал в окна. Они, видно, решили, что Альбер продал свое заведение.

В полдень оба сели возле окна. Ирма обслуживала их сама. В кафе за соседними столиками сидело несколько посетителей. Среди них были машинисты с портового крана.

— Что, Альберу наконец-то подфартило? — спросил один из них у Шеврье.

— Он ненадолго уехал в деревню.

— Так ты его подменяешь? Нину он с собой прихватил? Может, нас не так будут пичкать чесноком. Хотя мы и не против! Не то, что я не люблю его, просто дух от него слишком уж силен.

Когда Ирма проходила мимо, крановщик ущипнул ее за ягодицы. Шеврье не подал и виду, даже выдержал вопросительный взгляд Люка.

— В общем малый он неплохой! Только до скачек очень уж охоч… Послушай, если ему было кем заменить себя, чего ж кафе целых четыре дня было закрыто? Да еще и не предупредил никого! Пришлось в первый день тащиться к Шарантонскому мосту. Нет, милашка, камамберу мне не надо. А швейцарский буду есть хоть каждый день. Жюль, так тот любитель рокфора…

И все-таки они были удивлены новыми хозяевами. Особенно интриговала их Ирма.

— Долго Шеврье не выдержать, — прошептал Люка на ухо комиссару. — Они всего два года женаты. Если эти парни будут давать волю рукам, он им врежет.

Все оказалось не так уж серьезно. Принеся мастеровым вино, Шеврье решительно прого-

ворил:

— Это моя жена.

— Поздравляем, приятель… Не беспокойся, не такие мы дурные! — ржали крановщики. Ребята они были неплохие, но вряд ли догадывались, каково приходится владельцу заведения.

— Понимаешь, Альбер вытянул беспроигрышный номер… Мог не опасаться, что кто-нибудь на его Нину позарится…

— Почему ж это?

— Ты что, не знаешь ее?

— В глаза не видел.

— Не много потерял, корешок… Ее и в казарме сенегальских стрелков никто бы не тронул. А вообще-то она баба душевная, верно, Жюль?

— А какого хоть она возраста?

— Как думаешь, Жюль, есть у нее какой-никакой возраст?

— Сказать трудно… Может, тридцать… А может, и все полста. Смотря с какого боку глядеть. Если со стороны здорового глаза, то она ничего. Но если с другого…

— А что, она косит?

— Еще как, старина! Он спрашивает, косит она или нет! Да она может увидеть одновременно носки твоих ботинок и верх Эйфелевой башни!

— Но Альбер был к ней привязан?

— Видишь, приятель, Альбер из тех, кто умеет устроиться в жизни. А твоя хозяйка стряпает — будь здоров! Ничего не скажешь! Но держу пари, это ты встаешь в шесть утра и топаешь на базар. Ты, наверно, и картошку ей чистил? А потом она и посуду одна не станет мыть. Так что тебе будет не до скачек. А вот Альбер и пальцем о палец не ударил. Да и деньжонки кой-какие у Нины, похоже, водились…

Почему в этот момент Люка украдкой взглянул на Мегрэ? Не повредило ли услышанное репутации убитого?

— Не знаю, как это у ней получилось, — продолжал механик. — Только Альбера она взяла не красотой…

Мегрэ оставался невозмутимым. Даже чуть заметно улыбался. Он не пропускал ни одного слова. Слова тотчас превращались в образы, которые завершали портрет маленького Альбера. Но личность этого кабатчика, похоже, по-прежнему была близка комиссару.

— А вы родом из каких мест, ребята?

— Из Берри, — отвечала Ирма.

— А я из Шербура, — заметил Шеврье.

— Выходит, с Альбером ты познакомился не у

себя дома. Он из «шеверян»… Откуда он, Жюль, из Туркуэна?

— Из Рубэ.

— Ну, это все едино.

— А он не работал одно время возле Северного вокзала? — вмешался Мегрэ. В таком бедном заведении вопрос прозвучал вполне уместно.

— Ага, в «Циферблате». Прежде чем обосноваться тут, он лёт десять-двенадцать вкалывал там официантом.

— Выходит, с Ниной он там не мог познакомиться.

— Во всяком случае, ему подвезло. Я не насчет веселой жизни или развлечений толкую. Я насчет того, что ему не надо было хлопотать.

— Она южанка?

— Что правда, то правда!

— Из Марселя?

— Из Тулузы… Говор — без ножа зарежет. Диктору станции Радио-Тулуза нос утрет… Подай-ка счет, голубушка. Послушай, хозяин, чего ж ты такой невежа?

Шеврье озадаченно хмурился. Между тем Мегрэ понял, в чем дело.

— Верно! — вмешался он. — Когда появляется новый владелец, с него приходится.

Обедать пришло всего восемь посетителей. Одним из них был виноторговец — молча жевавший в углу хмурый мужчина средних лет, который всем был недоволен — стряпней, отличавшейся от прежней; тем, как накрыт стол; белым вином, которое ему подали вместо красного.

— Превратят теперь кафе в забегаловку, каких пруд пруди, — пробормотал он, уходя. — Как пить дать…

Шеврье уже не получал удовольствия от принятой на себя роли — не то, что утром. Лишь у Ирмы, как и прежде, работа спорилась. Даже посуду она мыла, мурлыкая песенку.

К половине второго в кафе остались лишь Мегрэ и Люка. Наступил период безлюдья. Изредка наведывался какой-нибудь клиент, пешеход, почувствовавший жажду, или матрос с баржи, зашедший с приятелем скоротать время, пока судно грузится.

Развалившись на стуле, Мегрэ попыхивал трубкой. Поел он довольно плотно, отчасти для того, чтобы порадовать Ирму. На кончик уха падал луч солнца. Мегрэ, казалось, совсем разомлел. Неожиданно комиссар наступил напарнику на ногу.

Только что по тротуару прошел какой-то человек. Заглянул в окно, затем, поколебавшись,

направился к двери.

Среднего роста. Без головного убора. Рыжие волосы, веснущатое лицо, голубые глаза, толстые губы.

Незнакомец взялся за ручку. Вошел нерешительно. Во всей фигуре его чувствовалась настороженность.

Потрепанные башмаки несколько дней не чищены. Потертый темного цвета костюм, рубашка сомнительной чистоты, неряшливо повязанный галстук.

Чем-то напоминал кота, который, очутясь в незнакомом помещении, оглядывается, принюхивается: не подстерегает ли его какая-нибудь опасность? Уровень умственного развития, вероятно, ниже среднего. Такие глаза бывают у деревенских идиотов — не выражающие ничего, кроме природного коварства и недоверчивости.

Он, казалось, изумился, завидев Мегрэ и Люка. Не сводя с них глаз, боком придвинулся к стойке, постучал монетой.

Вошел Шеврье, закусывавший в углу кухни.

— Чего изволите?

Вошедший стоял в нерешительности, словно потеряв голос. Издав какой-то резкий звук, он указал на бутылку, стоявшую на кухонном шкафу.

Теперь он пристально разглядывал Шеврье, словно силясь уразуметь нечто недоступное его пониманию.

Внешне бесстрастный, Мегрэ продолжал постукивать ботинком по туфле соседа. Время словно остановилось. Левой рукой пришелец достал из кармана деньги, правой взял стакан и залпом его опорожнил.

Крепкий напиток заставил его закашляться, на глазах выступили слезы. Затем он швырнул на стойку несколько монет и широким, быстрым шагом вышел на улицу.

— За ним, живо! — приказал помощнику комиссар. — Боюсь только, его уж теперь не догнать.

Инспектор поспешно кинулся вслед.

— Вызови такси! Быстро! — скомандовал комиссар, обращаясь к Шеврье.

Набережная Берси прямая и длинная, боковых улиц нет. Может, прежде чем этот тип удерет от Люка, удастся догнать его на автомобиле.

Глава пятая

Чем жарче становилась погоня, тем сильнее крепла в Мегрэ уверенность, что все это когда-то с ним уже происходило. Подобное ощущение он порой испытывал во сне. Таких снов он в детстве боялся больше всего. Ему обычно снилось, будто он пробирается через какие-то дебри, и тотчас его охватывало такое чувство, словно уже был здесь, делал те же движения, произносил те же слова. При этом он испытывал головокружение.

Преследование, начавшееся на набережной Шарантон, шло тем же затейливым маршрутом, который мысленно проделал комиссар у себя в кабинете, когда в полном отчаяния голосе маленького Альбера ему слышалось эхо растущей тревоги и страха.

Человек, спешивший по бесконечной, почти пустынной набережной Берси, то и дело оглядывался и, всякий раз видя позади себя приземистую фигуру Люка, ускорял шаг.

Мегрэ ехал в такси следом. Какой контраст являли собой оба эти человека! У того, что двигался впереди, взгляд и походка словно у дикого зверя.

Движения, даже когда он бежал, исполнены своеобразной грации.

По пятам за ним следовал коренастый Люка. По обыкновению выставив вперед брюшко, он напоминал одну из тех похожих на сосиску с приделанными к ней ногами неказистых дворняг, которые преследуют вепря настойчивее самых породистых борзых.

Любой готов был биться об заклад, что рыжий опередит Люка. Даже Мегрэ, увидев, что незнакомец, воспользовавшись отсутствием пешеходов, устремился вперед, велел шоферу прибавить газу. Но, оказывается, напрасно. Самое странное, Люка вроде бы и не спешил. Он просто шагал себе, с виду — среднего достатка парижанин, отправившийся прогуляться.

Тысячи людей встретятся им в этот день на улицах и площадях Парижа, но, как и в истории с Альбером, никто не заподозрит, какая драма разыгрывается у них на глазах.

К тому времени, как они очутились у моста Аустерлиц, иностранец — Мегрэ решил, что перед ним иностранец, — казалось, был обеспокоен больше, чем поначалу. Беглец повернул на набережную Генриха IV, видно, что-то затеяв. И действительно, как только все трое оказались

в квартале Сен-Поль, незнакомец снова рванул вперед, на этот раз направляясь в сторону лабиринта узких улочек, расположенных между улицей Сент-Антуан и набережными.

Мегрэ чуть не потерял его из виду: оказалось, что один из переулков перегорожен грузовиком.

Играющие на мостовой дети изумленно смотрели на двух бегущих мужчин. Лишь через два квартала Мегрэ удалось догнать обоих. По-прежнему чрезвычайно респектабельный, пальто аккуратно застегнуто, Люка лишь чуть запыхался. Он даже догадался мигнуть комиссару: дескать, не беспокойтесь.

Инспектор еще не знал, что погоня эта, за которой Мегрэ с комфортом наблюдал из автомобиля, будет продолжаться не один час. Что станет еще более напряженной.

Позвонив куда-то, незнакомец начал терять самообладание. Зашел в небольшой бар на улице Сент-Антуан. Люка последовал за ним.

— Он его сейчас арестует? — поинтересовался водитель, знавший Мегрэ.

— Нет.

— Почему же?

В представлении шофера всякий, кого выслеживают, непременно будет арестован. К чему

же тогда эта травля? Он рассуждал точь-в-точь, как ничего не смыслящие в охоте люди, которые наблюдают, как гонят зверя.

Не обращая внимания на сыщика, незнакомец приобрел жетон и закрылся в телефонной кабине. В окно было видно, как Люка, воспользовавшись случаем, освежается объемистым бокалом нива. От этого зрелища разыгралась жажда и у Мегрэ.

Разговаривал рыжеволосый долго, минут пять. Раза два-три Люка вскакивал и заглядывал в стекло кабины: не случилось ли чего с его подопечным.

Затем оба стояли у стойки, не разговаривая друг с другом и делая вид, что вовсе не знакомы. Выражение лица у иностранца изменилось. Он затравленно оглядывался кругом, рассчитывая улучить удобный момент, но, похоже, успел понять, что такого момента не будет.

В конце концов он расплатился и пошел в сторону площади Бастилии. Обойдя почти всю площадь, помчался по бульвару Ришар-Ленуар, откуда рукой было подать до жилища комиссара Мегрэ, но затем свернул направо, в сторону улицы Рокетт.

Не зная, видно, здешнего района, спустя несколько минут он заблудился. Раза два-три он

попытался скрыться, но либо улица оказывалась слишком людной, либо на соседнем перекрестке замечал высокое кепи полицейского.

Тогда рыжий принялся пить. Заходил в бары, но уже не звонить, а чтобы проглотить рюмку дешевого коньяку. Люка даже перестал входить за ним следом. В одном из баров с беглецом кто-то заговорил, но он лишь посмотрел, ничего не ответив, явно не понимая языка.

Внезапно Мегрэ понял, почему в тот момент, как незнакомец вошел в кафе маленького Альбера, он решил, что перед ним иностранец. Причем вовсе не из-за его внешности и покроя одежды. Комиссар заметил в вошедшем настороженность, свойственную оказавшемуся в незнакомой обстановке человеку, который никого не понимает и которого не понимают другие.

Улицы были залиты солнцем. Стояла совсем теплая погода. Словно где-нибудь в провинции, в районе Пикпюс консьержи выставили у парадных свои стулья.

Долго кружили, прежде чем добраться до бульвара Вольтера, а потом площади Республики, и вот тут незнакомец наконец-то понял, где находится.

Спустился в метро. Уж не надеялся ли он

оторваться от Люка? Во всяком случае беглец сообразил, что убежать не удастся: Мегрэ увидел, как оба вновь выходят из метро.

Улица Реомюр… Снова крюк… Улица Тюрбиго… Потом свернули на улицу Шапон, с нее — на улицу Бобур.

«Район ему знаком», — подумал комиссар. Это ясно. По тому, как иностранец оглядывался кругом, было видно, что он узнаёт тут все, вплоть до самых дрянных лавчонок. Здесь он чувствовал себя, как дома. Возможно, даже жил в одной из многочисленных жалких гостиниц.

Рыжеволосый, казалось, растерялся. Несколько раз он останавливался на углу улицы. Но что-то мешало ему осуществить свои намерения. Таким образом он добрался до улицы Риволи, служившей как бы границей этого омерзительного района. Но улицу он не пересек. Свернув на рю дез Аршив, иностранец вновь нырнул в это гетто, а немного погодя уже несся по улице Розье.

«Не хочет, чтоб мы узнали, где он живет».

Но почему и кому он звонил? Обратился к соучастникам за помощью? На какую помощь он мог рассчитывать?

— Жалко мне бедолагу, — вздохнул таксист. — Вы уверены, что он преступник?

Нет, комиссар в этом даже не был уверен! И все-таки нужно во что бы то ни стало выследить его. Это единственная возможность узнать что-то новое о смерти маленького Альбера.

Беглец обливался потом и время от времени доставал из кармана большой зеленый платок. Кружа возле квартала, который составляли улица Руа-де-Сисиль, Экуфф и Веррери, но не смея проникнуть внутрь, он по-прежнему продолжал накачиваться спиртным.

Рыжий то удалялся, то приближался к этому кварталу. Шаги его становились все тяжелее и неувереннее. Он оглядывался на преследователя, потом переводил взгляд на таксомотор. В глазах его вспыхивал злобный огонек. Как знать? Возможно, если бы не такси, рыжеволосый постарался бы отделаться от Люка в каком-нибудь укромном уголке.

С приближением сумерек улицы стали оживленнее. Народ слонялся по мостовой, стоял возле приземистых, неказистых зданий. С приходом весны обитатели здешних кварталов живут на улице. Настежь были распахнуты окна и двери лавок. В нос ударил тошнотворный запах грязи и нищеты. Порой какая-нибудь женщина выплескивала помои прямо на тротуар.

Должно быть, силы Люка были на исходе, хотя он и не подавал виду. Мегрэ решил при первой же возможности сменить его. Оттого, что он наблюдает за погоней из такси, точно зритель, следящий за охотой из окна автомобиля, комиссару было как-то не по себе.

Некоторые перекрестки они успели проехать раза три или четыре. Видно, незнакомец решил отделаться от преследователя. Он неожиданно вошел в темный подъезд. Люка остался у дверей, но Мегрэ знаком велел идти следом.

— Осторожней! — крикнул он вдогонку.

Спустя несколько минут оба снова оказались на улице. Было ясно: незнакомец нырнул в первый попавшийся дом, чтобы сбить детективов с толку. Уловку эту беглец повторил дважды. Во втором случае Люка обнаружил, что рыжий сидит на самой верхней площадке лестницы.

Около шести они снова оказались в смахивающем на описанный Гюго «Двор чудес» квартале на углу улицы Руа-де-Сисиль и Вьей-дю-Тампль. Незнакомец снова остановился. Затем свернул на улицу, запруженную оборванными людьми. Над входами в ночлежные дома зажглись тусклые лампочки. Тесные лавчонки сообщались узкими проходами, те выходили в какие-то подозритель-

ные закоулки.

Далеко рыжий уйти не успел. Не прошел он и десяти метров, как раздался негромкий выстрел, будто автомобильная шина лопнула. Толпа, двигавшаяся как бы по инерции, остановилась лишь спустя несколько минут. Словно сам по себе затормозил и таксомотор.

Послышался топот бегущих ног. Люка бросился вперед. Прогремел еще один выстрел.

В сумятице ничего было не разобрать. Попала пуля в товарища или же нет, Мегрэ не знал. Выскочив из такси, комиссар кинулся к незнакомцу. Тот был еще жив. Он сидел, опершись одной рукой о камни мостовой. Другую прижимал к груди. Голубые его глаза с укором смотрели на комиссара.

Потом подернулись пеленой.

— Какой кошмар! — пробормотала какая-то женщина.

Беглец передернул плечами и рухнул замертво.

Люка вернулся ни с чем, зато цел и невредим. Вторая пуля в него не попала. Покушавшийся пытался выстрелить еще раз, но пистолет, видно, дал осечку. Стрелявшего Люка не сумел разглядеть как следует.

— Я б его не узнал, — признался Люка. — И все же мне показалось, это был брюнет.

Толпа помогла убийце скрыться, как бы невзначай преградив преследователю дорогу.

Вокруг детективов смыкалось кольцо. Люди глядели с укоризной, чуть ли не угрозой. Переодетых полицейских узнавали здесь без труда. Вскоре подошедший к сыщикам сержант в форме заставил любопытных посторониться.

— Вызови карету «скорой помощи», — вполголоса произнес Мегрэ. — Только сначала свистни двух-трех постовых.

Вид у комиссара был удрученный. Он вполголоса отдавал Люка распоряжения. Вместе с полицейскими тому надлежало остаться на месте происшествия. Потом снова взглянул на убитого. Следовало тотчас осмотреть карманы, но Мегрэ инстинктивно почувствовал, что на глазах у всех этого делать не стоит. Такой жест был бы слишком профессионален и мог бы спровоцировать толпу.

— Будь осторожен, — негромко остерег комиссар Люка. — Он тут наверняка не один.

Не доехав несколько метров до набережной Орфевр, Мегрэ вышел из такси. Торопливым шагом подойдя к кабинету начальника уголовной

полиции, постучал и вошел без предварительного доклада.

— Еще один убитый, — проронил он. — Подстрелили у нас на глазах, словно кролика.

— Личность установлена?

— Через несколько минут появится Люка. Только труп увезут. Вы мне не выделите десятка два людей? Надо осмотреть весь квартал.

— Какой квартал?

— Руа-де-Сисиль.

На этот раз помрачнел начальник уголовной полиции. Отобрав в сыскном отделе несколько человек, комиссар их проинструктировал. Потом нашел инспектора из полиции нравов.

— Не дашь мне кого-нибудь, кто хорошо знает улицу Руа-де-Сисиль, улицу Розье и прилегающие кварталы? Там, должно быть, проституток уйма.

— Больше чем достаточно.

— Примерно через полчаса он получит фотографию.

— Еще один жмурик?

— Да, к сожалению. Но лицо у него не изуродовано.

— Понимаю.

— Похоже, что в этом районе прячется целая банда. Пусть твой парень будет на чеку. Это

убийцы.

Затем Мегрэ спустился в отдел, наблюдающий за гостиницами, и обратился к его сотрудникам с подобной же просьбой. Нельзя было терять время. Убедившись, что детективы отправились на свои посты, комиссар позвонил в институт судебной медицины.

— Как фотографии?

— Через несколько минут можете присылать за ними. Труп у нас. Мы с ним работаем.

У Мегрэ вдруг возникло ощущение, что он что-то позабыл. Он стоял, в нерешительности почесывая подбородок. Внезапно в воображении комиссара возник образ Комелио. Очень кстати!

— Алло… Добрый вечер, господин судебный следователь. Говорит комиссар Мегрэ.

— Что слышно, господин комиссар, о вашем владельце кафе?

— Он действительно оказался владельцем кафе, господин судебный следователь.

— Личность установлена?

— Вполне.

— Как идет расследование?

— Появился еще один убитый.

Мегрэ представил себе, как похолодел от ужаса его собеседник.

— Что вы сказали?

— Еще один убитый. Но на этот раз потери не наши.

— Вы хотите сказать: его убили полицейские?

— Нет. Это сделали другие господа.

— Каких господ вы подразумеваете?

— Очевидно, это сообщники.

— Они арестованы?

— Пока нет. — Мегрэ понизил голос. — Боюсь, поиски будут продолжительными и сложными, господин Комелио. Дело очень и очень неприятное. Это убийцы, вы понимаете?

— Насколько я могу судить, не будь они убийцами, никакого расследования и не возникло бы.

— Вы меня не поняли. Они убивают преднамеренно, чтобы обезопасить себя. Вопреки мнению обывателей, случай, как вы знаете, довольно редкий. Не останавливается даже перед убийством своих собственных товарищей.

— Тогда почему же они его убили?

— Очевидно, потому, что он погорел и мог навести на их след. А район неприятный. Хуже дыры во всем Париже не сыскать. Всякое эмигрантское отребье тут гнездится. Или совсем без документов, или с фальшивыми бумагами.

— Что намерены предпринять?

— Приму необходимые меры. Я обязан это сделать, поскольку ответственность за происшедшее лежит и на мне. Нынче будет проведена облава. Никаких результатов она, по-видимому, не даст.

— Во всяком случае, надеюсь, что новых жертв не будет.

— Я тоже на это надеюсь.

— Когда намерены осуществить операцию?

— Как обычно, часа в два ночи.

— Сегодня у меня партия в бридж. Постараюсь задержаться как можно дольше. Позвоните мне тотчас после облавы.

— Хорошо, господин судебный следователь.

— Когда пришлете мне рапорт?

— Как только выкрою время. Очевидно, не ранее, чем завтра вечером.

— Как ваш бронхит?

— Какой бронхит?

Мегрэ совсем забыл про недуг. Держа в руках красную карточку, в кабинет вошел Люка. Мегрэ тотчас понял, что это такое. Профсоюзный билет был выписан на имя Виктора Поленского, рабочего завода Ситроэн, чеха по национальности.

— Какой адрес, Люка?

— Набережная Жавель, дом 132.

— Постой. Адрес вроде знакомый. Там парши-

вая ночлежка, она на углу набережной и еще какой-то улицы. Года два назад мы проводили там облаву. Выясни, есть ли телефон у владельца.

Дом находился на берегу реки, возле мрачной громады заводских строений. Дрянная гостиница, битком набитая недавно прибывшими эмигрантами, которые, вопреки предписанию полиции, ютились по три-четыре человека в одной комнате. Самое удивительное, заведением этим заправляла женщина и умудрялась держать своих жильцов в повиновении. Даже стряпала для них.

— Алло! Дом сто тридцать два по набережной Жавель?

Ответил хриплый женский голос.

— Поленский сейчас у вас живет?

Женщина помолчала, соображая.

— То есть Виктор…

— Ну и что?

— Он у вас остановился?

— А твое какое дело?

— Я его приятель.

— Знаю я, кто ты. Мусор.

— Допустим, я из полиции. Поленский все еще у вас живет? Вряд ли стоит напоминать: мы проверим ваши сведения.

— Знаем мы ваши штучки.
— Ну так как?
— Уже полгода не живет.
— Где он работал?
— У Ситроэна.
— Давно во Францию приехал?
— Насчет этого мне ничего не известно.
— Он говорил по-французски?
— Нет.
— Долго у вас жил?
— Месяца три.
— Друзья у него были? Кто-нибудь приходил?
— Нет.
— Документы у него были в порядке?
— Наверно, раз полиция не придиралась.
— Еще один вопрос. Харчился он у вас?
— Чаще всего да.
— Женщины у него были?
— Послушай, пес ты поганый. Думаешь, меня это заботит?

Повесив трубку, Мегрэ обратился к Люка.

— Свяжись с отделом регистрации иностранцев.

В картотеке префектуры никаких сведений о Поленском не имелось. Иными словами, этот чех приехал нелегально, подобно тысячам таких,

как он, которые ютятся в самых неприглядных парижских трущобах. Несомненно, как и большинство, добыл себе поддельный паспорт. В предместье Сент-Антуан подозрительных притонов, где вам за определенную мзду живо состряпают любой документ, хоть пруд пруди.

— Позвони на завод Ситроэна!

Успели прислать фотографии убитого, и комиссар роздал их детективам из полиции нравов и отдела наблюдения за гостиницами. Сам же отправился в дактилоскопическую картотеку, захватив с собой отпечатки.

Но ничего там не обнаружил.

— Мерс здесь? — спросил он, просунув голову в дверь лаборатории.

Мерсу незачем было приходить на службу, поскольку он отработал целые сутки. Но спал он мало. Ни семьи, ни возлюбленной, насколько это было известно, он не завел, а единственной его страстью была лаборатория.

— Я здесь, шеф.

— Еще один труп в твоем распоряжении. Только загляни сначала ко мне.

Оба вместе спустились вниз. Люка уже связался по телефону с расчетным отделом завода.

— Старуха сказала правду. Он три месяца

работал чернорабочим. Примерно полгода в платежных ведомостях его нет.

— Прилежно работал?

— Прогулов почти не было. Но иностранцев там столько, что в лицо всех не знают. Я спросил, нельзя ли узнать о нем какие-нибудь подробности у мастера. Это возможно лишь в отношении квалифицированных рабочих. А чернорабочие, почти сплошь приезжие, появляются и исчезают, и никто о них ничего не знает. У ворот всегда очередь из безработных. Проработают дня три, три недели или три месяца, и с концами. По мере надобности их еще и перебрасывают из цеха в цех.

— Что в карманах?

На столе лежал вытертый бумажник некогда зеленой кожи. Кроме профбилета, в нем лежала фотография молодой женщины — круглое свежее лицо, окаймленное тяжелыми косами. Типичная чешская провинциалка.

Две ассигнации по тысяче и три по сто франков.

— Сумма приличная, — пробормотал Мегрэ.

Длинный нож с защелкой. Конусообразный клинок, отточенный как бритва.

— Как думаешь, Мерс, не этим ли ножом прикончили маленького Альбера?

— Вполне вероятно, шеф.

Платок был тоже зеленоватый. Должно быть, Виктор Поленский обожал этот цвет.

— Это тебе. Вид не ахти какой аппетитный, но разве знаешь наперед, что могут дать твои анализы.

Пачка сигарет «Капрал», зажигалка немецкого происхождения. Немного мелочи. Ключей нет.

— Люка, ты уверен, что не было никакого ключа?

— Вполне, шеф.

— Его раздели?

— Нет еще. Дожидаются Мерса.

— Ну, ступай, дружище. Сейчас я слишком занят, не смогу тебя проводить. Тебе придется поработать допоздна. Достанется, будь здоров.

— Я и две ночи кряду выдержу. Не впервые.

— Ничего новенького, Эмиль? — позвонил Мегрэ в «Маленький Альбер».

— Ничего, шеф. Копошимся помаленьку.

— Народу много?

— Меньше, чем утром. Заходят иногда выпить рюмочку аперитива, а обедают раз-два и обчелся.

— Что жена? Все с тем же удовольствием выполняет обязанности хозяйки?

— Как же иначе? Прибралась в спальне, сменила белье, будет вполне уютно. Как ваш рыжий?

— Убит.

— Что?

— Когда он попытался вернуться на хазу, кто-то из его корешков застрелил его.

Мегрэ снова заглянул в сыскное отделение. Нельзя ничего упускать из виду.

— Что слышно о желтом «Ситроэне»?

— Ничего нового. Правда, сообщили, что видели такой в районе Барбес-Рошуар.

— Уже зацепка. Проработайте эту линию.

Тем более что географическое положение района соответствует. Он неподалеку от Северного вокзала. А ведь маленький Альбер долгое время работал там официантом.

— Ты не голоден, Люка?

— Не очень. Могу потерпеть.

— А жена что скажет?

— Надо только предупредить ее.

— Ну и отлично. Я своей тоже звякну. Ты мне понадобишься.

Мегрэ все-таки устал и потому решил не работать в одиночку. Тем более что ночь, похоже, предстоит не из легких.

Зашли в кафе «Дофина» промочить горло и

с наивным удивлением обнаружили, что пока они, выбиваясь из сил, пытаются раскрыть преступление, жизнь идет своим чередом. Одни заняты своими заботами, другие предаются развлечениям. Кому какое дело до того, что на улице Руа-де-Сисиль убили какого-то чеха! Пара строчек в газете появится, только и всего.

Когда в один прекрасный день появится сообщение, что убийца найден, обыватели встретят новость столь же равнодушно.

Более того, лишь немногие посвященные знали, что в одном из самых скученных и подозрительных районов Парижа ночью будет проведена облава. Заметил ли кто-нибудь выставленных на каждом углу детективов, ничем не привлекающих к себе внимания?

Возможно, лишь какие-нибудь проститутки, забившиеся в темные углы, откуда они вылезали, чтобы уцепиться за руку прохожему, недовольно хмурились, заметив знакомую фигуру сотрудника полиции нравов. Выходит, остаток ночи придется провести где-нибудь в полицейском участке. Дело привычное. Это случалось с ними по крайней мере раз в месяц. Если они здоровы, часов в десять утра их отпустят. А что потом?

Владельцам меблированных комнат эти ноч-

ные визиты с целью проверки домовых книг тоже были не по душе. Ведь книги в порядке! В порядке, как всегда.

Под нос им сунут фотографию. Они сделают вид, что внимательно ее изучают, кое-кто пойдет за очками.

— Тип знаком?

— В глаза его не видел.

— Чехи среди ваших жильцов есть?

— У меня живут поляки, итальянцы, один армянин, а чехов нет.

— Ну, хорошо.

Так положено по инструкции. Один из детективов, которому поручено отыскать желтый автомобиль в районе Барбес, опрашивал владельцев гаражей, механиков, постовых, торговцев и консьержей.

Так положено по инструкции.

Шеврье со своей женой на набережной Шарантон изображали из себя рестораторов. Затворив ставни, оба сядут у очага и станут мирно беседовать. Потом со спокойной душой лягут в постель, принадлежавшую маленькому Альберу и косоглазой Нине.

Вот еще кого надо отыскать. В полиции нравов о Нине ничего не известно. Что же с ней могло

случиться? Известно ли ей о смерти мужа? Если да, то почему она не пришла опознать его труп после того, как газеты поместили фотографию убитого? Его могли не узнать чужие, но только не жена.

Не убрали ли ее убийцы? Когда труп вытащи из желтого автомобиля и положили на площади Согласия, Нины в машине не было.

— Готов побиться об заклад, — произнес Мегрэ, повинуясь интуиции, — что в один прекрасный день мы найдем ее где-нибудь в провинции. Удивительное дело. Когда все идет наперекосяк, у многих возникает потребность подышать деревенским воздухом, поселиться в какой-нибудь тихой гостинице, где хорошая еда и легкое вино.

— Возьмем такси?

Снова предстоит неприятный разговор с кассиром, у которого нехорошая привычка внимательно разглядывать счета, зачастую восклицая при этом:

— Разве я раскатываю на такси, а?

Чтобы не ждать автобуса на остановке за Новым мостом, остановили таксомотор.

— «Циферблат», улица Мобеж.

Это была уютная, во вкусе Мегрэ, пивная. Никаких нововведений, зеркальные стены; стулья,

обитые темной американской тканью; белые мраморные столики; кое-где — никелированные подносы для использованных салфеток. Приятный запах пива и квашеной капусты. Правда, народу многовато. Обремененные багажом люди суетились, чересчур торопливо ели и пили, нетерпеливо подзывали гарсонов, то и дело поглядывая на большие станционные часы со светящимся циферблатом.

Владелец, со степенным видом, стоявший возле кассы, внимательно наблюдая за происходящим, тоже был традиционного типа — приземистый, плотный, лысый, в свободного покроя костюме и тонкой кожи туфлях, начищенных как зеркало.

— Две порции капусты, два пива и владельца, будьте любезны.

— Хотите поговорить с мсье Жаном?

— Да.

Уж не бывший ли официант или метрдотель это, который наконец-то завел собственное дело?

— Я к вашим услугам.

— Мне хотелось бы получить некоторые сведения, мсье Жан. Когда-то у вас работал официантом некто Альбер Рошен, известный, как мне помнится, по прозвищу маленький Альбер.

— Я слышал о нем.

— А лично не знали?

— Я всего три года владелец. Его знала женщина, которая была тогда кассиршей.

— Вы хотите сказать: ее здесь больше нет?

— Умерла в прошлом году. Она тут лет сорок проработала. — Кабатчик ткнул пальцем в сторону полированного столика, за которым восседала блондинка лет тридцати.

— А официанты?

— Был тут и один старый официант Эрнест. Но он уехал к себе на родину. Куда-то в Дордонь, если не ошибаюсь.

Стоявший перед детективами, которые упивали свою капусту, владелец кафе успевал заметить все, что происходит в зале.

— Жюль!.. Подойди к двадцать четвертому столику, — произнес он, улыбаясь уходящему посетителю.

— Франсуа! Подай даме багаж…

— А прежний владелец жив?

— Да он нас с вами здоровее.

— Не знаете, где его можно найти?

— Ясное дело, у себя дома. Иногда наведывается. Скучает без дела, говорит. Хочет вернуться к прежней работе.

— Не дадите его адрес?

— Полиция? — поинтересовался владелец.

— Я комиссар Мегрэ.

— Прошу прощения! Не помню номер дома, но могу объяснить, как найти. Раза два-три у него обедал. Жуэнвиль знаете? Представляете, где Остров любви, он сразу за мостом? Так вот, он живет не на самом острове, а в вилле напротив мыса. Наискосок катерная стоянка. Отыщете легко.

В половине девятого такси остановилось перед виллой. На белой мраморной табличке печатными буквами было выведено: «Гнездо» и изображена чайка или похожая на нее птица, опускающаяся в гнездо.

— Видно, долго ломал голову, пока додумался! — заметил Мегрэ, звоня в колокольчик.

Бывшего хозяина «Циферблата» действительно звали Луазо, Дезире Луазо-Птица.

— Он родом с Севера и предложит нам по стаканчику старого джина, вот увидишь.

Так оно и получилось. Их встретила низенькая полная женщина, румяная и белая. Лишь присмотревшись, под толстым слоем пудры на лице ее можно было разглядеть мелкие морщины.

— Господин Луазо! — воскликнула она. — К вам пришли!

Выяснилось, что это сама хозяйка. Мадам Луазо

провела посетителей в пахнущую лаком гостиную.

Луазо был тоже дороден, но высокого роста и плечист. Крупнее и выше Мегрэ, он, тем не менее, передвигался с легкостью танцовщика.

— Садитесь, господин комиссар. И вы, мсье?..

— Инспектор Люка.

— Вот как! Я знал одного Люка в школе. Вы, часом, не бельгиец, инспектор? Я лично бельгиец. Можно по акценту определить, верно? И знаете, я не стыжусь своего происхождения. Ничего в этом нет зазорного! Душечка, принеси-ка нам чего-нибудь выпить.

И он угостил пришедших рюмкой можжевеловой.

— Альбера? Конечно, помню. Северянин. Кажется, его мать тоже родом из Бельгии. Мне было жаль, что он ушел. Знаете, в нашем деле главное — это приветливый нрав. Клиентам нравится, когда их встречают улыбкой. Помню одного кельнера. Очень порядочный парень, детей куча. Так у него была такая привычка. Если кто-нибудь из посетителей закажет содовую или «Виши», он нагнется и сочувственно спросит: «У вас тоже язва?» Одна только язва и была у него на уме. Пришлось уволить беднягу: клиенты от него шарахались,

как от чумы.

Альбер — совсем другое дело. Веселый малый. Все время что-то мурлыкал. Даже шляпу он носил будто играючи. А когда говорил: «Что за славный денек!», у него это получалось особенно задушевно.

— Он от вас ушел и завел собственное дело?

— Да, где-то у набережной Шарантон.

— Получил наследство?

— Вряд ли. Не было разговору. Наверно, у жены было приданое.

— Он женился, когда ушел от вас?

— Да. Вернее, незадолго до этого.

— На свадьбу вас не приглашали?

— Меня б непременно пригласили, если б свадьба состоялась в Париже. Ведь мои работники были для меня точно члены семьи. Но молодые уехали куда-то в провинцию. Куда точно, не знаю.

— Не смогли бы вспомнить?

— Нет. По правде говоря, все, что находится по ту сторону Луары, для меня Южная Франция.

— С женой его не знакомы?

— Однажды он приводил ее. Темноволосая, красавицей не назовешь…

— Косоглазая?

— Она действительно немного косит. Но это ее не портит. Одних людей этот недостаток делает безобразными, других — нет.

— Девичью фамилию ее не знаете?

— Нет. Кажется, она приходится ему дальней родственницей. Кузиной или что-то вроде того. Они давно знали друг друга. Альбер, бывало, говорил: «Если уж придется жениться, то уж лучше на такой женщине, которую знаешь». Любил пошутить. А как пел! Клиенты меня уверяли, он мог бы зарабатывать большие деньги в каком-нибудь мюзик-холле.

— Еще по стаканчику? Понимаете, здесь очень спокойно, даже чересчур. Пожалуй, скоро я снова займусь прежним ремеслом. Только гарсоны вроде Альбера нынче на дороге не валяются. Вы его знаете? Хорошо ли идут у него дела?

Мегрэ не стал сообщать о смерти Альбера, чтобы не слышать сетований и вздохов.

У него есть близкие друзья?

— Друзья у него повсюду.

— Ну а к примеру, не приезжал кто-нибудь за ним после работы?

— Нет. На скачках любил бывать. Довольно часто выкраивал для этого время и днем. Но в азарт не входил. Денег никогда не занимал. Играл

в пределах своих возможностей. Увидите его, передайте от меня…

Мадам Луазо, так и не открывшая рта, по-прежнему улыбалась, похожая на восковую фигуру в витрине парикмахерской.

Еще стаканчик? Спасибо. Тем более что джин хорош. А теперь за дело, скоро облава. Уж там-то их улыбками не встретят.

Глава шестая

На перекрестке улиц Риволи и Вьей-дю-Тампль остановились два полицейских фургона. При свете фар серебром блеснули пуговицы мундиров. Приехавшие оцепили несколько улиц, где уже успели занять свои посты детективы из сыскной полиции.

Следом появились тюремные кареты. Стоявший на углу улицы Руа-де-Сисиль офицер неотрывно глядел на циферблат своих часов.

Прохожие, шедшие по улице Сент-Антуан, пугливо оглядывались и убыстряли шаг. В домах, которые предстояло прочесать, кое-где еще горел свет; тускло мерцали лампочки в подъездах дешевой гостиницы и над входом в дом терпимости, расположенный на улице Розье.

По-прежнему глядя на часы, полицейский офицер отсчитывал оставшиеся секунды. Рядом стоял комиссар Мегрэ. Засунув руки в карманы пальто, он с безучастным видом глядел по сторонам.

Сорок… Пятьдесят… Шестьдесят… В ответ на два пронзительных свистка тотчас раздались другие. По улице цепью двинулись полицейские

в форме, люди в штатском устремились в неказистого вида здания.

Как всегда, там и сям стали распахиваться окна. В темных проемах забелели фигуры встревоженных или раздраженных обитателей. Послышались голоса. Прошел полицейский, ведя обнаруженную в углу проститутку, которая непристойно бранила его.

Застучали каблуки: какие-то типы попытались скрыться в темных переулках. Но там их встретил другой кордон полицейских.

— Документы!

Вспыхнувшие фонари осветили подозрительного вида лица, замызганные паспорта и удостоверения личности. Возле окон сгрудились любопытные: по опыту зная, что теперь долго не удастся уснуть, они принялись наблюдать за происходящим, словно это представление.

Самую крупную дичь уже доставили в полицейский участок. Люди эти не стали дожидаться облавы. Узнав об убийстве, они поняли, что теперь последует. С наступлением темноты, прижимаясь к стенам домов, двинулись какие-то темные фигуры с потрепанными чемоданами и подозрительными свертками в руках, но тотчас угодили в объятия детективов комиссара Мегрэ.

Публика была самая разношерстная. Бывший заключенный, которому запрещено проживание в городской черте, сутенеры, шпана с фальшивыми бумагами. Поляки и итальянцы, у которых не в порядке документы.

Всем в упор задавали один и тот же вопрос:

— Куда идешь?

— Переезжаю.

— Почему?

Тревогой или злобой вспыхивали в темноте глаза.

— Работу нашел.

— Где?

Иные отвечали, будто едут к сестре на север или в район Тулузы.

— А ну, полезай!

«Черная Мария». Ночь в полицейском участке до установления личности. Задержанные в большинстве своем были обыкновенные бродяги, но мало у кого из них совесть была чиста.

— Ни одного чеха пока, шеф! — докладывали Мегрэ.

Угрюмо попыхивая трубкой, комиссар видел, как мелькают тени, слышал вопли, торопливые шаги, порой — глухой удар кулака.

Больше всего суматохи было в гостиницах.

Торопливо натянув штаны, владельцы с хмурым видом стояли в своих конторах: большинство из них там и спали на раскладных кроватях. Пока люди в штатском поднимались наверх, кое-кто пытался подпоить дежурных полицейских.

Словно потревоженный муравейник, вскоре пробудился весь дом. Стук в первую дверь.

— Полиция!

Полусонные мужчины и женщины в одних рубашках, серые лица, беспокойные ввалившиеся глаза.

— Ваши документы!

Люди босиком подходили к постелям, рылись под подушкой или в ящике комода, иные лезли в потрёпанный чемодан, привезенный откуда-нибудь с другого конца Европы.

В одном из номеров гостиницы «Золотой лев», свесив с койки ноги, сидел раздетый донага мужчина. Подруга его протягивала свою регистрационную карточку.

— А где твои документы?

Мужчина недоуменно глядел на детектива.

— Твой паспорт?

Мужчина не пошевельнулся. Черные длинные волосы оттеняли бледность его кожи. Стоявшие на площадке соседи усмехались при виде этой

сцены.

— Кто такой? — спросил у женщины детектив.

— Не знаю.

— Разве он не говорил с тобой?

— Он ни бельмеса по-французски.

— Где подцепила его?

— На улице.

В участок! Иностранцу сунули его одежду и знаками велели одеваться. Долгое время он ничего не соображал. Только возмущался, повернувшись к своей спутнице. По-видимому, требуя вернуть деньги. Возможно, он только что приехал во Францию и остаток первой же ночи ему предстоит провести в полицейском участке на набережной Орлож.

— Документы…

В приоткрытые двери виднелись облупленные стены. В комнате стоял запах барака.

Возле полицейских фургонов сгрудилось десятка полтора-два задержанных. Их по одному заталкивали внутрь. Кое-кто из проституток — им было не впервой — шутили с полицейскими, делая порой непристойные жесты.

Кто-то рыдал, кто-то сжимал кулаки. В числе задержанных был бритоголовый юнец. У него нашли пистолет.

В гостиницах и на улице шла лишь предварительная проверка. Настоящая работа начнется в полицейском участке. Займет она остаток ночи и утро.

— Документы…

Больше всех нервничали владельцы гостиниц: с полицией шутки плохи. Ни у одного документы не были в порядке. В каждом доме обнаружены незарегистрированные постояльцы.

— Знаете, господин инспектор, законы я чту. Но когда к тебе вваливаются среди ночи, а ты еще и проснуться-то как следует не успел…

В «Золотом льве» — эта гостиница была к Мегрэ ближе остальных — распахнулось окно. Раздался свиток. Подойдя, комиссар вскинул голову.

— В чем дело?

— Поднимитесь, пожалуйста, господин комиссар, — робко произнес молодой детектив, словно нарочно очутившийся именно здесь.

В сопровождении Люка Мегрэ поднялся по скрипучей узкой лестнице. Трущобы эти, кишащие насекомыми, следовало снести — а еще лучше сжечь дотла — много лет, если не столетий, назад.

Дверь на третьем этаже открыта. Под потолком тускло светит лампочка без абажура. В комнате

пусто. Две железные кровати, одна из них не заправлена. На полу матрас, грубые шерстяные одеяла. На спинке стула висит пиджак, на столе спиртовка, остатки еды, пустые бутылки.

— Сюда, шеф…

Дверь в соседнюю комнату была распахнута. На кровати лежала женщина. Изумительной красоты жгучие глаза впились в вошедших.

— В чем дело? — спросил комиссар.

Ему редко приводилось видеть столь выразительное лицо, а столь неукротимое — никогда.

— Вы только взгляните на нее, — пробормотал инспектор. — Я пробовал поднять ее. Уговаривал, но она мне даже не ответила. Тогда подошел к постели, пытался встряхнуть за плечи. Посмотрите на руку. До крови укусила.

Увидев, что детектив показывает раненый палец, женщина даже не улыбнулась. Внезапно, словно от нестерпимой боли, черты ее исказились.

Мегрэ, внимательно глядевший на женщину, нахмурился.

— Да у нее роды начинаются! «Скорую помощь», живо! — обратился он к Люка. — Отвези ее в родильное отделение. Позови хозяина, пусть явится немедленно.

Молодой детектив покраснел до корней волос, не смея повернуть голову. Слышен был скрип половиц: на остальных этажах еще продолжался обыск.

— Говорить не собираешься? — спросил у женщины Мегрэ. — Ты что, по-французски не понимаешь?

Женщина упорно смотрела на комиссара. О чем она думала, понять было трудно. На лице ее было написано лишь одно чувство — дикая ненависть.

Она была еще молода — не больше двадцати пяти. Полные щеки обрамлены черными как смоль длинными шелковистыми волосами. В проеме двери появился владелец гостиницы.

— Кто она такая?

— Ее зовут Мария.

— А фамилия?

— По-моему, ее называют только по имени.

Мегрэ внезапно охватила ярость, хотя он тотчас устыдился ее. Подняв стоявший у кровати мужской ботинок, он швырнул его под ноги владельцу.

— А это как называется? — взорвался комиссар. — А это? А это?..

Мегрэ схватил пиджак, извлек из шкафа гряз-

ную рубашку, второй ботинок, кепку.

— А вот это? — пройдя в соседнюю комнату, он указал на два чемодана, стоящие в углу. — А это?

Кусок сыра, завернутый в засаленную бумагу, четыре стакана, тарелки с остатками холодного мяса.

— Эти люди были внесены в домовую книгу? А? Отвечай! И прежде всего, сколько их тут жило?

— Понятия не имею.

— Эта женщина говорит по-французски?

— Не знаю… Нет!.. Несколько слов она знает…

— Давно она здесь?

— Не могу сказать.

На шее у домохозяина виднелся фурункул, вид помятый, жидкие волосы. Подтяжки не пристегнуты, брюки то и дело приходилось поддерживать обеими руками.

— Когда это началось? — Мегрэ показал в сторону женщины.

— Мне никто не сообщал…

— Врешь!.. А где остальные?

— Ушли, наверно.

— Когда? — подошел, сжав кулаки, комиссар, готовый прибить этого старикашку. — Смылись, как только на улице шлепнули того типа? Выкладывай! Оказались умнее остальных? Не стали

дожидаться полиции?

Хозяин не отвечал.

— Смотри сюда, этого знаешь? Признавайся! — Мегрэ сунул ему под нос фотографию Виктора Поленского. — Знаешь?

— Да.

— Он жил в этой комнате?

— В соседней.

— Вместе с остальными?.. А кто спал с этой женщиной?

— Клянусь, я ничего не знаю. Наверно, несколько человек…

Люка вновь поднялся по лестнице. Почти одновременно взвыла сирена кареты «скорой помощи». У женщины вырвался крик боли, но она тотчас прикусила губы и вызывающе посмотрела на мужчин.

— Послушай, Люка. Мне придется задержаться. Отправляйся вместе с ней. Не оставляй без присмотра. Ты должен находиться в коридоре больницы. Попробуй найти переводчика.

Спускаясь по лестнице, стучали башмаками другие задержанные. Навстречу несли носилки санитары. В полумраке картина выглядела кошмарной. И от кошмара этого пахло грязью и потом.

Мегрэ вошел в соседнюю комнату, где санитары хлопотали вокруг роженицы.

— Куда ее повезешь? — спросил он у Люка.

— К Леннеку. Обзвонил три больницы, прежде чем нашлась свободная койка.

Владелец гостиницы, не смея пошевельнуться, стоял, уставясь на дверь.

— Стой тут. Закрой дверь! — скомандовал Метра, оставшись с ним вдвоем. — А теперь выкладывай все начистоту,

— Я мало что знаю. Правду говорю.

— Вечером к тебе приходил инспектор, показывал фотографию. Так?

— Так.

— Ты заявил, будто не знаешь итого человека.

— Извиняюсь! Я сказал: он тут не прописан.

— Что ты этим хочешь сказать?

— В списке жильцов его нет. Как и этой женщины. Обе комнаты числятся за другим съемщиком.

— Сколько времени?

— Месяцев пять.

— Как звать съемщика?

— Серж Мадок.

— Он главарь?

— Главарь чего?

— Хочу дать тебе хороший совет. Не прикидывайся дурачком! Иначе поговорим в другом месте, и твоя вонючая дыра завтра же будет прикрыта. Дорубил?

— Закон я всегда уважал.

— Нынче вечером было иначе. Расскажи мне о своем Серже Мадоке. Он чех?

— Так у него в документе написано. Они все разговаривают на одном языке. Это не польский, поляков я немного понимаю.

— Возраст?

— Лет тридцать. Он сначала сказал, что работает на заводе.

— Он действительно работал?

— Нет.

— Откуда тебе это известно?

— Целыми днями здесь околачивался.

— А остальные?

— Остальные тоже. Больше чем по одному они отсюда не выходили. Чаще всего это была женщина. Покупки она делала на улице Сент-Антуан.

— Чем же они занимались с утра до вечера?

— Ничем. Спали, ели, пили, в карты резались. Вели они себя довольно тихо. Иногда принимались петь, но ночью не пели, жаловаться грех.

— Сколько тут всего было человек?

— Четверо мужчин и Мария.

— Что же происходило между этими четырьмя и Марией?

— Не знаю.

— Врешь! Говори.

— Точно не знаю. Иногда они ссорились. Насколько понимаю, из-за нее. Я несколько раз заходил в заднюю комнату, и не всегда из соседнего помещения выходил один и тот же человек.

— А тот, что на фото, Виктор Поленский?

— Кажется, и он у нее бывал иногда. Во всяком случае, он в нее был влюблен.

— Кто из них был главным?

— По-моему, его называли Карл. Я слышал и фамилию, но она такая трудная, что не выговоришь, я ее не запомнил.

— Одну минуту, — Мегрэ достал из кармана блокнот и, точно школьник, помусолил карандаш. — Сначала женщина, которую ты называешь Марией. Потом Карл. Потом Серж Мадок, который считается съёмщиком обеих комнат. Виктор Поленский, которого убили. Это все?

— Еще пацан,

— Что за пацан?

— По-моему, брат Марии. Во всяком случае он на нее похож. Его все звали Петр. Лет шестнадца-

ти-семнадцати.

— Тоже не работает?

Содержатель гостиницы покачал головой. Без пиджака ему было холодно: чтобы проветрить помещение, Мегрэ открыл окно. Правда, воздух на улице был не многим чище.

— Никто из них не работает.

— Однако они тратят уйму денег. — Мегрэ показал на груду пустых бутылок в углу. Среди них были и из-под шампанского.

— Для здешнего квартала тратят много. Но случалось по-всякому. Бывали и такие времена, когда им приходилось затягивать пояс. Узнать это было просто. Если пацан сдавал посуду, было ясно: они на мели.

— Никто к ним не приходил?

— Может, и приходил.

— Захотел продолжить разговор на набережной Орфевр?

— Нет. Я расскажу все, что знаю. Раза два или три к ним приходил один человек.

— Кто именно?

— Прилично одетый.

— В комнату заглядывал? Что говорил, когда заходил к тебе в кабинет?

— Он ни о чем меня не спрашивал. Должно

быть, знал, на каком они живут этаже. Поднимался сразу в номер.

— Это все?

Возбуждение постепенно улеглось. Погасли в окнах огни. Слышны были шаги полицейских, заканчивающих обход.

— Жду ваших распоряжений, господин комиссар, — отрапортовал поднявшийся по лестнице полицейский офицер. — Мы закончили. Оба фургона набиты битком.

— Можно ехать. Позовите, пожалуйста, ко мне пару моих детективов.

— Я озяб, — пожаловался домовладелец. — Мне холодно.

— Зато мне жарко.

Однако пальто комиссару снимать не хотелось: кругом грязища.

— Господина, который приходил, ты еще где-нибудь видел? Его фото в газетах не было? Это не он? — спросил Мегрэ, доставая фотографию маленького Альбера, которую постоянно носил при себе.

— Этот на него не похож. Тот красивый, нарядный, с черными усиками.

— Какого возраста?

— Лет тридцати пяти. Носит крупный золотой

перстень с печаткой.

— Француз или чех?

— Только не француз. Разговаривал на их языке.

— Ты у дверей подслушивал?

— Иногда. Хочется знать, что у тебя в доме творится.

— Тем более что ты скоро смекнул.

— Что смекнул?

— Не считай меня идиотом. Чем же они занимаются, эти типы, которые забились в свою нору и даже не пытаются искать работу? На что живут? Выкладывай!

— Меня это не касается.

— Сколько раз они все отсутствовали?

Старик покраснел, не решаясь ответить, но гневный взор Мегрэ заставил его развязать язык.

— Раза четыре или пять.

— И долго? Всю ночь?

— Откуда вы знаете, что дело было ночью? Обычно на всю ночь. Однажды их двое суток не было. Я даже решил, что они больше не вернутся.

— Подумал, что их арестовали?

— Пожалуй, что так.

— Сколько они тебе подбрасывали, когда воз-

вращались?

— Платили за постой.

— За одного человека? Ведь номер числился за одним лицом.

— Платили немного больше.

— Сколько? Не вздумай меня провести, приятель. Я могу отдать тебя под суд за пособничество и укрывательство преступников. Заруби себе на носу.

— Раз дали мне пятьсот франков. Другой — две тысячи.

— А потом начинали кутить?

— Да. Много всякой еды покупали.

— Кто на стреме оставался?

Выражение лица домохозяина стало еще тревожнее, он невольно взглянул на дверь.

— Из твоего клоповника есть два выхода, так ведь?

— Да, пройдя задними дворами и перелезши через две стены, попадаешь на улицу Вьей-дю-Тампль.

— Так кто сторожил?

— На улице?

— Да, на улице. Наверняка кто-нибудь находился и у окна? Когда Мадок нанимал номера, он, вероятно, потребовал, чтобы окна выходили

на улицу.

— Верно. Один из них всегда слонялся по улице. Они менялись.

— И еще один вопрос. Кто из них грозился тебя прикончить, если расколешься?

— Карл.

— Когда?

— В первый же раз, когда они вернулись после того, как ушли на всю ночь.

— Как ты узнал, что это было не пустой угрозой, что они могут и убить?

— Я зашел в спальню. Я часто обхожу номера. Вроде электропроводку проверяю или хочу проверить, что постельное белье сменили.

— Часто его меняешь?

— Каждый месяц. Я застал женщину за стиркой и сразу заметил на рубашке кровь.

— Чья была рубашка?

— Кого-то из мужчин. Кого именно, не знаю.

Два детектива в штатском, стоявшие на лестничной площадке, терпеливо ждали распоряжений Мегрэ.

— Пусть один из вас позвонит Мерсу. Он, должно быть, спит, если не задержался на работе. Если его нет на набережной Орфевр, позвони ему домой. Пусть едет сюда со своим хозяйством.

Не обращая внимания на домохозяина, Мегрэ ходил из комнаты в комнату, то открывая буфет, то выдвигая ящик комода, то пиная ногой кучу грязного белья. Вылинявшие обои кое-где отстали. Черные железные кровати застелены серыми казарменного вида одеялами. Все вверх дном перевернуто. Перед бегством постояльцы, должно быть, забрали самое ценное, но, чтобы не привлекать к себе внимания, крупных вещей не взяли.

— Ушли сразу после выстрела? — поинтересовался Мегрэ.

— Сразу.

— Через парадный подъезд?

— Дворами.

— Кого тогда не было в комнате?

— Виктора, конечно. И еще Сержа Мадока.

— Кто из них пошел звонить?

— Откуда вам известно про звонок?

— Отвечай!

— Верно. Примерно в половине пятого их позвали к телефону. Голос я не узнал, но звонивший говорил на их языке. Он только назвал имя — Карл. Я позвал Карла. Тот спустился. Как сейчас помню: сидит у меня в конторе, сам словно взбесился. Вопит что-то в трубку. Поднялся наверх

и опять орать, ругаться. Почти сразу после того вниз спустился Мадок.

— Выходит, это Мадок шлепнул своего дружка.

— Вполне возможно.

— Женщину эту они не пытались захватить с собой?

— Я им говорил об этом, когда они уходили. Так и знал, что хлопот с ней не оберешься. Мне хотелось разом от них от всех избавиться. А она лежала да глаза пялила. Она понимает, только прикидывается. Ничего не сказала, но, видно, не вытерпела, застонала. Тут я и смекнул, в чем дело…

— Дружище, — обратился Мегрэ ко второму детективу. — Ты должен дождаться Мерса. Не пускай в эти комнаты никого, особенно эту крысу. «Пушка» у тебя есть?

Полицейский похлопал себя по карману.

— Прежде всего Мерсу следует заняться отпечатками. Пусть прихватит с собой что-нибудь для зацепки. Никаких документов они, конечно, не оставили. Я проверил.

Поношенные носки, брюки, губная гармоника, коробка с иголками и штопкой, предметы верхней одежды. Несколько колод карт, фигурки, вырезанные ножом…

Следом за хозяином Мегрэ спустился в конторку. Это была тесная, плохо освещенная комната. В ней — раскладушка да стол с керосинкой и остатками еды.

— Не помнишь чисел, когда банда отсутствовала?

Старик ответил отрицательно.

— Я так и думал. Ничего. У тебя есть время вспомнить. До завтрашнего утра. Слышишь? Завтра я приеду сам или же подошлю кого-нибудь. И тогда мне понадобятся даты, точные даты, заруби себе на носу. Иначе очутишься за решеткой.

Хозяин, видно, хотел добавить что-то еще, но не решался.

— Если они вдруг появятся… Вы… вы позволите мне применить оружие?

— Слишком много знаешь и опасаешься, как бы не расправились, как с Поленским? Так?

— Я боюсь.

— Оставим на улице полицейского.

— Они могут прийти с черного хода.

— Я об этом подумал. Оставлю еще одного — на Вьей-дю-Тампль.

Улицы были пустынны. Словно и не было никакой облавы, воцарилась тишина. Погасли в окнах огни. Все снова улеглись спать. Все, кроме

тех, кого доставили в полицейский участок. И еще Марии. Люка ходил взад-вперед по коридору, а та, должно быть, рожала.

Выставив, как обещал, двух полицейских, Мегрэ подробно проинструктировал их. Пока на улице Риволи появится такси, пришлось подождать. Ночь выдалась ясная и холодная.

Сев в такси, комиссар передумал ехать домой. В конце концов, он же выспался накануне. И до этого, во время своей «болезни» отдыхал трое суток! А удалось ли выспаться Мерсу?

— Где еще открыто какое-нибудь кафе? — спросил он, внезапно почувствовав голод. Голод и жажду. При мысли о бокале холодного пива с серебристой шапкой пены у него потекли слюнки.

— Кроме ночных клубов, открыто лишь «Ля Куполь» да еще маленькие бистро возле Центрального рынка.

Он и сам это знал. А зачем же спрашивал?

— Отвезите в «Ля Куполь».

Большой обеденный зал был закрыт, но в баре сидело несколько сонных посетителей. Не отпуская такси, Мегрэ заказал пару бутербродов с ветчиной и выпил кряду три кружки пива. Было четыре утра.

— На набережную Орфевр, — распорядился он,

но потом добавил:

— Лучше на набережную Орлож.

Весь улов был на месте, и стоявший тут запах напомнил Мегрэ ночлежку на улице Руа-де-Сисиль. Мужчин разместили по одну сторону, женщин — по другую. Тут же находились бродяги, пьянчужки и проститутки, подобранные в эту ночь в разных кварталах Парижа.

Часть из них спала на полу. Завсегдатаи, сняв обувь, растирали натруженные ноги. Некоторые женщины перешучивались из-за решетки с охранниками, порой иная вызывающе задирала юбки.

Возле печки, на которой варился кофе, играли в карты полицейские. Тут же находились и инспектора, ждавшие распоряжений Мегрэ.

Лишь часам к восьми у всех задержанных проверят документы. Потом отправят наверх, разденут донага для оперативной отработки и медосмотра.

— За дело, ребята. Бумаги проверит дежурный комиссар. Потрясите-ка хорошенько тех, кого доставили с улицы Руа-де-Сисиль. В особенности женщин. Как следует поработайте с обитателями гостиницы «Золотой лев», если такие окажутся…

— Есть тут одна женщина и двое мужчин.

— Отлично. Вытрясите из них все, что им известно о чехах и Марии.

Он дал краткие сведения о каждом из членов шайки, и детективы уселись за стол. Начался допрос, который продлится до утра. На ощупь отыскав выключатель в темном коридоре Дворца правосудия, комиссар направился к себе в кабинет.

Дежуривший в эту ночь Жозеф поздоровался с комиссаром. Мегрэ обрадовался, увидев приветливое лицо старика. В дежурке, где горел свет, раздался телефонный звонок. Мегрэ открыл дверь.

— Передаю трубку… — отвечал Бодэн. — Он только что вошел…

Говорил Люка. Мария родила мальчика весом в четыре с половиной килограмма. Когда сиделка вышла, чтобы вымыть младенца, она попыталась скрыться.

Глава седьмая

Выйдя из такси на улице Севр у больницы Леннека, Мегрэ увидел большой автомобиль с номерными знаками дипломатического корпуса. В дверях больницы стоял высокий худощавый мужчина, одетый угнетающе безукоризненно. Движения его были столь изысканны, а выражение лица столь благородно, что, вместо того чтобы слушать звуки, которые с расстановкой произносил этот господин, хотелось не дыша наблюдать редкостное зрелище.

Между тем это был даже не второстепенный секретарь посольства, а всего лишь мелкий служащий.

— Его превосходительство уведомил меня… — начал он.

Мегрэ, проработавший несколько часов, как никогда еще не работал, проходя вперед, лишь буркнул в ответ:

— Да полно вам!

Однако, обернувшись на середине лестницы, он задал вопрос, озадачивший его спутника:

— Вы хоть по-чешски-то говорите?

Опершись локтями о подоконник, Люка угрюмо глядел в окно. Утро выдалось хмурое, дождливое. Сестра велела не курить, и детектив со вздохом показал Мегрэ на трубку.

— Заставят потушить, шеф.

Пришлось ждать дежурную сиделку. То была женщина средних лет, на которую слава Мегрэ, похоже, не производила никакого впечатления. Да и к полиции она не питала никакой симпатии.

— Нельзя ее утомлять. Как только дам знак, быстренько убирайтесь.

Пожав плечами, Мегрэ первым вошел в небольшую белую палату. В колыбели спал ребенок. Мария с виду дремала, но на самом деле наблюдала из-под полузакрытых ресниц за действиями вошедших.

Она была столь же прекрасна, как и в ту ночь, на улице Руа-де-Сисиль. Только лицо бледнее, а волосы не распущены, а уложены косами вокруг головы.

Положив шляпу на стул, Мегрэ повернулся к переводчику.

— Узнайте, пожалуйста, ее фамилию.

Комиссар подождал, не особенно рассчитывая на ответ. Как он и ожидал, молодая женщина

лишь с ненавистью посмотрела на господина, который говорил с ней на ее родном языке.

— Она не будет говорить, — произнес переводчик. — Насколько я могу судить, она не чешка, а словачка. Я обращался к ней на обоих языках, и, когда заговорил по-словацки, она вздрогнула.

— Прошу объяснить ей, что я настоятельно рекомендую отвечать на мои вопросы. Иначе, несмотря на ее состояние, она сегодня же может очутиться в тюремной больнице.

Чех сделал жест, означавший оскорбленное достоинство. Ходившая взад-вперед по палате сиделка аж задохнулась от возмущения:

— И как только язык повернулся!

Обратившись к комиссару, сиделка процедила:

— Вы что, не читали объявление, что курить запрещается?

С неожиданной кротостью Мегрэ вынул трубку изо рта.

Наконец Мария выдавила несколько слов.

— Прошу вас перевести.

— Она говорит, что ей все равно, что всех нас она ненавидит. Я не ошибся. Она из Словакии, по-видимому, из Южной Словакии, провинциалка.

Казалось, открытие это обрадовало переводчика. Его личная честь, честь пражанина, оказалась

не задетой, поскольку женщина эта была всего лишь словацкой крестьянкой.

Мегрэ вытащил из кармана записную книжку в черном переплете.

— Спросите, где она была в ночь с двенадцатого на тринадцатое октября прошлого года.

На этот раз молодая женщина отреагировала. Мрачный взгляд ее остановился на Мегрэ. Однако из уст ее не вырвалось ни единого звука.

— А также в ночь с восьмого на девятое декабря.

Мария вздрогнула. Грудь ее начала вздыматься. Молодая женщина инстинктивно повернулась к колыбели, словно защищая свое дитя.

Это была великолепная самка. Лишь сиделка не понимала, что перед нею существо совершенно иной породы, и продолжала обращаться с той, словно с обыкновенной роженицей.

— Вам не надоело задавать ей глупые вопросы?

— Задам еще один. Возможно, он заставит вас переменить свое мнение, мадам. Или мадемуазель?..

— Мадемуазель, с вашего позволения.

— Я так и думал. Переведите, мсье. В ночь с восьмого на девятое декабря на ферме Сен-Жиль-

ле-Водрев в Пикардии топором была зверски зарублена вся семья. В ночь с двенадцатого на тринадцатое октября на ферме Сен-Обен подобным же образом были убиты старик фермер и его жена. И тоже в Пикардии. С двадцать первого на двадцать второе ноября совершено аналогичное нападение на престарелую чету и их полоумного батрака.

— Уж не хотите ли сказать, что это сделала она?

— Минуту, мадемуазель. Пусть сначала переведут.

Переводил сотрудник посольства с видом крайнего отвращения, словно разговоры о злодеяниях затрагивали его собственную персону. После первых же слов молодая женщина попыталась приподняться. Грудь у Марии обнажилась, но она даже не позаботилась прикрыть ее.

— До восьмого декабря об убийцах не знали ничего, поскольку в живых они никого не оставляли. Вы слушаете меня, мадемуазель?

— Насколько мне известно, врач разрешил вам зайти лишь на несколько минут.

— Не волнуйтесь. Она достаточно крепка. Вы только взгляните на нее.

Похожая на волчицу или львицу, молодая

женщина, рядом с которой спал ребенок, по-прежнему казалась прекрасной. По-видимому, столь же великолепной она была и тогда, когда находилась во главе своей банды.

— Прошу переводить слово в слово. Однако восьмого декабря случилась промашка. Девятилетняя девочка — босиком, в одной нижней рубашке — забилась в угол и осталась незамеченной. Ребенок все видел и все слышал. Девочка видела темноволосую молодую женщину — великолепное дикое существо. Пламенем свечи та жгла ее матери ноги. Один из ее спутников раскроил старику череп, а другой в это время угощал своих приятелей выпивкой. Жена фермера кричала, умоляла, корчилась от боли, в то время как эта женщина… — Он указал на кровать, где лежала роженица. — …в то время как эта женщина, посмеиваясь, подвергала ее еще более утонченной пытке, прикладывая к грудям жертвы зажженную сигарету.

— Прошу вас, не продолжайте! — запротестовала сиделка.

— Переводите, — произнес Мегрэ, наблюдая за Марией, которая не отрывала от комиссара взгляда, полного ненависти.

— Спросите, не хочет ли она что-нибудь ска-

зать?

В ответ презрительная усмешка.

— Сирота, чудом избежавшая мучительную смерть, живет теперь в Амьене. У приемных родителей. Сегодня утром ей показали переданный по фототелеграфу снимок вот этой женщины, которую девочка тотчас узнала. Ее ни о чем не предупреждали, просто дали фотографию. В результате припадок истерики. Переводите, господин чех.

— Она словачка, — повторил чиновник посольства.

В этот момент заплакал новорожденный. Взглянув на часы, сиделка вынула ребенка из кроватки. Мать неотрывно глядела на него, пока ему меняли пеленки.

— Напоминаю: ваше время кончилось, господин комиссар.

— А люди, о которых я вам рассказывал? Их время тоже кончилось?

— Ей надо кормить ребенка.

— Пусть себе кормит.

Впервые Мегрэ пришлось продолжать допрос при таких обстоятельствах: младенец так и впился в белую грудь преступницы.

— Она по-прежнему молчит. Полагаю, она ни-

чего не ответит и тогда, когда вы расскажете ей о вдове, мадам Риваль, которая была подобным же образом убита у себя на ферме девятого января. То была самая последняя жертва. Дочь ее, сорокалетнюю женщину, тоже нашли убитой. Предполагаю, что дело не обошлось без Марии. Как всегда, на трупе обнаружены следы ожогов. Переведите.

Мегрэ почувствовал атмосферу недоброжелательства, даже враждебности. Но это его не трогало. Он вконец изнемог. Опустись он минут на пять в кресло, тотчас бы уснул.

— Теперь расскажите ей о ее приятелях. Это Виктор Поленский, что-то вроде деревенского придурка, обладающего силой гориллы. Серж Мадок — личность с толстой шеей и сальной кожей. Карл и еще — подросток по имени Петр.

Слушая, как перечисляет имена комиссар, Мария всякий раз вздрагивала.

— Подросток тоже был ее любовником?

— Мне и это переводить?

— Извольте. В краску вы ее не вгоните.

Женщина оказалась припертой к стене, и все же при упоминании о подростке губ ее коснулась нежная улыбка.

— Спросите, действительно ли он был ее бра-

том.

Как ни странно, порой, причем не только тогда, когда она прижимала к груди ребенка, в глазах преступницы вспыхивали искорки тепла.

— А теперь, господин чех…

— Меня зовут Франц Легель.

— Мне это абсолютно безразлично. То, что я сейчас скажу, попрошу перевести очень точно, слово в слово. Возможно, от этого будет зависеть жизнь вашей землячки. Прежде всего предупредите: от того, каково будет ее дальнейшее поведение, зависит ее жизнь.

— Неужели я должен переводить и это?

— Какая мерзость! — пробормотала сиделка.

Мария даже ухом не повела. Лишь чуть побледнев, усмехнулась.

— Есть еще одно лицо, неизвестное нам. Это их главарь.

— Переводить?

— Пожалуйста.

На сей раз ответом молодой матери была насмешливая улыбка.

— Она не будет говорить, я знаю. Я это понял, как только пришел. Таких, как она, не запугаешь. Однако есть одна деталь, которую мне надо знать, поскольку речь идет о человеческих жизнях.

— Переводить?

— А зачем же я посылал за вами?

— Прошу прощения.

Неестественно выпрямившись, Мегрэ словно отвечал выученный урок.

— С двенадцатого октября по двадцать первое ноября прошло около полутора месяцев. С двадцать первого ноября по восьмое декабря прошло немногим более двух недель. До двенадцатого января — еще пять недель. Не понимаете? Это примерно то время, в течение которого банда успевала истратить награбленные деньги. Сейчас конец февраля. Обещать я ничего не могу. Другие станут решать ее судьбу, когда дело будет представлено на суд присяжных. Переведите.

— Не повторите ли даты?

Комиссар повторил, затем подождал.

— А теперь сообщите ей, что, если она своим ответом предотвратит новые злодеяния, это ей зачтется.

Мария лишь презрительно скривила губы.

— Я не спрашиваю, где сейчас находятся ее друзья. Даже не выясняю имя их вожака. Я хочу знать, не пустые ли они, не готовят ли они в ближайшие дни новое преступление.

Глаза Марии вспыхнули, и весь ответ.

— Ладно. Отвечать она не желает. Пожалуй, тут все ясно. Осталось выяснить, не Виктор ли Поленский был убийцей.

Внимательно выслушав перевод, женщина потом стала ждать новых вопросов. Мегрэ досадовал, что приходится прибегать к услугам этого чиновника из дипломатической миссии.

— Не думаю, чтобы топором орудовало несколько человек. Если роль палача выполнял не Поленский, тогда непонятно, к чему банде было таскать с собой полуидиота. Ведь, в конце концов, это он навел нас на след Марии. Вскоре мы доберемся и до остальных.

И снова перевод. На этот раз Мария явно торжествовала. Они ничего не знают. Знает только одна она. Лежит тут обессиленная, прижимая к груди новорожденного. Зато никого не выдала, будет и впредь держать язык за зубами.

Невольный взгляд, брошенный молодой женщиной на окно, выдал ее. Когда преступницу оставили там, на улице Руа-де-Сисиль, — скорее всего, она сама на этом настояла — приятели, видно, пообещали её выручить.

Она знает своих мужчин. Верит им. Пока они на свободе, она в безопасности. Они вернутся. Рано или поздно вызволят ее отсюда. Даже из

тюремной больницы Сантэ.

Мария была великолепна. Ноздри широко раздуты, изогнутые полные губы придают лицу молодой женщины неописуемое выражение. Она и ее товарищи иной породы, чем окружающие их людишки. Сильные дикие звери, они сделали свой выбор — жить вне закона. Овечье блеяние не найдет в их сердцах сочувственного отзвука.

Где, на каком дне, в какой атмосфере безысходности возник этот страшный союз? Все они познали голод: после «дела» единственной их заботой было есть, есть и пить весь день напролет, спать, предаваться любовным утехам и снова есть, не обращая внимания на нищету окружающей их обстановки, на бедность одежды.

Люди эти убивали не из-за денег. Деньги были лишь средством, позволявшим есть и спать без помех в этом лежбище, где до остальных им не было никакого дела.

Суетность была чужда Марии. В комнате ее нашли только дешевые платья, какие она носила в деревне. Ни пудры, ни губной помады она не употребляла. Не водилось у нее и дорогого белья. В иные времена, в иных широтах шайка могла жить нагишом, где-нибудь в лесных дебрях или джунглях.

— Скажите ей, что я вернусь, что я прошу ее подумать. Ведь теперь у нее ребенок. — Последние слова Мегрэ невольно произнес совсем иным тоном.

— Мы уходим, — обратился он к сиделке. — Я пришлю другого дежурного детектива. Доктору Букару я позвоню. Ведь она его пациентка?

— Доктор заведует отделением.

— Если ее можно транспортировать, то, вероятно, нынче вечером или завтра утром ее отправят в Сантэ.

Несмотря на то, что она узнала о своей подопечной, сиделка с прежней враждебностью смотрела на непрошеных гостей.

— Прощайте, мадемуазель. Пойдемте, мсье.

Выйдя в коридор, Мегрэ обменялся несколькими фразами с Люка, чтобы ввести его в курс событий. Дежурная сиделка, которая привела их с первого этажа, ждала поодаль. Напротив двери стояло пять или шесть ваз с цветами.

— Чьи цветы? — поинтересовался комиссар.

Сиделка была молодая и белокурая, под белым халатом угадывались упругие формы.

— Теперь ничьи. Дама, которая лежала в палате, несколько минут назад уехала домой. Это она оставила цветы. У нее было много друзей.

Мегрэ говорил вполголоса. Сиделка согласилась, хотя, видно, была удивлена. Но чех-переводчик удивился бы еще больше, если б узнал о просьбе Мегрэ.

— Не отнесете ли цветы в двести семнадцатую палату? — не без смущения произнес комиссар.

Потому что в палате было неуютно и холодно, потому что там, в конце концов, находилась молодая мать с новорожденным младенцем.

Часы показывали половину двенадцатого. В длинном, плохо освещенном коридоре, где находились кабинеты следователей, ждали своей очереди несколько человек. Задержанные были в наручниках, без галстуков. Охраняли их сидевшие на скамейках полицейские. Тут же расположились и женщины, и свидетели, у которых начинало иссякать терпение.

Озабоченный и важный более обыкновенного, судебный следователь Комелио велел принести из соседних помещений стулья, а своего помощника отправил обедать.

По просьбе Мегрэ пришел начальник уголовной полиции, занявший кресло. На стуле, обычно занимаемом допрашиваемыми, восседал Коломбани, комиссар «Сюртэ Насьональ».

Поскольку уголовная полиция в принципе

занимается лишь преступлениями, совершенными в Париже и прилегающем к нему районе, то именно Коломбани поддерживал связь с «летучими отрядами» и в течение последних пяти месяцев вел расследование по делу «пикардийских убийц», как сразу же окрестили банду журналисты.

Утром состоялась встреча Коломбани с комиссаром Мегрэ: инспектор показал ему свое досье. В то же утро, около девяти, в дверь Мегрэ постучался один из детективов, оставленных на улице Руа-де-Сисиль.

— Он здесь, — сообщил детектив, приведший с собой хозяина «Золотого льва». Ночь, вернее, остаток ее, научила старика уму-разуму. Бледный, небритый, в мятом костюме, кинулся он к детективу, который расхаживал взад-вперед перед гостиницей.

— Мне надо бы в полицейское управление, — объяснил он.

— Ну и ступай.

— Боюсь.

— Я тебя провожу.

Но разве Поленского не убили прямо на улице, где было полно народу?

— Возьмем лучше такси. Я заплачу.

Когда домовладелец вошел в кабинет Мегрэ, на столе у комиссара уже лежало его дело: гость имел три судимости.

— Числа вспомнил?

— Да. Только обещайте, что вы меня будете охранять…

От этого человека так и несло трусостью и пороком. Все его существо напоминало зловонную язву. И такой вот человек был дважды судим за попытку изнасилования.

— Первый раз, как они отвалили, я ничего не заметил, но во второй — обратил внимание.

— Во второй раз? Двадцать первого ноября?

— А вы откуда знаете?

— Я тоже пораскинул мозгами. Потом, я газеты читаю.

— Я подозревал, что это они, но виду не подавал.

— И все-таки они догадались, верно?

— Не знаю. Они отвалили мне тысячу франков.

— А вчера говорил: пятьсот.

— Ошибся. Во второй раз, как вернулась вся шайка, Карл мне и пригрозил.

— Машина у них была?

— Не знаю. Во всяком случае, из гостиницы шли пешком.

— А тот незнакомец приходил за несколько дней до их исчезновения?

— Дай Бог памяти. Пожалуй, так и было.

— Он тоже спал с Марией?

— Нет.

— Выкладывай все начистоту. Вспомни свои первые судимости.

— Это я по молодости.

— Тем хуже. Такой человек, как ты, не мог не позариться на Марию.

— Я к ней даже не прикасался.

— Еще бы! Боялся ее дружков.

— Да и ее тоже.

— Ладно! Хоть на этот раз не врешь. Только не надо меня уверять, будто ты время от времени заглядывал в комнату, и только.

— Действительно, я проделал в перегородке дырку. И позаботился, чтобы соседний номер занимали как можно реже.

— Кто с ней спал?

— Вся кодла.

— И подросток?

— Он чаще остальных.

— Вчера ты сказал, будто он ее брат.

— Он похож на нее. Больше всех был влюблен в нее. Не раз видал его зареванным. Когда он один

с ней оставался, то о чем-то умолял ее.

— А именно?

— Не знаю. Они говорили по-своему. Когда в спальне оставался кто-нибудь другой, пацан уходил в бистро на улицу Роз и напивался.

— Они ссорились?

— Мужчины друг друга не переваривали.

— Ты действительно не знаешь, кому из них принадлежала рубашка с пятнами крови?

— Точно не могу сказать. Видал ее на Поленском, но они менялись одеждой.

— Как думаешь, кто из твоих жильцов был заводилой?

— Заводилы у них не было. Бывало, подымут хай, Мария их облает как следует, они и заткнутся.

В свою трущобу домовладелец вернулся в сопровождении детектива, к которому он опасливо жался. Пахло от старика хуже обычного: ведь у страха прескверный запах.

Облаченный в безукоризненный костюм, в накрахмаленном пристяжном воротничке и темном галстуке, Комелио наблюдал за Мегрэ, сидевшим на подоконнике спиной к окну.

— Женщина эта ничего не сказала и не скажет, — потягивая трубку, произнес комиссар. —

Со вчерашнего дня по Парижу разгуливают три опасных зверя: Серж Мадок, Карл и подросток Петр. Несмотря на свой юный возраст, это отнюдь не пай-мальчик. Не говоря о том господине, который к ним наведывался и, судя по всему, является вожаком всей шайки.

— Полагаю, — произнес Комелио, — вы приняли все необходимые меры?

Его так и подмывало подкусить Мегрэ. Слишком уж быстро, без видимого труда тому удалось столько узнать. Вроде бы занимаясь лишь своим подопечным, маленьким Альбером, комиссар вышел на след банды, которую полиция тщетно искала последние пять месяцев.

— Начальники вокзалов предупреждены, не волнуйтесь. Проку от этого не будет никакого, но так положено. Ведется наблюдение на шоссе и на границе. Так положено. Разослана куча циркуляров, депеш, телефонограмм, к делу привлечены тысячи людей, только…

— Это неизбежно.

— И все это сделано. Ведется наблюдение за гостиницами. Особенно такими, как «Золотой лев». Должны же эти люди где-то ночевать.

— Звонил один мой знакомый редактор, жаловался на вас. Насколько я понял, вы отказываетесь

информировать репортеров.

— Совершенно верно. Я считаю: незачем пугать парижан, сообщая им о том, что по улицам города безнаказанно разгуливают убийцы.

— Я придерживаюсь мнения комиссара Мегрэ, — заявил начальник уголовной полиции.

— Я отнюдь не критикую вас, господа. Просто пытаюсь составить собственное мнение. У вас свои методы работы. Особенно у комиссара Мегрэ. По-видимому, он не всегда расположен держать меня в курсе, а ведь в конечном счете ответственность за расследование возложена на меня. По моей просьбе прокурор объединил дело пикардийской банды с делом маленького Альбера. И мне хотелось бы иметь четкое представление.

— Нам уже известно, — монотонно, словно читая документ, говорил Мегрэ, — как намечались жертвы.

— Вы получили сведения с севера?

— Нам они не понадобились. В номерах на улице Руа-де-Сисиль мы обнаружили множество отпечатков. И хотя эти господа на фермах орудовали в перчатках и не оставляли за собой следов, а убийцы маленького Альбера тоже работали в резиновых перчатках, в гостинице они чувствовали себя, как дома, и перчаток не надевали.

«Пальчики» одного из преступников имеются в дактилоскопической картотеке.

— Которого?

— Карла. По фамилии Липшитц. Во Францию въехал легально пять лет назад. Документы в порядке. В числе прочих сельскохозяйственных рабочих был направлен на крупные фермы Пикардии и Артуа.

— В какой связи попал на заметку?

— Два года назад был обвинен в изнасиловании и убийстве девочки-подростка из Сент-Обэна, где работал на ферме. На основании упорных слухов был арестован, но месяц спустя за отсутствием доказательств освобожден. Затем след его теряется. Очевидно, он перебрался в Париж. Мы прощупываем крупные предприятия в предместьях. Не удивлюсь, если выяснится, что он тоже работал у Ситроена. Мы уже послали туда инспектора.

— Итак, личность одного из них установлена.

— Это не Бог есть что, однако обратите внимание: с него-то все и началось. С любезного разрешения Коломбани я ознакомился с его досье. Вот карта, которую он составил. Она оказалась весьма полезной. Из одного из отчетов комиссара Коломбани я также узнал, что там, где совершались преступления, чехи не жили.

Однако, поскольку там было несколько поляков, поговаривали о «польской банде». Ей-то и приписывали убийства на фермах.

— И каков вывод?

— Когда группа сезонных рабочих, в которой находился Карл, прибыла во Францию, все разъехались кто куда. В тот период в местности южнее Амьена мы обнаруживаем лишь одного его. И именно там были совершены первые три преступления. В каждом случае дело происходило на богатых, расположенных особняком фермах, и в каждом случае жертвами были пожилые люди.

— А последние преступления?

— Они были совершены восточнее, неподалеку от Сен-Кентена. Наверняка выяснится, что у Карла в тех местах была подруга или знакомая. Добраться туда он мог на мотоцикле. Спустя три года, когда образовалась банда…

— Как вы полагаете, где именно это произошло?

— Не знаю, но вы убедитесь, что большинство ее участников обитает в районе набережной Жавель. За несколько недель до первого нападения Виктор Поленский еще работал у Ситроэна.

— Вы говорили о вожаке.

— Позвольте мне закончить. Вплоть до самой

смерти маленького Альбера, вернее, до того, как на площади Согласия был обнаружен его труп — я подчеркиваю это различие, — банда, на чьей совести было четыре зверских убийства, находилась в полной безопасности. Личность участников никому не была известна. Единственным очевидцем была девочка, видевшая женщину, которая пытала ее мать. Мужчин она не разглядела, к тому же лица их скрывали черные шарфы.

— Нашли вы эти шарфы на улице Руа-де-Сисиль?

— Нет. Вот почему банде ничто не угрожало. Кому бы пришло в голову искать «пикардийских убийц» в ночлежке? Не так ли, Коломбани?

— Совершенно верно.

— Маленький Альбер почувствовал, что ему грозит опасность. Не забывайте: когда он мне звонил, говорил, что его преследует поочередно сразу несколько человек. Так вот, после того, как он попросил у меня защиты, маленький Альбер был зарезан в собственном кафе. Он хотел встретиться. Выходит, ему было что сообщить мне, и преследователи это знали. Но возникает вопрос, зачем кому-то понадобилось перевозить труп на площадь Согласия.

Слушатели молча посмотрели на комиссара,

тщетно пытаясь ответить на вопрос, который Мегрэ часто задавал себе.

— Вновь обращаюсь к досье Коломбани, где имеются удивительно точные детали. Для каждого из убийств на фермах банда использовала краденые автомобили, чаще всего фургоны. Почти все они были похищены в районе площади Клиши, во всяком случае, в восемнадцатом округе. Вот почему мы обследуем этот район особо тщательно. Автомобили постоянно отыскивались на другой день в том же округе, но чуть ближе к окраине.

— Какой из этого вывод?

— Собственной машины у банды нет. Автомобиль нужно где-то хранить, а это может навести на след.

— Выходит, желтый автомобиль?..

— Желтый автомобиль не был краденым. Иначе бы нам это стало известно: владелец сообщил бы о похищении, тем более что машина была почти новая.

— Понимаю, — пробормотал начальник уголовной полиции, между тем как Комелио, который ничего не понимал, досадливо хмурился.

— Надо было раньше догадаться. Вначале я допускал такую возможность, но затем от подобного

предположения отказался, поскольку слишком уж все это сложно. Истина же, я полагаю, всегда проста. Тело маленького Альбера оставили на площади Согласия вовсе не убийцы.

— А кто же?

— Не знаю, но скоро мы это выясним.

— Каким образом?

— Я поместил в газетах объявление. Вспомните. Около пяти вечера, видя, что мы бессильны ему помочь, Альбер кому-то позвонил.

— Вы считаете, он обратился за помощью к своим друзьям?

— Возможно. Во всяком случае, он назначил кому-то встречу.

— Откуда вам известно?

— Вы забыли о желтом автомобиле, который поломался и довольно долго стоял на набережной Генриха Четвертого.

— Выходит, два человека, которые в нем находились, приехали слишком поздно?

— Именно.

— Минуту! Я тоже взгляну в досье. По словам нашей прорицательницы, автомобиль находился возле «Маленького Альбера» с половины девятого примерно до девяти. А на площадь Согласия труп был доставлен лишь в час ночи.

— Они могли вернуться, господин судебный следователь.

— Чтобы забрать жертву преступления, которого не совершили, и отвезти в другое место?

— Вероятно. Я не предлагаю никакого объяснения. Я просто отмечаю факт.

— А что же тем временем произошло с женой Альбера?

— А что, если ее отвезли в безопасное место?

— Почему же ее не убили вместе с мужем, поскольку она, по-видимому, была в курсе дел, во всяком случае, должна была видеть убийц?

— А если она уехала заранее? Когда события принимают серьезный оборот, некоторые предпочитают, чтобы жена не путалась под ногами.

— Вам не кажется, господин комиссар, что все эти поиски сбивают нас со следа убийц, которые, по вашим же словам, разгуливают в это время по Парижу?

— А что наводит на их след, господин судебный следователь?

— Очевидно, труп на площади Согласия.

— Видите ли, как только мы поймем мотивы преступления, схватить банду не представит особой трудности. Однако прежде всего эти мотивы нужно понять.

— По-вашему, этого бывшего официанта убили потому, что ему слишком многое было известно?

— Похоже на то. Я пытаюсь установить, каким образом он это узнал. Как только я это выясню, я тотчас буду знать, какими именно сведениями он располагал.

Начальник уголовной полиции одобрительно улыбнулся. Он почувствовал враждебность, возникшую между Комелио и комиссаром. Не терпелось вставить слово и комиссару Коломбани.

— Может быть, это связано с поездом? — вмешался он, назубок зная свое досье. Мегрэ поддержал коллегу.

— Какой поезд вы имеете в виду? — поинтересовался Комелио.

— У нас... — начал Коломбани, заметив, одобрительный взгляд комиссара Мегрэ. — У нас есть небольшая зацепка, она появилась после последнего преступления. Однако мы не предавали эти сведения гласности, опасаясь спугнуть банду. Прошу взглянуть на карту номер пять, подшитую к делу. 19 января преступление было совершено на ферме, принадлежавшей чете Риваль. В результате оба супруга вместе с работником и служанкой были убиты. Ферма называется «Но-

нетт». Построена она на развалинах женского монастыря и находится в пяти километрах от деревни Годервиль. В деревне имеется железнодорожная станция, на которой останавливаются почтовые поезда. Расположена она на линии Париж — Брюссель. Нет нужды говорить, что пассажиры, едущие из Парижа в Годервиль, немногочисленны, поскольку путешествие длится много часов: ведь поезд останавливается на каждом полустанке. Так вот, 19 января в 8.17 вечера с поезда сошел некий господин, у которого был билет Париж — Годервиль и обратно.

— Приметы его известны?

— Они весьма приблизительны. Моложавый, щегольски одетый мужчина.

— Речь с иностранным акцентом? — спросил судья, видно, решив сделать свой вклад в расследование.

— Человек этот ни с кем не разговаривал. Прошел через всю деревню, больше его не видели. Однако на следующее утро в самом начале седьмого он сел на парижский поезд. Сел в Муше, на другом полустанке, который находится в двадцати одном километре южнее. Такси он не нанимал. Никто из жителей деревни его не подвозил. Трудно поверить, чтобы целую ночь человек гулял

ради собственного удовольствия. Он неизбежно должен был оказаться где-то поблизости от фермы «Нонетт».

Мегрэ прикрыл глаза: его охватила невероятная усталость, он едва не уснул, даже трубка погасла.

— Получив эти сведения, — продолжал Коломбани, — в Северной железнодорожной компании мы навели справки относительно билета. Ведь сдаваемые пассажирами по прибытии билеты какое-то время хранятся.

— И билета вы не обнаружили?

— На Северном вокзале его не сдавали. Иначе говоря, пассажир вышел, видно, с другой стороны поезда или смешался с толпой где-нибудь в предместье. Это совсем нетрудно. Таким образом он и остался незамеченным.

— Именно это вы имели в виду, мсье Мегрэ?

— Да, мсье Комелио.

— Какой же вы делаете вывод?

— Не знаю. Маленький Альбер мог очутиться в том же поезде. А может, встреча их произошла на вокзале.

Покачав головой, комиссар продолжал:

— Пожалуй, нет. В таком случае его бы раньше начали преследовать.

— И к какому выводу пришли?

— Ни к какому! Альбер Рошен, по-видимому, располагал каким-то вещественным доказательством. Ведь после убийства банда не поленилась перевернуть вверх дном весь дом. Картина не вполне ясная. Потом Поленский зачем-то снова зашел в бистро.

— Вероятно, убийцы не нашли то, что искали?

— Они вряд ли бы послали полудурка. Думаю, Поленский действовал на свой страх и риск, без ведома остальных членов банды, могу поручиться. Доказательством служит следующий факт. Как только бандиты узнали, что он погорел и может навести нас на их хазу, они его шлепнули. Извините, господа. Извините, шеф. Я с ног валюсь от усталости.

Мегрэ повернулся к Коломбани.

— Смогу я увидеться с тобой часов в пять?

— Если тебе будет угодно.

У Мегрэ был такой измученный вид, что судья Комелио смущенно пробормотал:

— И все же вы добились некоторых результатов.

Затем, когда Мегрэ ушел, прибавил:

— Не настолько уж молод он, чтобы не спать по ночам. В самом деле, и почему он норовит все делать сам?

То-то бы удивился судебный следователь, если б узнал, что Мегрэ, сев в такси, подумал и произнес, обратясь к шоферу:

— Набережная Шарантон! Я скажу, где остановиться.

Из головы у Мегрэ все не выходило появление Поленского в кафе «У маленького Альбера». Вспомнилось, как этот рыжий идет кошачьим шагом, а за ним по пятам спешит Люка.

— Что будете пить, шеф?

— Все равно.

Шеврье вошел в свою роль, а Ирма, видно, оказалась хорошей стряпухой: в кафе сидело десятка два посетителей.

— Поднимусь наверх. Позови ко мне Ирму.

Ирма заторопилась, на ходу вытирая руки о передник. В спальне Мегрэ осмотрелся. Окна распахнуты, в комнате опрятно, чисто.

— Куда ты сложила вещи, которые тут валялись?

Комиссар вместе с Мерсом составили опись. Но в прошлый раз Мегрэ интересовали предметы, которые могли оставить убийцы. Теперь его мучило, что же пытался найти Поленский?

— Я все сложила в верхний ящик комода.

Расчески, коробка с заколками, раковины с

названием какого-то нормандского курорта. Нож для разрезания книг, на нем реклама каких-то изделий, сломанный автоматический карандаш. Словом, всякая рухлядь, какая накапливается в любом жилище.

— Ничего не выбросила?

— Тут даже полупустая пачка сигарет и сломанная трубка. Нам долго тут придется оставаться?

— Не знаю, милая. Надоело это занятие?

— Мне лично нет. Просто иной раз посетители бывают слишком нахальны. Мужа это выводит из себя. Того и гляди, отделает кого-нибудь…

Осматривая содержимое ящика, Мегрэ вытащил оттуда видавшую виды губную гармонику, изготовленную в Германии. К удивлению молодой женщины, он сунул находку в карман.

— Это все? — спросила она.

— Все.

Спустя несколько минут он позвонил снизу мсье Луазо, озадачив бывшего кабатчика вопросом.

— Скажите, мсье, на губной гармонике Альбер не играл?

— Нет, насколько мне известно. Петь — пел, но я ни разу не слышал, чтобы он на чем-то играл.

Мегрэ вспомнил, что на улице Руа-де-Сисиль

нашел губную гармошку, и тут же позвонил владельцу «Золотого льва».

— Виктор Поленский играл на губной гармошке?

— Ну а как же. Даже на улице.

— Он один на ней играл?

— Серж Мадок тоже играл.

— У них у каждого была своя гармоника?

— Вроде бы да. Да, точно. Они иногда на пару играли.

Между тем во время обыска в гостинице был обнаружен лишь один инструмент.

Вещью, за которой без ведома своих сообщников пришел в кафе на набережной Шарантон придурковатый Поленский и из-за чего в конце концов поплатился жизнью, была его собственная губная гармоника.

Глава восьмая

То, что произошло в тот день, стало впоследствии излюбленной темой разговоров мадам Мегрэ. Во время семейных торжеств она с удовольствием вспоминала этот случай.

Мегрэ пришел в два часа дня и лег в постель, не пообедав, хотя обычно, когда бы он ни возвращался, комиссар первым делом отправлялся на кухню и начинал заглядывать в кастрюли. В этом не было ничего удивительного. Правда, он сказал, что успел перекусить. Когда жена стала расспрашивать, где, Мегрэ объяснил, что на кухне ресторанчика на набережной Шарантон съел целый ломоть ветчины.

Опустив шторы и убедившись, что у мужа есть все необходимое, мадам Мегрэ на цыпочках вышла из спальни. Не успела она затворить за собой дверь, как супруг заснул.

Она вымыла посуду, прибралась на кухне и не сразу решилась вернуться в спальню за вязаньем. Услышав равномерное дыхание мужа, осторожно повернула ручку и вошла на цыпочках, производя не больше шума, чем ангел-хранитель. И

тут, по-прежнему ровно дыша, комиссар пробормотал:

— Подумать только! Два с половиной миллиона за пять месяцев…

Глаза у него были закрыты, лицо порозовело. Решив, что муж разговаривает во сне, из опасения разбудить его, мадам Мегрэ застыла на месте.

— Как бы ты распорядилась такой суммой, а?

Она не смела ответить, в уверенности, что муж бредит. Не размыкая век, тот нетерпеливо произнес:

— Отвечайте же, мадам Мегрэ.

— Просто не знаю, — прошептала она. — Сколько ты сказал?

— Два с половиной миллиона. Возможно, много больше. Это самое малое, что им удалось прибрать к рукам. Большей частью в золотых монетах. Правда, существуют скачки… Ты заметила? Мы всякий раз возвращаемся к скачкам.

Она понимала: муж разговаривает не с ней, а с самим собой. Подождала, пока он снова заснет, чтобы выйти потихоньку. Некоторое время комиссар молчал, и мадам Мегрэ решила было, что он спит.

— Послушай, мадам Мегрэ. Надо уточнить одну деталь. Где были скачки в прошлый вторник?

Разумеется, в окрестностях Парижа. Позвони и выясни.

— У кого?

— Позвони в Пари-Мютюэль. Номер найдешь в телефонной книге.

Телефон находился в столовой, и кабель был слишком короток. Когда мадам Мегрэ приходилось говорить в этот черный металлический кружок, особенно с незнакомыми людьми, она почему-то терялась.

— Справиться от твоего имени?

— Как хочешь.

— А если спросят, кто я такая?

— Этого тебя не спросят.

Должно быть, проснувшись окончательно, Мегрэ открыл глаза. Войдя в соседнюю комнату, жена оставила дверь открытой. Выяснять пришлось недолго. Служащий бюро привык, видно, к подобным вопросам и знал расписание скачек наизусть, поскольку ответил без запинки.

Но, когда мадам Мегрэ вернулась, чтобы сообщить мужу нужные ему сведения, тот уже похрапывал.

Будить его она не решилась. Отворив на всякий случай дверь, время от времени она поглядывала на часы: послеобеденный сон у мужа редко бывал

продолжительным.

В четыре часа она пошла поставить суп на плиту. Минут тридцать спустя заглянула в спальню: супруг по-прежнему крепко спал. Но немного погодя, устроившись по обыкновению у окна, услышала голос, в котором сквозило нетерпение:

— Ну, так что ты узнала?

Мадам Мегрэ торопливо вошла и с удивлением увидала, что муж сидит на постели.

— Линия занята? — спросил он совершенно серьезно, и это встревожило мадам Мегрэ. Та решила, муж начал заговариваться.

— Ну конечно же, я позвонила. Почти три часа назад.

— О чем это ты? Который час?

— Без четверти пять.

Мегрэ даже не понял, что спал. Он решил, что лишь смежил веки, пока звонила жена.

— Где же устраивались скачки?

— В Венсене.

— Ага, что я тебе говорил? — воскликнул он торжествуя.

На самом деле он никому ничего не говорил, просто часто думал об этом, что, в сущности, одно и то же.

— Позвони на улицу Соссэ… 00–90… Попроси кабинет Коломбани…

— Что ему сказать?

— Ничего. Я сам буду говорить. Если только он не уехал.

Коломбани находился все еще у себя. Он, как обычно, опаздывал и охотно согласился встретиться дома у Мегрэ, а не в полицейском управлении.

По просьбе мужа мадам Мегрэ сварила ему крепкого кофе, но это не помогло ему проснуться окончательно. От частого недосыпания веки у него были воспалены и едва не закрывались сами по себе. Не в силах заставить себя одеться как следует, он лишь натянул брюки, сунул ноги в шлепанцы да поверх ночной сорочки с вышитым мелкими красными крестиками воротом накинул домашний халат.

Оба удобно устроились в столовой, сев друг против друга. На столе стоял графинчик с кальвадосом, на фоне белой стены выделялись черные буквы: «Лост и Пепэн».

Давно зная друг друга, оба детектива избегали излишних церемоний. Низкорослый, как большинство корсиканцев, Коломбани носил туфли на высоких каблуках и яркие галстуки; на сред-

нем пальце сверкал перстень с брильянтом — не то настоящим, не то фальшивым. Вот почему его самого принимали подчас за одного из тех, за кем он охотился, а совсем не за полицейского.

— Я велел Жанвье заняться ипподромами, — проговорил Мегрэ, попыхивая трубкой. — Где сегодня скачки?

— В Венсене.

— Как и в прошлый вторник. Уж не в Венсене ли начались злоключения маленького Альбера? Мы провели предварительную работу по скачкам, но ощутимых результатов не получили. Правда, тогда мы занимались одним лишь бывшим гарсоном. Теперь проблема иная. Нужно выяснить у букмекеров, особенно тех, кто принимает крупные ставки, по пятьсот и тысяче франков, нет ли в числе их клиентов моложавого мужчины, который говорит с акцентом?

— Может, его опознали детективы, дежурившие на ипподроме?

— Боюсь, ставки он делает через подставных лиц. Слишком уж жирный куш — два с половиной миллиона франков.

— Сумма, вероятно, гораздо значительнее, — предположил Коломбани. — В моем докладе приведены лишь приблизительные размеры до-

бычи. Фермеры, которых они убивали, очевидно, имели тайники и под пытками могли указать их грабителям. Не удивлюсь, если окажется, что добыча составила миллиона четыре, а то и больше.

На что могли израсходовать награбленное жалкие обитатели ночлежки? На одежду они не тратились. В ресторанах не кутили. Лишь обжирались да пьянствовали. Но даже впятером не так-то просто проесть и пропить миллион.

Между тем налеты совершались довольно часто.

— Должно быть, львиную долю присваивал себе главарь.

— Но почему с этим мирились остальные?

Вопросов было так много, что голова разламывалась. Тогда Мегрэ тер лоб, уставясь на какой-нибудь предмет, к примеру на герань, стоявшую в дальнем окне.

Вопреки его желанию, мысли комиссара то и дело возвращались к расследованию: все, что происходит в Париже и его окрестностях, беспокоило Мегрэ.

Он еще не отправил Марию в Сантэ и договорился с издателями газет, что в дневном выпуске будет упомянуто название больницы, в которой она находится.

— Надеюсь, детективов там оставили?

— Да, четверых в штатском, не считая полицейских. К госпиталю можно попасть с нескольких сторон. Ведь сегодня впуск посетителей.

— Думаешь, бандиты попытаются что-то предпринять?

— Не знаю. Все они настолько без ума от Марии, что не удивлюсь, если кто-нибудь из них рискнет своей шкурой. К тому же, сам понимаешь, каждый считает себя отцом ребенка. Поэтому они захотят повидать мать и младенца… Игра опасная. И опасность эта исходит не столько от меня, сколько от остальных членов шайки.

— Не понимаю.

— Убили же они Поленского? А почему? Да потому, что могли из-за него погореть. Если выяснится, что кто-то из членов банды может попасть к нам в руки, вряд ли его оставят в живых, — задумчиво посасывал свою трубку Мегрэ.

— Наверняка сначала они попытаются связаться со своим главарем, — произнес Коломбани, закуривая сигарету с золотым ободком. — Особенно, если они на мели.

Мегрэ задумчиво посмотрел на корсиканца. Внезапно в глазах его появилось жесткое выражение. Вскочив, он стукнул по столу.

— Болван! Ну какой же я болван! — воскликнул он. — Мне это и в голову не пришло!

— Но ведь ты не знаешь, где он живет…

— Совершенно верно! Готов биться об заклад, что и остальные члены шайки знают не больше. Тип, который затеял все это дело и распоряжался своими сообщниками, наверняка принял меры предосторожности. Что говорил владелец гостиницы? А вот что: человек этот появлялся на улице Руа-де-Сисиль перед каждым налетом, чтобы дать шайке нужные инструкции. Ты понял, что я хочу сказать?

— Не вполне.

— Что мы о нем знаем наверняка или предположительно? Мы ищем его на скачках. Думаешь, те глупее нас? Ты совершенно прав: в эту самую минуту они наверняка пытаются связаться с ним. Может, затем, чтобы достать денег. Во всяком случае, сообщить ему о последних событиях, попросить совета или указаний. Могу поклясться, ни один из них не провел последнюю ночь в постели. Как думаешь, куда они отправились?

— В Венсен?

— Скорее всего. Если шайка не развалилась, то по крайней мере один из бандитов отправился на скачки. Если же все разбежались, не имея опре-

деленного плана действий, не удивлюсь, если в Венсене окажутся все трое. Хотя в лицо мы их не знаем, схватить их можно было бы запросто. Таких, как они, отыскать в толпе дело нехитрое. Подумать только! Жанвье на скачках, а я не дал ему нужных инструкций! Отправив три десятка детективов на ипподром и на трибуны, мы б их живо заловили. Который час?

— Поздно. Шестой заезд окончился полчаса назад.

— Вот ведь как бывает! Думаешь что предусмотрел все. Ложась спать, я был уверен, что сделал все, что в моих силах. Мои люди изучают платежные ведомости у Ситроена и прочесывают район Жавеля. Оцепили госпиталь Леннека. Осматривают все кварталы, где могут прятаться вот такие типы. Допрашивают бродяг и беспризорников. Обыскивают ночлежные дома. Мерс в своей лаборатории исследует все, что было найдено на улице Руа-де-Сисиль, вплоть до малейшего волоска. А тем временем эти головорезы, возможно, успели в Венсене встретиться со своим шефом.

Должно быть, Коломбани и сам был неравнодушен к конским бегам: он оказался недалек от истины. Раздался телефонный звонок. Говорил Жанвье:

— Я все еще в Венсене, господин комиссар. Пытался дозвониться до вас в управление.

— Скачки кончились?

— Полчаса назад. Я толковал с обслуживающим персоналом. Во время скачек никак было не поговорить: хлопот у них полон рот, как только умудряются работать без ошибки. Знаете, я спрашивал насчет тех ставок. Букмекера, который принимает ставки по тысяче франков, мой вопрос удивил. Этот парень бывал в Центральной Европе и в тамошних языках разбирается. «Вас интересует чех? — спросил он. — Есть тут такой. Постоянно делает крупные ставки. Почти всегда на аутсайдеров. Я сначала подумал, что он сотрудник посольства».

— Почему? — поинтересовался Мегрэ.

— С виду он принадлежит к сливкам общества. Всегда одет с иголочки. Проигрывает довольно часто, но и глазом не моргнет. Усмехнется, и все дела. Но букмекер заметил его потому, что обратил внимание на подружку чеха.

Облегченно вздохнув, Мегрэ, не скрывая радости, взглянул на Коломбани, словно говоря:

— Вот мы и добрались до них!

— Что за женщина? — крикнул он в трубку. — Иностранка?

— Парижанка. Потому-то я и не ушел с ипподрома. Если б мне удалось поговорить с букмекером раньше, он бы мне эту парочку показал.

— Что собой представляет эта женщина?

— Молоденькая, похоже, красавица. Одевается у лучших портных. Это еще не все, шеф. По словам букмекера, она киноактриса. Сам он в кино ходит редко. Имен кинозвезд не знает. К тому же она, как ему кажется, не на главных ролях. Я кучу имен перебрал, но это все не то.

— Который час?

— Без четверти шесть.

— Раз уж ты в Венсене, смотайся в Жуэнвиль. Это недалеко. Захвати с собой своего букмекера.

— Он сказал, что он к моим услугам.

— Сразу за мостом есть несколько киностудий. У режиссеров обычно хранятся фотографии всех актрис. Даже тех, кого берут на эпизодические роли. Они обращаются к своей коллекции, когда распределяют роли для очередной картины. Ты меня понял?

— Понял. Куда вам позвонить?

— Домой, — ответил Мегрэ, поудобнее устраиваясь в кресле. — Может, и сработает, — обратился он к Коломбани.

— Разумеется, если это *наш* чех.

Наполнив рюмки с золотым ободком, комиссар выколотил трубку и набил ее заново.

— Чувствую, горячий предстоит вечерок. Ты послала за девчуркой?

— Она в три часа выехала. Сам встречу ее на Северном вокзале.

Речь шла о девочке с фермы Мансо, которая чудом спаслась и видела в числе налетчиков Марию.

И опять прозвучал телефонный звонок, действуя на нервы.

— Алло? — Мегрэ снова взглянул на коллегу, но на этот раз с досадой. Говорил вполголоса. Какое-то время через равные промежутки он повторял:

— Да… да… да…

Коломбани напрасно пытался что-нибудь понять: слышалось гудение да несвязные обрывки фраз.

— Через десять минут? Да, да. Как обещал.

Почему Мегрэ сразу как-то замкнулся? Облик его совершенно изменился. Словно ребенок в ожидании рождественского подарка, он так и дрожал от нетерпения, однако пытался казаться спокойным, даже равнодушным.

Повесив трубку, вместо того чтобы обратиться к Коломбани, комиссар открыл дверь на кухню:

— Твоя тетушка с мужем едут к нам, — проговорил он.

— Что? О чем ты говоришь? Но ведь…

Он тщетно подмигивал жене.

— Знаю. Меня это тоже поразило. Должно быть, что-то стряслось. Ей нужно поговорить.

Просунув голову в дверь, Мегрэ строил немыслимые рожи, но супруга никак не могла понять, что это значит.

— В чем же дело? Надеюсь, ничего страшного не произошло.

— Может, речь идет о наследстве?

— Каком еще наследстве?

— Дядюшкином?

Коломбани встретил Мегрэ с кривой улыбкой.

— Извини, старик, — произнес комиссар. — С минуты на минуту должна приехать женина тетушка. Едва успею переодеться. Не хочу тебя спроваживать, но сам понимаешь…

Залпом осушив свою рюмку, комиссар из «Сюртэ» поднялся и вытер рот.

— Конечно, вполне понимаю. Позвонишь, если узнаешь что-нибудь новенькое?

— Обещаю.

— У меня такое чувство, что позвонишь ты очень скоро. Я даже не уверен, стоит ли мне

отправляться к себе в контору. Нет! Если не возражаешь, лучше приеду к тебе на набережную Орфевр.

— Договорились. До встречи.

Мегрэ чуть не вытолкнул Коломбани на лестницу. Затворив дверь, поспешно подошел к окну. Слева, за складом Лоста и Пепэна, находилась выкрашенная в желтый цвет лавка оверньята, торговца вином и углем. У двери стояла кадка с каким-то растением. На нее-то он и уставился.

— Ты что, разыгрывал комедию? — спросила жена.

— Ну, конечно! Не хотелось, чтобы Коломбани встретился с людьми, которые сейчас придут.

Мегрэ машинально оперся о подоконник, возле которого только что стоял Коломбани. Увидел сложенную газету. В глаза бросилось обведенное синим карандашом объявление.

— Вот каналья, — процедил сквозь зубы комиссар.

«Сюртэ Насьональ» и уголовная полиция издавна соперничают, так что детектив с улицы Соссэ не упустит случая разыграть коллегу с набережной Орфевр.

Правда, Коломбани не стал злобно мстить за байку про тетушку. Он лишь намекнул, что Мегрэ

не удалось провести его.

Объявление, появившееся в тот день с принятыми сокращениями во всех утренних газетах, а потом и в дневном выпуске, посвященном скачкам, гласило:

«Друзья Альбера, в целях вашей безопасности срочно зайдите к Мегрэ по адресу: бульвар Ришар-Ленуар, 132. Тайна беседы гарантируется».

Они-то и звонили из лавки через дорогу, желая убедиться, что объявление не розыгрыш, не ловушка, и услышать от самого Мегрэ обещание молчать и, кроме всего, выяснить, не выслеживают ли их.

— Сходи, прогуляйся по улице, мадам Мегрэ. И не очень торопись. Надень шляпку с зеленым пером.

— Почему именно с зеленым?

— А потому, что весна на носу.

С деловым видом улицу пересекли двое мужчин. Наблюдая за ними из окна, одного Мегрэ узнал.

Еше несколько минут назад о людях, которые придут к нему, он не имел ни малейшего представления. Даже к каким слоям общества принадлежат, не знал. Однако готов был поклясться, что на скачках они частые гости.

— Верно, Коломбани тоже наблюдает за ними откуда-нибудь, — проворчал комиссар. Напав на след, Коломбани способен обставить его. Коллеги с улицы Соссэ охочи до таких вот подлых штучек.

Тем более что Коломбани лучше Мегрэ знает Джо-Боксера.

Низенький, коренастый, перебитый нос, голубые глаза, тяжелые веки, неизменный костюм в клетку и кричащий галстук. Завсегдатай кабачков на авеню Ваграм.

Мегрэ неоднократно вызывал его, но Джо всякий раз вылезал сухим из воды.

Вряд ли он был опасен: просто Джо хотелось, чтобы люди так думали, любил изображать из себя грозу округи, этакого блатного, однако уголовники относились к нему с опаской, если не с презрением.

Мегрэ отворил дверь и поставил на стол чистые рюмки. Настороженно озираясь, гости вошли, с опаской посмотрели на закрытые двери соседних комнат.

— Не бойтесь, ребятки. Никто не собирается тут ни стенографировать, ни записывать ваши слова на пленку. Взгляните! Тут моя спальня. — Он показал смятую постель. — Здесь ванная. А там

гардероб. Вот кухня, в связи с вашим визитом жена только что оставила ее.

Из кастрюли шел аппетитный запах супа, на кухонном столе поблескивала жиром жареная курица.

— Эта дверь? Последняя. Там комната для гостей. Она плохо проветрена. Тут довольно душно. Гости здесь не бывают. Два-три раза в год останавливается свояченица. Ну а теперь к делу:

Протянув рюмку, чокнулся с гостями, при этом пристально взглянув на человека, пришедшего вместе с Джо-Боксером.

— Это Фердинанд, — пояснил Джо.

Комиссар порылся в памяти, но ничего не вспомнил. Долговязая, тощая фигура, длинный нос и шустрые мышиные глазки, как и имя, ничего ему не говорили.

— Он держит гараж недалеко от ворот Майо. Конечно, крохотный гаражик.

Забавно было наблюдать за ними: ни тот, ни другой не пожелали присесть, причем не из страха, а из предосторожности. Такие люди держатся возле дверей.

— Вы вроде толковали насчет какой-то опасности.

— Да, и к тому двойной! Во-первых, вас могут

выследить чехи, и тогда ваша песенка спета.

Джо и Фердинанд изумленно переглянулись, решив, что чего-то недопоняли.

— Какие еще чехи?

Ведь ни о каких чехах в газетах не упоминалось.

— Пикардийская банда.

На этот раз гости поняли, в чем дело, лица их помрачнели.

— Мы им ничего не сделали.

— Гм! Об этом мы еще потолкуем. Присядьте, беседовать будет удобнее.

Собравшись с духом, Джо опустился в кресло. Фердинанд, не знакомый с Мегрэ, устроился на краешке стула.

— Существует и вторая опасность, — заметил комиссар, закуривая трубку, и посмотрел на гостей. — Разве вы ничего сегодня не заметили?

— Везде полно легавых, не в обиду будь сказано.

— Ничего, я не обиделся. Не только легавых, как вы выразились, но и детективов в штатском. Они разыскивают кое-кого, в том числе и двух месье, владельцев желтого автомобиля.

Фердинанд улыбнулся.

— Насколько я понимаю, он теперь не желтый,

а номер у него совсем другой. Не в этом дело. Если бы вас отыскали ребята из нашей конторы, я, возможно, сумел бы вас выручить. Но вы заметили господина, который только что вышел от меня?

— Это Коломбани, — буркнул Джо.

— Он видел вас?

— Мы дождались, когда он сядет в автобус.

— Выходит, за вами охотится и «Сюртэ». Попадись вы им в руки, знакомства с Комелио вам бы не избежать.

Это имя произвело впечатление на гостей комиссара.

— Но раз вы сами пришли ко мне, мы сможем побеседовать, как друзья.

— Мы же почти ничего не знаем.

— Достаточно и того, что знаете. Вы дружили с Альбером?

— Он был хороший малый.

— Мы с ним познакомились на скачках.

Теперь все стало на свои места. Должно быть, гаражом Фердинанда широкая публика пользовалась редко. Возможно, краденых машин хозяин его и не сбывал: для того, чтобы видоизменять их, необходимы сложное оборудование и целая организация. Кроме того, оба посетителя были не из тех, кто охоч до рискованных предприятии.

Скорее всего, господин этот скупал по дешевке старые развалюхи, наводил на них лоск и продавал лохам.

В барах, на скачках, в гостиных нередко встретишь простаков, которые не прочь заключить выгодную, по их мнению, сделку. Иногда их можно подбить на покупку, шепнув, будто тачка похищена у известной кинозвезды.

— Вы оба были на скачках в Венсене в прошлый вторник?

Гости переглянулись — не затем, чтобы сговариваться, а чтобы припомнить.

— Минутку. Послушай, Фердинанд, ты, часом, не во вторник выиграл, когда ставил на Семирамиду?

— Тогда.

— Выходит, мы оба были.

— Альбер тоже?

— Точно, я вспомнил. Во время третьего заезда дождь полил как из ведра. Альбер тоже был там. Я его издали заметил.

— Вы с ним не разговаривали?

— Он сидел не на трибунах, а в ложе. Мы всегда сидим на трибунах. Да и он тоже. Но в тот день он привел жену. Отмечали годовщину свадьбы или что-то вроде. Он мне сам до этого говорил. Он

даже подумывал купить какой-нибудь недорогой автомобиль. Фердинанд обещал подыскать. Что-нибудь приличное, честно говорю.

— А потом?

— Что потом?

— Что произошло на другой день?

Оба снова переглянулись. Комиссару пришлось подсказать им выход.

— В среду, часов в пять, он звонил в гараж?

— Нет. В кафе «Пеликан», на авеню Ваграм. Мы почти все время там сидим.

— Послушайте, ребята. Мне нужно знать, что именно он сказал. Если возможно, слово в слово. Кто с ним разговаривал?

— Я, — сказал Джо.

— Вспомни хорошенько. Не торопись.

— Мне показалось, он очень спешит или чем-то взволнован.

— Я знаю.

— Сначала я не дорубил, в чем дело. Он говорил быстро, слов было не разобрать. Будто боялся, что его вот-вот прервут.

— Я это тоже знаю. В тот же день он мне звонил раза четыре или пять…

— Неужели?

Джо и Фердинанд решительно не могли ничего

понять.

— Раз он звонил, то вы все знаете.

— И все-таки рассказывай.

— Он сказал, что за ним гонятся какие-то типы и он их боится, но будто придумал, как от них отделаться.

— Он сообщил, каким именно образом?

— Нет, но был вроде доволен своей идеей.

— А потом?

— Потом сказал примерно так: «Дело кошмарное, но нам, может, кое-что отколется». Не забывайте, комиссар, вы обещали…

— И обещание свое я сдержу. Из этого дома вы выйдете так же беспрепятственно, как и вошли. Что бы вы мне ни сообщили, вас никто не тронет. При одном условии. Вы скажете мне всю правду.

— Вам все известно не хуже нас.

— Более или менее.

— Ну ладно. Тогда слушайте. Альбер еще вот что прибавил: «Приезжайте ко мне в восемь вечера. Есть разговор».

— Что он имел в виду, как вы полагаете?

— Погодите. Прежде чем повесить трубку, он успел прибавить: «Нину я отправлю в кино». Поняли? Выходит, дело затевалось нешуточное.

— Минутку. Альбер в ваших махинациях когда-

нибудь участвовал?

— Ни разу. На что бы он пригодился? Вы же знаете, чем мы промышляем. Закон это не очень-то одобряет. А Альбер был человек порядочный.

— И все-таки ему вздумалось извлечь выгоду из того, что он узнал.

— Возможно. Не знаю. Хотя постойте! Пробую вспомнить, что он точно сказал, но не получается. Он что-то толковал насчет банды с Севера.

— И вы решили встретиться?

— А что нам еще оставалось?

— Послушай, Джо. Не пудри мне мозги. Ты в полной безопасности и можешь быть откровенным. Ты подумал, что твой кореш Альбер напал на след пикардийской банды. Из газет тебе было известно, что эти преступники взяли несколько миллионов. И ты решил, что и вам перепадет. Так ведь?

— Я решил, что Альбер так подумал.

— Ну вот и договорились. А потом?

— Мы к нему поехали вдвоем.

— И на бульваре Генриха Четвертого поломались. Выходит, жёлтый «ситроэн» был не такой новый, каким он казался с виду.

— Мы навели марафет, чтоб «толкнуть» его. Сами на нем ездить не собирались.

— На набережную Шарантон вы приехали, опоздав на полчаса. Ставни были опущены. Вы открыли дверь, она была не заперта.

Гости уныло переглянулись.

— И вы обнаружили, что вашего приятеля Альбера зарезали.

— Совершенно верно.

— Что же вы предприняли?

— Сперва мы подумали, что он еще жив: он был еще теплый.

— А потом?

— Мы заметили, что дом обыскивали. Подумали о Нине, которая вот-вот должна вернуться из кино. Кинотеатр там один, возле канала. Мы туда и поехали.

— Что вы собирались делать дальше?

— Честно говоря, мы и сами не знали. Чувствовали себя отвратительно. Разве приятно сообщать женщине такую новость. Потом нам пришло в голову, что бандиты могли засечь нас. Стали вместе с Фердинандом думать, как быть.

— И тогда решили отвезти Нину в провинцию?

— Да.

— Где теперь она?

— Возле Корбей, в гостинице на берегу Сены. Иногда мы ездим туда рыбачить, у Фердинанда

там лодка.

— Неужели она не захотела взглянуть на мужа?

— Мы ей не позволили. Когда возвратились назад, у дома никого не было. Из-под двери пробивался свет, мы выключить забыли.

— А труп зачем увезли?

— Это Фердинанд придумал.

— Зачем? — повернулся Мегрэ к долговязому. Тот понурился.

— Не знаю, как и объяснить. Я был сам не свой. Для храбрости мы в гостинице пропустили по паре стаканчиков. Я подумал, что соседи видели машину и нас, верно, засекли. Когда узнают, что Альбер убит, легавые начнут искать Нину. Ну а та расколется, расскажет, что и как.

— И вы пустили полицию по ложному следу.

— Пожалуй, что так. Если в преступлении нет ничего таинственного, полицию оно не очень интересует. К примеру, если человека убили и ограбили прямо на улице.

— Это тебе пришло в голову проделать в плаще дырку?

— Надо было, чтоб поверили, будто его на улице пришили.

— И лицо изуродовать?

— Пришлось. Он все равно ничего не чувствовал. Мы решили: дело в таком случае положат на полку, и мы окажемся в безопасности.

— Это все?

— Все, уверяю вас. Правда, Джо? На другой день я перекрасил машину в голубой цвет и сменил номерные знаки.

Гости явно намеревались уходить.

— Минутку. Вы ничего не получали?

— А что мы должны получить?

— Конверт, вероятно, с каким-то содержимым.

— Нет.

Оба искренне изумились вопросу. Задавая свой вопрос, Мегрэ пытался найти разрешение проблемы, которая последние дни больше всего его занимала.

Разгадку он нашел в словах Джо, произнесенных несколько минут назад. Разве Альбер не сообщил ему по телефону, что придумал способ отделаться от бандитов, которые его преследовали?

Разве после звонка друзьям из кафе, где его видели в последний раз, он не попросил конверт?

У него с собой, видно, в кармане, было нечто такое, что скомпрометировало бы членов шайки. Потому-то бандиты и преследовали Альбера. И

наверняка лучший способ сбить их со следа состоял в том, чтобы совершенно открыто бросить конверт в почтовый ящик,

Сунуть в конверт документ — пара пустяков. Но какой он подписал адрес?

Сняв трубку, Мегрэ позвонил в управление.

— Алло? Кто у телефона? Бодэн? Халтурка тебе, старина. Притом срочная! Сколько сейчас детективов в конторе? Что? Всего четверо? Да, один должен остаться за дежурного. Возьми трех остальных. Распределите между собой все почтовые отделения Парижа… Погоди минутку! В том числе и в Шарантоне. Этим займись самолично, причем в первую очередь. Опроси тех, кто ведает корреспонденцией «до востребования». Где-то должно находиться письмо на имя Альбера Рошена. Лежит уже несколько дней. Да, забрать и доставить мне. Нет, не домой. Через полчаса приеду в управление.

— Еще по стаканчику? — Он с улыбкой посмотрел на гостей. Те, видно, кальвадос не очень-то жаловали, но из вежливости отказываться не стали.

— Ну, мы пошли? — Гости неуверенно поднялись, похожие на школьников, которых отпустил на перемену учитель.

— Нас не арестуют?

— Вы совсем не будете привлечены. Попрошу только ничего не говорить Нине.

— У нее тоже не будет неприятностей?

— А с какой стати?

— Вы с ней поделикатнее, ладно? Если бы вы знали, до чего она любила своего Альбера!

Затворив за ушедшими дверь, Мегрэ пошел на кухню выключить газ: суп закипел и начал заливать горелку.

Как он и подозревал, мошенники все-таки покривили душой. По словам доктора Поля, они принялись уродовать своего приятеля, не став дожидаться, пока Нина окажется в безопасности.

Но дела это не меняло: оба проявили достаточно доброй воли, и комиссар решил оставить их в покое. Ведь чувство стыда знакомо и людям такого сорта.

Глава девятая

В кабинете было накурено. Вытянув ноги, в углу устроился Коломбани. Начальник полицейского управления только что ушел. Входили и выходили детективы в штатском. Совсем недавно звонил Комелио.

— Алло! Маршан? — взялся за трубку Мегрэ. — Говорит Мегрэ, — Да, самый настоящий. Что, что? Мой однофамилец? Ваш приятель? Граф? Нет, совсем не родственник!

Часы показывали семь. Собеседником комиссара был управляющий «Фоли-Бержер».

— Что вам угодно, дружище? — отвечал, грассируя, Маршан. — Не так-то это просто, черт возьми. До открытия всего ничего, едва успею перекусить. Если только составите мне компанию. Скажем, в «Шоп Монмарт»? Через десять минут? Ну, до встречи, дорогой.

Находившийся в кабинете Жанвье был крайне возбужден. Из Жуэнвиля он привез большую фотографию, одну из тех, какие можно увидеть в актерских уборных. Крупным, уверенным почерком на ней было выведено: Франсина Латур.

Миловидная, совсем юная женщина. На обороте адрес: Пасси, улица Лоншан, дом 121.

— Наверное, она теперь в труппе «Фоли-Бержер», — объяснил Жанвье.

— Букмекер ее узнал?

— Определенно. Я хотел захватить его, но уже поздно. Он жены боится. Но, если он понадобится, в любую минуту можно к нему заскочить. Он живет на острове Сен-Луи, рукой подать. И телефон есть.

Телефон был и у Франсины Латур. Мегрэ набрал номер. Ни слова не говоря, он повесит трубку, если кто-нибудь ответит. Однако, как он и предполагал, дома ее не оказалось.

— Прогуляйся-ка к ней, Жанвье. Захвати с собой кого-нибудь потолковее. Ни в коем случае не привлекайте к себе внимание.

— Устроить у нее засаду?

— Не надо пока. Жди моего звонка. Пусть один из вас сидит поблизости в каком-нибудь баре. Звякни, сообщи номер телефона.

Мегрэ хмурился: не упустить бы чего из виду. Поездка на завод к Ситроэну дала по крайней мере хоть какой-то результат. Выяснилось, что Серж Мадок работал там почти два года.

— Послушайте, ребята. — Комиссар зашел в

дежурку. — Вечером или ночью мне понадобится много народу. Далеко не отлучайтесь. Сходите по очереди закусить, а не то пошлите за бутербродами и пивом. Скоро увидимся. Пойдем, Коломбани?

— Разве ты не обедаешь с Маршаном?

— Ты ведь с ним тоже знаком?

Начавший с перепродажи театральных билетов, Маршан стал теперь заметной личностью, сохранив при этом вульгарные манеры и грубую речь. Положив локти на стол, он разглядывал меню. В ту минуту, когда к нему подошли детективы, он заказывал метрдотелю:

— Что-нибудь этакое легкое, голубчик Жорж… Куропатка есть у тебя?

— Под гарниром из капусты, мсье Маршан.

— Садитесь, мой дорогой. Ого! И органы правопорядка пожаловали? Еще один прибор и место, голубчик Жорж. Как относитесь к куропатке с капустой, господа хорошие? Минуточку! Принеси-ка нам пока запеченную форельку. Она у тебя живая, Жорж?

— Можете взглянуть в цистерну, мсье Маршан.

— И еще какой-нибудь закуси, чтоб ждать было не скучно. Вот и все. Напоследок — суфле, раз уж настаиваешь.

Таково было его излюбленное меню. Даже приходя в одиночку, он заказывал его два раза в день. И это называл «легкой закусью, чтоб червячка заморить». А после представления, верно, еще и поужинает.

— Ну так чем могу помочь, голубчик? Надеюсь, не по поводу моего ревю заявились?

Вести серьезный разговор было еще рано. Подошел официант, подающий вина, и Маршан несколько минут выбирал напитки.

— Слушаю вас, ребятки.

— Если я вам кое-что сообщу, сумеете ли вы держать язык за зубами?

— Вы забываете, голубчик, что я знаю больше тайн, чем любой другой парижанин. Судьба сотен счастливых семейств находится вот в этих самых руках. Держать язык за зубами? Да я только этим и занимаюсь!

Как ни странно, то была сущая правда. Маршан болтал с утра до вечера, но никогда не говорил больше, чем хотел сказать.

— Вы знаете Франсину Латур?

— Она выступает у нас с Дреаном в двух скетчах.

— Что вы о ней думаете?

— А что я, по-вашему, должен думать? Это еще

ребенок. Спросите лет этак через десять.

— Талантлива?

Маршан с комическим изумлением взглянул на комиссара.

— А на кой бес ей талант, скажите на милость? Ей, думаю, не больше двадцати, а она одевается у лучших портных. По-моему, и брильянты носить начала. Во всяком случае, на той неделе в норковой шубе заявилась. Чего вы еще хотите от нее?

— Любовники у нее есть?

— Как у каждой танцовщицы. У нее есть друг, вполне приличный господин.

— Вы его знаете?

— Как не знать.

— Иностранец, не правда ли?

— Теперь они все более-менее иностранцы. Франция, похоже на то, поставляет только верных мужей.

— Послушайте, Маршан. Дело гораздо серьезнее, чем вы предполагаете.

— Когда вы его сцапаете?

— Надеюсь, нынче вечером.

— Признаться, это стреляный воробей. Если мне не изменяет память, он раза два попадался с пустыми чемоданами и еще чем-то вроде. Сейчас он, похоже, на мели.

— Его имя?

— За кулисами все его называют мсье Жан. Настоящая его фамилия Бронский. Он чех.

— Недостойный представитель своей нации, — прибавил Коломбани, а Мегрэ лишь пожал плечами.

— Какое-то время он был связан с кино. По-моему, он и теперь с киношниками якшается, — продолжал Маршан, знавший подноготную всех знаменитостей Парижа, в том числе и тех, чья знаменитость дурного свойства. — Симпатичный малый, обходительный, не прижимистый. Женщины от него без ума, мужчины сторонятся: очень уж обаятельный.

— Он влюблен?

— Вроде бы. Во всяком случае, шага от девчонки не отходит. И, говорят, ревнив.

— Как вы полагаете, где он сейчас?

— Если днем были скачки, то, скорее всего, оба ездили на ипподром. Девочка, которая последние несколько месяцев шьет свои платья в салонах на улице Мира и носит новое манто из норки, не прочь поразвлечься на скачках. Ну а сейчас эта парочка сидит в каком-нибудь баре на Елисейских полях. Позднее полдевятого Франсина не засиживается. В театр приходит около девяти.

Так что у них есть еще время поужинать у Фуке, у Максима или в ресторане Сиро. Если хотите найти их…

— Не сейчас. Бронский сам привозит ее в театр?

— Почти всегда. Проводит в артистическую уборную, поболтается немного за кулисами. Потом идет в бар, с Феликсом потрепаться. После второго скетча возвращается в уборную Франсины. Как только она переоденется, увозит. Почти всякий раз они уезжают к кому-нибудь на коктейль.

— Живет у нее?

— Вполне вероятно, старина. На этот счет у консьержки поинтересуйтесь.

— Вы его видели последнее время?

— Кого его? Вчера вечером видел.

— Вам не показалось, что он нервничает?

— Знаете, такие, как он, всегда нервничают. Когда ходишь по натянутому канату, занервничаешь. Если я правильно понял, канат вот-вот оборвется. Жаль девочку! Конечно, она прибарахлилась, так что переживет. А может, найдет себе что-нибудь поприличней.

Разговаривая, Маршан не переставал есть и пить, вытирал губы салфеткой, приветливо здо-

ровался с людьми, которые входили и выходили из ресторана, и даже успевал позвать метрдотеля или буфетчика.

— Не знаете, с чего он разбогател?

Маршан, о чьих первых шагах нередко сплетничали бульварные газеты, ответил довольно резко:

— Джентльмену таких вопросов не задают, приятель.

Однако немного погодя прибавил:

— Знаю только, что одно время он заправлял агентством, которое занималось массовками, набирало статистов.

— Давно?

— Несколько месяцев назад. Могу выяснить.

— Не утруждайте себя. Попрошу никому не говорить о нашей беседе. Особенно нынче вечером.

— Приедете в театр?

— Нет.

— Тем лучше. Свои делишки в моем заведении обстряпывать не стоит.

— Не хочу риска, господин Маршан. Слишком уж часто появлялись в газетах наши с Коломбани фотографии. Судя по тому, что вы рассказали и что я знаю о нем, тип этот достаточно хитер и без

труда обнаружит присутствие детективов.

— Дружище, слишком уж вы серьезно взялись за дело. Навалитесь-ка лучше на куропатку.

— Могут быть неприятности.

— Да неужто?

— Уже были. И немалые, по правде говоря.

— Ну, полно. Не надо мне ничего рассказывать. Лучше прочитаю об этом завтра или послезавтра в газетах. Если Жан пригласит меня нынче вечером за свой столик, мне будет не по себе. Да вы ешьте, ребятки. Что скажете насчет этого «Шатонеф»?.. Этого вина только полсотни бутылок, и все я велел приберечь для меня. Теперь осталось сорок девять. Еще одну?

— Нет, спасибо. Нам еще работать всю ночь.

Через четверть часа детективы оставили Маршана, несколько разомлевшего от обильной трапезы, изрядно орошенной вином.

— Надеюсь, не проболтается, — проворчал Коломбани.

— Не проболтается.

— Кстати, Мегрэ, ценные ли сведения сообщила тебе тетушка?

— Очень ценные. В сущности, история маленького Альбера известна мне теперь почти целиком.

— Так и думал. От кого узнаешь больше, чем от женщины. Особенно когда это тетушка из провинции. Не поделишься ли со мной этими сведениями?

Немного времени у них еще оставалось. Ночь предстояла весьма напряженная, и, чтобы немного расслабиться, детективы шли по улице пешком.

— Ты был совершенно прав. Мы могли схватить Бронского на ипподроме. Если только он не догадывается, что его выследили!

— Сделаем все, что в наших силах, не так ли?

До управления уголовной полиции добрались около половины десятого. Их ожидало важное известие. Сообщил его взволнованный детектив.

— Карл Липшитц убит, комиссар. Можно сказать, на глазах у меня. Я спрятался метрах в ста от больницы. Стою, слышу справа от меня какие-то звуки. Будто кто-то с ноги на ногу переминается. Послышался топот ног, затем — выстрел. Совсем рядом. Я было решил, что стреляли в меня, и выхватил пистолет. Вижу: один упал, а другой бежит прочь. Я выстрелил.

— Убил его?

— Я в ноги целился, со второго выстрела попал.

— Кто это был?

— Сопливый мальчишка, Петр. Далеко нести его не понадобилось, больница в двух шагах.

— Выходит, это Петр стрелял в Карла?

— Да.

— Они вместе были?

— Нет. Навряд ли. Скорее всего, Петр следил за Карлом, а потом его шлепнул.

— Что он сказал?

— Пацан? Ничего. Рта не раскрыл. Глаза горят, как в лихорадке. Видно, рад, что попал в больницу. Все время оглядывался, когда по коридору несли.

— Наверное, потому, что там Мария? Рана серьезная?

— Пуля попала в левое колено. Сейчас его оперируют.

— Что в карманах?

На столе у Мегрэ появились две аккуратные кучки. В первой содержимое карманов Карла. Во второй — то, что нашли у Петра.

— Мерс наверху?

— Говорит, будет работать в лаборатории всю ночь.

— Попроси его спуститься. Сходите кто-нибудь в картотеку. Мне нужна карточка и досье на

некоего Жана Бронского. «Пальчиков» его у меня нет, но он два раза судим и полтора года сидел.

Нескольких человек Мегрэ послал на улицу Прованс, напротив театра «Фоли Бержер», наказав им ни в коем случае не высовываться.

— Прежде чем уйти, взгляните на фото Бронского. Брать его лишь в том случае, если он попытается сесть в поезд или самолет. Не думаю, что дойдет до этого.

В бумажнике у Карла Липшитца обнаружили сорок две ассигнации по тысяче франков, его собственное удостоверение личности и еще одно, выписанное на имя итальянца Филипино. Убитый, видно, не курил: ни сигарет, ни трубки, ни зажигалки при нем не оказалось. Нашли лишь карманный фонарь, два носовых платка, один из них испачканный, билет в кино на этот день, перочинный нож и револьвер.

— Вот видишь! — заметил Мегрэ, обращаясь к Коломбани. — Мы воображали, что все учли наперед, — показал он на билет. — А вот они смекнули. Гораздо лучше, чем слоняться по улицам. В темноте можно сидеть часами. А на бульварах, где кинотеатры открыты всю ночь, и вздремнуть можно.

В карманах у Петра оказалось лишь тридцать

восемь франков мелочью. В бумажнике две фотокарточки — одна Марии, с другой прической, небольшая карточка для паспорта, снятая, видно, год назад. На другой фотографии — крестьянин с крестьянкой на пороге своего дома, судя по архитектуре, где-то в Центральной Европе.

Документов не оказалось. Сигареты, зажигалка. Записная книжка в синем переплете. Несколько страниц исписано убористым почерком.

— Стихи, похоже.

— Уверен, это стихи.

Мерс обрадованно посмотрел на вещи, которые ему предстояло унести к себе на чердак. Вскоре на столе у комиссара лежало дело Бронского.

Строгая и безжалостная, как все полицейские фотографии, карточка не соответствовала описанию, которое дал Маршан: еще молодое небритое лицо, худые скулы, острый кадык.

— Жанвье звонил?

— Он сказал: все спокойно, и вы можете с ним связаться. Его телефон Пасси 62–41.

— Попроси соединить меня с ним.

Дело комиссар читал вполголоса. Выяснилось, что Бронскому тридцать пять лет. Уроженец Праги. Учился в Венском университете, несколько лет жил в Берлине. Там женился на некоей

Хильде Браун, но, когда в возрасте двадцати восьми лет приехал во Францию (документы у него оказались в исправности), он уже был один. Назвался профессиональным кинорежиссером, снял номер в гостинице на бульваре Распай.

— Жанвье на проводе, шеф.

— Это ты, дружище? Ужинал? Слушай меня внимательно. Сейчас я подошлю на машине двух человек.

— Нас и так двое! — запротестовал детектив.

— Не имеет значения. Послушай, что я тебе скажу. Когда они прибудут, поставь их незаметно снаружи. Главное, чтоб ни одна живая душа не заподозрила, что они тут. Ты со своим напарником войдешь в дом. Подождешь, пока не погаснет свет у консьержки. Что из себя представляет здание?

— Новое, довольно шикарное. Широкий белый фасад, застекленная дверь с железной фигурной решеткой.

— Хорошо. Назови какое-нибудь имя, поднимись наверх.

— Как найду квартиру?

— И то правда? Где-нибудь поблизости есть молочная ферма. Разбуди молочника, если понадобится. Наплети ему что-нибудь, лучше что-нибудь романтическое.

— Понял.

— Не забыл, как отмычкой орудовать? Войдите. Свет не зажигайте. Спрячьтесь где-нибудь в углу оба. Да так, чтобы в нужный момент вмешаться.

— Ясно, шеф, — вздохнул бедный Жанвье. Видно, предстоит не один час просидеть, как мышь, в чужой квартире.

— Ни в коем случае не курить!

Мегрэ улыбнулся: сколько запретов. Потом отобрал двух детективов для дежурства на улице Лоншан.

— Захватите свои пугачи. Неизвестно, как дело обернется.

Взгляд на Коломбани. Оба понимали друг друга с полуслова. Они имеют дело не с жуликами, а с главарем банды убийц и рисковать не вправе.

Арестовать Бронского в баре театра «Фоли-Бержер» куда проще. Однако трудно предвидеть его поведение. Вполне вероятно, что он вооружен, а это, похоже, такой человек, который станет защищаться, возможно, даже стрелять в толпу, чтобы скрыться в суматохе.

— Кто закажет в «Дофине» пива и бутербродов?

Это означало, что предстоит большая работа. Оба помещения отдела, которым заведовал Мегрэ,

напоминали полицейский участок. Люди курили, сновали взад-вперед. Телефоны молчали.

— Соедините, пожалуйста, с «Фоли-Бержер».

Маршана удалось отыскать с трудом. Пришлось привести его из-за кулис, где он увещевал двух голых танцовщиц.

— Слушаю, голубчик, — начал он, не зная, кто с ним говорит.

— Это Мегрэ.

— Да?

— Он там?

— Сию минуту видел его.

— Хорошо. Ничего не говорите. Позвоните, если уйдет один.

— Понял. Только не надо портить ему физиономию.

— Думаю, об этом позаботятся другие, — загадочно ответил комиссар.

Через несколько минут вместе с комиком Дреаном Франсина Латур появится на сцене, ее любовник зайдет на минуту в разгоряченный зал, потом вместе с другими завсегдатаями постоит в проходе у партера, вполуха прислушиваясь к диалогу, который знает наизусть, к взрывам хохота, доносящимся с галерки.

Мария все еще лежала в больничной палате,

расстроенная и злая: согласно правилам, ребенка у нее на ночь отобрали, а в коридоре дежурили два детектива. Еще один инспектор находился в другом флигеле больницы. Из операционной туда только что доставили Петра.

С бульвара Сен-Жермен, где был в гостях, улучив свободную минуту, позвонил мсье Комелио.

— Все еще никаких известий? — озабоченно спросил он.

— Так, сущие пустяки, — отвечал Мегрэ. — Убит Карл Липшитц.

— Кто-нибудь из ваших людей убил?

— Нет, свои. Мои люди ранили в ногу Петра.

— Выходит, на свободе остался всего один бандит?

— Да, Серж Мадок. И еще главарь.

— Имя коего вам по-прежнему неизвестно?

— Имя коего Жан Бронский.

— Как вы сказали?

— Бронский.

— Разве он не кинорежиссер?

— Не знаю, режиссер он или нет, но с киношниками якшается.

— Три года назад я приговорил его к восемнадцати месяцам тюрьмы.

— Он самый.

— Напали на его след?

— Сейчас он в «Фоли-Бержер».

— Где вы сказали?

— Я сказал: в «Фоли-Бержер».

— Разве вы не намерены его арестовать?

— Намерен, Но время терпит. Хочу избежать лишних жертв. Понимаете?

— Запишите номер телефона. Я пробуду у друзей примерно до полуночи. Потом буду ждать вашего звонка дома.

— Думаю, вы вполне успеете выспаться.

Мегрэ не ошибся. Наняв такси, Жак Бронский и Франсина Латур сначала отправились поужинать к «Максиму», Мегрэ по-прежнему сидел у себя в кабинете на набережной Орфевр, следя за маршрутом парочки. Из «Дофины» дважды приходил с подносом официант. Повсюду грязные стаканы, недоеденные бутерброды, из-за табачного дыма нечем дышать. Несмотря на жару, Коломбани не снимал свое светлое пальто из верблюжьей шерсти и сдвинутую на затылок шляпу, ставшие для него как бы формой.

— А за женщиной не пошлешь?

— За какой женщиной?

— За Ниной, женой Альбера?

Мегрэ досадливо покачал головой. Какое Ко-

ломбани до этого дело? Он готов сотрудничать с людьми из «Сюртэ», но зачем вмешиваться, куда не просят?

Ему было о чем подумать. Как сказал Комелио, комиссар вправе арестовать Жана Бронского, когда только сочтет нужным. Еще в самом начале расследования, обращаясь к кому-то, комиссар заметил с необычной серьезностью: «На этот раз мы имеем дело с убийцами».

И эти убийцы понимают, что терять им нечего. Если бы их схватили в толпе и та узнала, что они из «пикардийской банды», полиция не смогла бы помешать расправе.

После того, что они натворили на фермах, любой суд приговорит их к смерти. Убийцам это хорошо известно. Лишь Мария может рассчитывать на помилование со стороны президента республики: у нее ребенок.

Да и то сомнительно. Есть показания оставшейся в живых девочки. А обожженные ноги и груди жертв? Дерзость и неукротимая красота преступницы только восстановят против нее присяжных.

Цивилизованные люди боятся диких зверей, особенно двуногих, тех, что напоминают им отдаленные эпохи, жизнь в лесных зарослях.

А Жан Бронский — еще более опасный зверь. Зверь, который одевается на Вандомской площади, у лучшего портного. Зверь в шелковой сорочке, с университетским образованием. Зверь, которому, точно куртизанке, каждое утро подстригают и завивают волосы.

— Ты осторожничаешь, — заметил Коломбани, обращаясь к Мегрэ, терпеливо сидевшему у одного из телефонов.

— Да, я осторожничаю.

— А если он выскользнет у тебя из рук?

— Пусть лучше выскользнет, чем убьет кого-нибудь из моих людей.

В конце концов, к чему теперь оставлять в бистро на набережной Шарантон Шеврье и его жену? Надо им позвонить. Но они спят. Мегрэ с улыбкой пожал плечами. Как знать, может, эта игра для них забава? Почему бы им не продолжить ее еще несколько часов?

— Алло!.. Шеф?.. Они только что зашли во «Флоранс».

Шикарный ночной клуб на Монмартре. Падают только шампанское. Очевидно, Франсине Латур захотелось похвастаться новым платьем или украшением. Она совсем зелена, еще не устала от подобной жизни. Правда, есть богатые титу-

лованные старушки, владеющие особняками на авеню Буа-де-Булонь и в Сен-Жерменском предместье, которые вот уже сорок лет ошиваются по таким же клубам!

— Пошли! — решительно произнес Мегрэ.

Достав из ящика револьвер, убедился, что он заряжен. Коломбани с легкой улыбкой наблюдал за комиссаром.

— Меня с собой возьмешь?

Со стороны Мегрэ это было любезностью. Все происходило на его территории. Именно он напал на след «пикардийской банды». Он мог провести операцию со своими людьми, и тем самым набережная Орфевр записала бы на свой счет одно очко в состязании с улицей Соссэ.

— Шпалер при тебе?

— Он у меня всегда в кармане.

Мегрэ, напротив, редко брал с собой оружие.

Проходя двором, Коломбани указал на одну из полицейских машин.

— Нет! Лучше такси. Не так будем бросаться в глаза.

Выбрал таксомотор, где был знакомый водитель. Впрочем, все таксисты Парижа знали Мегрэ.

— Улица Лоншан. Поезжайте не торопясь.

Квартал, где жила Франсина Латур, находился в самом начале улицы неподалеку от знаменитого ресторана, где комиссар несколько раз обедал. Все двери заперты: пробило два часа. Осталось подыскать удобное для стоянки место. Мегрэ был мрачен и неразговорчив.

— Сделайте еще круг. Я скажу, когда остановиться. Включите одни лишь стояночные огни, будто клиента поджидаете.

Остановились меньше чем в десяти метрах от нужного дома. Оба знали, что в подъезде спрятался детектив. Поблизости должен быть еще один. А наверху, в темной квартире, все еще находился Жанвье со своим товарищем.

Заняв сиденье со стороны тротуара, Мегрэ попыхивал трубкой. Своим плечом он ощущал плечо Коломбани. Прошло сорок пять минут. Подкатывали одно за другим такси, люди выходили и исчезали в соседних подъездах. Наконец, и возле их подъезда остановился таксомотор. Выпрыгнув на тротуар, молодой стройный мужчина наклонился, чтобы помочь спутнице.

— Пора! — единственное, что произнес Мегрэ. Все движения его были точно рассчитаны. Отпустив ручку (дверь он давно держал распахнутой), комиссар с неожиданной для его возраста рез-

востью бросился вперед и в тот самый момент, как Бронский полез в карман смокинга за бумажником и наклонился, чтобы посмотреть на показания счетчика, прыгнул на преступника.

Молодая женщина закричала. Мегрэ схватил Бронского сзади за плечи, увлекая его за собой, и упал на тротуар. Несмотря на то, что комиссар получил удар головой в подбородок, он крепко держал Бронского за руки: тот мог выхватить пистолет. Подоспевший Коломбани выверенным движением пнул каблуком бандита в лицо.

Франсина Латур, все еще взывавшая о помощи, кинулась к парадной, начала отчаянно звонить. Прибежали оба детектива, возня продолжалась еще несколько секунд. Последним поднялся Мегрэ, лежавший на мостовой.

— Ранен кто-нибудь?

При свете подфарников он заметил кровь на ладони, но, оглянувшись, увидел, что у Бронского разбит нос. На руках «режиссера» уже были наручники, и тот поневоле ссутулился. Лицо у него было невероятно свирепое.

— Суки поганые!.. — брезгливо сплюнул бандит.

Один из детективов хотел было ответить на оскорбление пинком в голень. Поискав трубку,

Мегрэ остановил его.

— Пусть себе брызжет ядом. Это единственное право, которое у него осталось.

В суматохе чуть не забыли про Жанвье и его напарника. Рабы долга, они до самого рассвета просидели бы в засаде.

Глава десятая

Первым делом Мегрэ позвонил начальнику уголовной полиции. Комелио это наверняка пришлось бы не по нутру.

— Отлично, дружище. А теперь в постель, сделайте такое одолжение. Остальными займемся завтра. Обоих железнодорожников вызовем.

Речь шла о начальниках станций Годервиль и Муше. Нужно было опознать человека, которого видел один из путейцев, когда тот сошел с поезда 19 января, а второй — когда незнакомец садился в вагон спустя несколько часов.

— Коломбани распорядился. Они уже выехали.

Тут же на стуле сидел и Бронский. Такого множества пивных бокалов и бутербродов ему еще никогда не приходилось видеть. Больше всего чеха поразило то, что никто не думал его допрашивать.

Франсина Латур тоже находилась в кабинете Мегрэ. Будучи твердо уверена, что произошла ошибка, она настояла, чтобы ее впустили. И тогда, как дают ребенку книжку с картинками, чтобы успокоить его, комиссар протянул ей дело Брон-

ского. Молодая женщина внимательно читала досье, время от времени с ужасом поглядывая на своего любовника.

— Что намерен делать? — поинтересовался Коломбани.

— Позвоню Комелио, а потом лягу спать.

— Подбросить тебя?

— Нет, спасибо. Зачем делать лишний крюк?

Мегрэ снова темнил, и Коломбани понимал это. Громко назвав свой адрес, немного погодя комиссар постучал по стеклу.

— Поезжайте вдоль Сены. В сторону Корбей.

Так они встретили рассвет. Комиссар видел, как на берегу, над которым поднимается легкий туман, устраиваются рыболовы, как подходят к шлюзам первые баржи и из печных труб к перламутровому небу поднимаются ранние дымки.

— Чуть выше по течению увидите гостиницу, — заметил он, когда Корбей остался позади.

Вот и гостиница. Тенистая терраса выходила к Сене, вокруг здания беседки; в воскресные дни там, должно быть, толпился народ. Хозяин гостиницы — мужчина с висячими рыжими усами — вычерпывал из лодки воду, на пристани сушились сети.

После нелегкой ночи приятно было идти по

росистой траве, вдыхать запах земли и горящих в печи дров, наблюдать, как хлопочет на кухне расторопная служанка, не успевшая причесаться.

— Кофе у вас есть?

— Через несколько минут будет готово. Вообще-то мы еще не открылись.

— Ваша гостья рано спускается?

— Я слышала, она ходила по спальной…

Действительно, наверху раздавались шаги.

— Я для нее варю кофе. Вы ее друг?

— Накройте, пожалуйста, на двоих.

— Конечно. Как же иначе.

Все произошло очень просто. Когда Мегрэ представился и назвал свою должность, женщина немного испугалась, но он приветливо произнес:

— Вы позволите позавтракать с вами?

Возле окна на красной клетчатой скатерти были накрыты два массивных фаянсовых прибора. Из кофейников струился пар. Масло имело привкус ореха.

Нина действительно косила, причем ужасно. Она это знала, и когда заметила, что ее разглядывают, покраснела и застеснялась.

— Когда мне было семнадцать, — объяснила она, — мама заставила меня сделать операцию: левый глаз у меня косил вправо. После операции

стал косить в другую сторону. Хирург предложил сделать новую операцию бесплатно, но я отказалась.

Правда, уже немного погодя этого недостатка вы почти не замечали. И даже находили ее почти красивой.

— Бедный Альбер! Знали бы вы его! Всегда такой веселый, доброжелательный.

— Он вам кузеном приходился?

— Троюродный или четвероюродный брат.

Акцент придавал ее речи особую прелесть. Но больше всего в Нине поражала безграничная потребность любви. Не любви к ней самой, а потребность излить ее на ближнего.

— Мне было почти тридцать, когда я лишилась родителей. Я была старой девой. У родителей водились кое-какие деньги, и я никогда не работала. В огромном нашем доме мне было тоскливо, и я уехала в Париж. Альбера я знала понаслышке и решила повидаться с ним.

Ну, разумеется, Мегрэ понял: Альбер был тоже одинок. Должно быть, Нина окружила его заботой, к какой он не привык.

— Знали б вы, как я его любила! Я никогда не просила его любить меня, вы понимаете? Это было невозможно. Но он говорил, что любит.

Я делала вид, что верю. Мы были счастливы, господин комиссар. Уверена, он тоже был счастлив. Как же иначе? Недавно мы отпраздновали годовщину нашей свадьбы. Что произошло на скачках, не знаю. Несколько раз он оставлял меня на трибуне одну: ходил делать ставки. Вернулся какой-то встревоженный, то и дело оглядывался, словно искал кого-то. Настоял, чтобы мы поехали домой на такси, и все время смотрел назад. Не остановил мотор возле нашего дома, а зачем-то велел шоферу ехать дальше. Тот довез нас до площади Бастилии. Альбер вышел, а мне сказал: «Поезжай домой одна. Через час-два вернусь». Его кто-то преследовал. Но в тот вечер он не вернулся. Позвонил и сказал, что придет утром. На другой день два раза звонил…

— Это было в среду?

— Да. Когда позвонил во второй раз, велел, чтоб не ждала его, а сходила в кино. Мне не хотелось, но он настоял. Чуть не рассердился. Я и пошла. Вы их арестовали?

— Всех, кроме одного. Этого тоже скоро поймаем. Не думаю, чтоб он был опасен, тем более, мы знаем, кто он, знаем приметы.

Мегрэ даже не подозревал, сколь он близок к истине. В эту самую минуту детектив из полиции

нравов обнаружил Сержа Мадока в борделе на улице Ля Капелль, грязном заведении, посещаемом главным образом арабами. Он туда забрался накануне вечером и упорно не желал уходить.

Сопротивления, однако, он не оказывал. Он был настолько пьян, что в полицейский фургон его пришлось нести на руках.

— Что вы теперь намерены делать? — поинтересовался Метра, набивая трубку.

— Не знаю. Скорее всего, вернусь на родину. Содержать ресторан в одиночку мне не под силу. Да и нет тут у меня никого.

Повторив последнее слово, женщина оглянулась вокруг, словно ища, на кого бы излить свою нежность.

— Не знаю, как жить дальше.

— А что если ребенка усыновить.

Нина посмотрела недоверчиво, но потом улыбнулась:

— Вы думаете, это возможно? Мне позволят?

Идея эта так быстро возникла и обрела форму, что Мегрэ расстроился. Хотя фраза вырвалась не вполне случайно, он хотел лишь прощупать почву. Мысль эта родилась во время поездки сюда, в Корбей. Одна из тех фантастических, бредовых идей, которые рождаются в полузабытье или в

состоянии полного физического истощения, всю несуразность которой осознаешь лишь наутро.

— К этому разговору мы еще вернемся. Мне хотелось бы с вами еще раз встретиться, если позволите. Нужно уладить с вами кое-какие денежные дела: нам пришлось открыть ваш ресторан.

— Вам известен такой ребенок?

— Видите ли, мадам. Есть один ребенок, который через несколько недель или месяцев может стать сиротой.

Нина покраснела до корней волос. Мегрэ тоже: он уже жалел, что заговорил об этом.

— Это младенец, да? — сбивчиво спросила женщина.

— Да, совсем крошка.

— Он же не виноват ни в чем.

— Нисколько.

— И не обязательно, чтобы он стал…

— Простите, мадам. Мне пора в Париж.

— Я подумаю.

— Не думайте слишком много. Зря я затеял этот разговор.

— Нет, вы сделали правильно. Нельзя ли мне взглянуть на него? Скажите, мне позволят?

— Разрешите задать еще один вопрос. Альбер

говорил, будто вы меня знаете. Не помню, чтоб я когда-нибудь видел вас прежде.

— Зато я вас видела. Правда, давно. Мне тогда едва исполнилось двадцать. Матушка была еще жива, мы с ней поехали в Дьепп…

— Отель «Босежур», — воскликнул комиссар. В этой гостинице они с женой провели две недели.

— Все обитатели гостиницы только о вас и говорили и тайком разглядывали…

На пути в Париж, проезжая мимо залитых солнцем полей, Мегрэ испытывал какое-то необычное чувство. На живых изгородях набухали почки.

«Славно было бы взять отпуск», — подумал он, возможно, вспомнив дни, проведенные в Дьеппе.

Мегрэ понимал, что ничего подобного с ним не произойдет, хотя такие мысли и появлялись у него время от времени. Это было вроде простуды, которую излечивала напряженная работа.

Вот и предместья… Мост Жуэнвилль…

— Поезжай на набережную Шарантон.

Бистро оказалось открытым. У Шеврье был несколько обескураженный вид.

— Хорошо, что вы приехали, шеф. Мне позвонили, сказали: все кончено. Жена не знает, ехать на рынок или нет.

— Как ей будет угодно.

— Сидеть тут больше ни к чему?

— Совершенно ни к чему.

— Спрашивали, не видел ли я вас. Наверное, повсюду искали — и дома, и в управлении. Не позвоните на набережную Орфевр?

Комиссар заколебался. На этот раз силы у него действительно были на исходе. Хотелось лишь одного: забраться под одеяло и уснуть. Сном крепким и без сновидений.

— Ставлю пари — просплю целые сутки.

К сожалению, он ошибался. Столько спать не дадут. На набережной Орфевр — и в этом он сам виноват — укоренилась привычка беспокоить Мегрэ по любому пустяку.

— Что будете пить, комиссар?

— Кальвадос, раз настаиваешь.

Начав с кальвадоса, он тем же мог и кончить.

— Алло! Кто меня спрашивает?

Звонил Бодэн. Про него Мегрэ совсем забыл. Как и о других детективах, которые продолжали дежурить в разных районах Парижа.

— Я нашел письмо, шеф!

— Какое письмо?

— До востребования.

— Ах, да. Вот и отлично.

Бедняга Бодэн. Не оценили по заслугам его старания!

— Вскрыть конверт и сообщить, что в нем находится?

— Как хочешь.

— Сейчас посмотрим. Письма никакого нет. Железнодорожный билет, и только.

— Превосходно.

— Вы знали о нем?

— Догадывался. Первый класс. Билет Париж — Годервиль и обратно.

— Совершенно верно. Тут вас начальники станций дожидаются.

— Пусть ими Коломбани займется.

Прихлебывая кальвадос, Мегрэ улыбнулся слегка. Вот еще один штрих к портрету маленького Альбера. Человека, которого он не знал при жизни, но чей образ восстановил как бы из кусочков мозаики.

Подобно многим любителям скачек, Альбер имел привычку смотреть под ноги. Подчас среди выброшенных бумажек попадался и выигрышный билет.

В то же роковое утро вместо билета тотализатора ему случилось найти железнодорожный билет.

Если б у него не было этой страсти… Если б он не заметил человека, из чьего кармана выпал билет… Если б название станции не напомнило ему об убийствах, совершенных «пикардийской бандой»… Если б на лице не отразились охватившие его чувства…

— Бедный Альбер! — вздохнул Мегрэ.

Да, тогда бы он остался жив. Но в таком случае после пыток и истязаний погибло бы еще несколько престарелых супружеских пар.

— Жена готова прикрыть лавочку хоть сию минуту, — обратился к нему Шеврье.

— Ну и пусть прикрывает!

Потом мелькали улицы, возникла астрономическая сумма на счетчике, мадам Мегрэ, после знакомства с Ниной показавшаяся комиссару не такой уж заботливой и нежной.

Когда муж юркнул под одеяло, она решительно произнесла:

— Сниму телефонную трубку и никому не открою дверь.

Мегрэ услышал лишь начало фразы…